

C. 952
Б43

ISSN 0321-0369

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта

СЕРЫЯ 3

Гісторыя
Філасофія
Псіхалогія
Паліталогія
Сацыялогія
Эканоміка
Права

3/2001



Галоўны рэдактар В.Р. РУДЗЬ

Рэдакцыйная калегія серыі:

А.А. ЯНОЎСКІ (адказны рэдактар),
С.А. БАЛАШЭНКА, В.М. ГАДУНОЎ, А.М. ДАНИЛАЎ, А.І. ЗЕЛЯНКОЎ
(нам. адказнага рэдактара), **М.М. КАВАЛЁЎ** (нам. адказнага
рэдактара), **Ю.Л. КАЗАКОЎ** (адказны сакратар), **У.Л. КЛЮНЯ,**
С.В. РАШЭТНІКАЎ, А.С. СЛЯПОВІЧ, І.А. ФУРМАНАЎ, С.М. ХОДЗІН,
У.М. ХОМІЧ, А.В. ШАРАПА

Заснавальнік:
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

Рэгістрацыйны № 805

ВЕСТНИК БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАўНАГА УНІВЕРСИТЕТА

Серыя 3, № 3, 2001

Адрас рэдакцыі: 220050, Мінск, вул. Бабруйская, 7, каб. 412, 413, тэл. 209-54-00
E-mail: vestnik_bsu@research.bsu.unibel.by

На рускай і беларускай мовах

Рэдактар **Л.К. Баццошківа**
Карэктар **Л.А. Меркуль**
Тэхнічны рэдактар **Ю.І. Дзянісаў**

Набор і верстка выкананы ў рэдакцыі часопіса **Р.Я. Аўсянікавым, Ю.І. Дзянісавым**

Падпісана да друку 08.10.01. Фармат 70х108 1/16. Папера афсетная. Друк афсетны.
Ум. друк. арк. 10,54. Ум. фарб.-адб. 10,65. Ул.-выд. арк. 12,18. Тыраж 450 экз. Заказ 587.
Цана 1371 р.

Надрукавана з гатовых дыяпазітываў заказчыка ў РУП «Выдавецкі цэнтр БДУ»
220030, Мінск, вул. Чырвонаармейская, 6
ЛП № 461 ад 14.08.2001.

© Вестнік БДУ, 2001

80
гадоў

БЕЛАРУСКАМУ ДЗЯРЖАЎНАМУ
УНІВЕРСІТЭТУ



Ю.Л. КАЗАКОЎ, А.Г. КАХАНОЎСКІ, П.А. ЛОЙКА

АЙЧЫННАЯ ГІСТОРЫЯ Ў БЕЛАРУСКІМ ДЗЯРЖАЎНЫМ УНІВЕРСІТЭЦЕ



Казакou Юрыі Леанідавіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў, намеснік дэкана гістарычнага факультэта. Даследуе стан беларускага грамадства ў канцы XVI – пачатку XVII ст., уплыў на сітуацыю канфесійнага фактару. Аўтар больш за 70 навуковых і навукова-папулярных работ па гісторыі Беларусі XVI–XX ст., у тым ліку дзвюх манаграфій і сямі навучальных дапаможнікаў.

Каханоўскі Аляксандр Генадзьевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу, намеснік дэкана гістарычнага факультэта. Даследуе пытанні сацыяльнай і культурна-палітычнай гісторыі Беларусі другой паловы XIX ст. Аўтар больш за 60 навуковых і навукова-метадычных работ па гісторыі Беларусі XIX ст., у тым ліку каля дзесятка навучальных дапаможнікаў.

Лойка Павел Алегаевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў. Кола яго навуковых інтарэсаў ахоплівае праблемы сацыяльна-эканамічнай і грамадска-палітычнай гісторыі ВКЛ XVI–XVIII ст. Аўтар больш за 120 навуковых і навукова-папулярных публікацый.

The article contains the retrospective analysis of the Belarusian history problems research carried out by the specialists of the historical faculty, the Belarusian State University. The primary attention is paid to the themes of the researches, their changes, evolution of scientific approaches and main achievements.

Гісторыя – настаўніца жыцця. Так пісалі яшчэ ў старажытнасці, і гэта ісціна добра ўсведамлялася нашым грамадствам у пачатку 1920-х гг., калі ствараўся і рабіў першыя крокі Беларускае дзяржаўнае ўніверсітэт. Дзякуючы намаганням яго першага рэктара прафесара У.І. Пічэты ва ўніверсітэцкай адукацыі пачэснае месца занялі такія дысцыпліны, як гісторыя Беларусі, гісторыя народнай гаспадаркі БССР, гісторыя рускага і беларускага права. У цэнтры гэтай працы, акрамя рэктара, стаялі М.В. Доўнар-Запольскі, У.М. Ігнатоўскі, Ф.Ф. Турук, Д.А. Дудкоў, К.І. Кернажыцкі, В.Д. Дружчыц, М.М. Шчакаціхін, пра якіх з цеплынёй і ўдзячнасцю ўспаміналі першыя студэнты сацыяльна-гістарычнага аддзялення педфака.

Пасля стварэння ў 1934 г. асобнага гістарычнага факультэта з адзінай кафедры ўсеагульнай гісторыі ў 1936 г. вылучылася кафедра гісторыі СССР і БССР, на якой працавалі А.П. П'янкоў, Д.А. Дудкоў, Ц.С. Гарбуноў. Нягледзячы на неспрыяльныя ўмовы, у 1940 г. была створана першая універсітэцкая праграма курса "Гісторыя Беларусі", выкладчыкі прынялі ўдзел у падрыхтоўцы дапаможніка "Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах". У 1939 г. на гістфаку адбылася абарона першай кандыдацкай дысертацыі. У пасляваенныя гады айчынная гісторыя развівалася і заняла пэўнае месца ў сістэме універсітэцкай адукацыі. У лістападзе 1958 г. пад кіраўніцтвам Л.С. Абэцэдарскага была створана кафедра гісторыі БССР, якую пасля 1957 г. узначальвалі дактары гістарычных навук, прафесары В.У. Чапко, І.О. Царук, А.П. Ігнаценка.

У чэрвені 1994 г. у сувязі з пашырэннем і паглыбленнем вывучэння курса айчынай гісторыі як на гістарычным, так і на іншых факультэтах Белдзяржуніверсітэта кафедра падзялілася на дзве: кафедру гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў (загадчык П.А. Лойка) і кафедру гісторыі Беларусі новага і наваейшага часу (загадчык П.І. Брыгадзін, з 1999 г. загадчык А.Г. Каханоўскі).

Асновы для вывучэння шматлікіх праблем мінуўшчыны Беларусі – грамадска-палітычнай гісторыі, царкоўна-рэлігійнай эвалюцыі, аграрнай гісторыі, развіцця гарадоў, культурнага жыцця – заклаў патрыярх беларускай гістарычнай школы акадэмік У.І. Пічэта. У дакументальнай працы "Аграрная рэформа Жыгімонта-Аўгуста ў Літоўска-Рускай дзяржаве"¹ знакаміты медыявіст усебакова разгледзеў прычыны правядзення і вынікі гаспадарчых пераўтварэнняў, вызначальных для беларускай вёскі і эканомікі Вялікага княства Літоўскага ў цэлым. Навуковыя публікацыі У.І. Пічэты 1919–1930-х гг. былі прысвечаны разгляду становішча асобных катэгорый сялянства ў XV–XVI ст., юрыдычнага статусу сельскага насельніцтва, эвалюцыі феадальнага землеўладання, стану памеснай гаспадаркі. Вучоны надаў увагу такім праблемам палітычнай гісторыі ВКЛ, як шляхі ўваходжання беларускіх зямель у склад княства Літоўскага, дзяржаўны лад краіны, уніі ВКЛ з Каронай Польскай, дыпламатычныя адносіны з суседзямі. Значны ўклад У.І. Пічэта ўнёс у распрацоўку "Скарыніны". Грунтоўныя даследаванні класіка айчынай гістарычнай навукі аб'яднаны ў маскоўскім выданні пад назвай "Беларусь і Літва XV–XVI ст."²

Вучні У.І. Пічэты ў 1919–1930-я гг. працягнулі шматаспектнае вывучэнне праблем сярэднявечнай гісторыі Беларусі. Аб'ёмны артыкул Т.І. Забелы, у якім аўтар абапіраўся на дадзеныя прыкпады соцень інвентароў феадальных уладанняў, вывучаў стан панскай і сельскай гаспадарак на беларускіх землях у другой палове XVIII ст.³ Працы К.І. Кернажыцкага былі прысвечаны характарыстыцы фальварачнай і сельскай гаспадарак у дзяржаўных уладаннях на тэрыторыі Беларусі ў другой палове XVIII ст.⁴ Аўтар упершыню ў беларускай гістарычнай навукі ўвёў статыстычны метада працоўкі дакументальных крыніц па аграрнай гісторыі.

Праблемы самакіравання ў беларускім сярэднявечным горадзе аналізаваў прафесар гісторыі БДУ В.Д. Дружыц⁵, які, працягваючы даследаванні свайго настаўніка У.І. Пічэты, разглядаў становішча ВКЛ у складзе Рэчы Паспалітай у паслялюблінскі перыяд. Аналіз тэксту статута ВКЛ 1588 г. і факты палітычнага жыцця апошняй трэці XVI ст. схілілі медыявіста да высновы, што ў пабудове агульнай польска-вельіканяжацкай дзяржавы дакладна паўставалі ўсе элементы дуалізму на федэратыўных асновах⁶. Пасляваенную беларускую гістарыяграфію па сярэднявечнаму перыяду можна вызначыць як "гарадошную". Даследаванні беларускіх гарадоў будаваліся як на археалагічных дадзеных, так і на пісьмовых крыніцах. Вывучэнню ра-

месніцкай вытворчасці ў гарадах Беларусі XVII–XVIII ст. прысвяціў сваю працу вядомы гісторык А.П. Ігнаценка⁸. Значная ўвага ў гістарыяграфіі 1950–1970-х гг. адводзілася вывучэнню беларуска-расійскіх адносін у XVI–XVIII ст. Шэраг работ па гэтай складанай праблеме падрыхтаваў і апублікаваў знакаміты прафесар БДУ Л.С. Абэцэдарскі. Пільная ўвага ў яго працах адводзілася антыфеадальным выступленням на беларускіх землях у сярэдзіне XVII ст.⁹ Таксама былі разгледжаны беларуска-рускія эканамічныя і культурныя сувязі¹⁰. Безумоўна, цікавымі і навацыйнымі сюжэтамі ў беларускай гістарыяграфіі было вывучэнне рассялення беларусаў у расійскай дзяржаве, іх заняткі на новым месцы пражывання, вынікі вытворчай і культурнай дзейнасці. Тэматычна ў працяг даследчыцкай працы Л.С. Абэцэдарскага прафесар А.П. Ігнаценка падрыхтаваў манаграфію¹¹, у якой на фоне сацыяльна-эканамічнага і палітычнага становішча беларускіх зямель у складзе Рэчы Паспалітай другой паловы XVII–XVIII ст. разглядзеў настроі і захады насельніцтва да ўз'яднання з усходнім расійскім суседам. Даследчык закрануў пытанні, што былі абыдзены напярэднікамі: народны рух на поўдні Беларусі ў перыяд Калііўшчыны на Украіне, адносіны беларускіх сялян і мяшчан да падзелаў Рэчы Паспалітай і вызваленчага руху 1794 г.

Адзначым, што ў вышэйназваных працах мелі адчувальны ўплыў канцэптуальна-метадалагічныя палажэнні, якія былі закладзены ў “Тэзісах аб асноўных пытаннях гісторыі БССР” (ч. 1, 1948), згодна з якімі гісторыя беларусаў зводзілася да “імкнення народных мас Беларусі да Маскоўскай дзяржавы”. Гіпертрафіраваны класавы падыход практычна выключаў магчымасць з'яўлення ў беларускай гістарыяграфіі 1950–1980-х гг. грунтоўных прац па гісторыі дзяржавы і права, шляхецкага саслоўя, царкоўна-рэлігійнай тэматыцы.

У 1980-я гг. працягваліся даследаванні па ідэалагічна бяспечнай сацыяльна-эканамічнай праблематыцы. Так, на пытаннях эвалюцыі феадальнай рэнты ў другой палове XVI–XVIII ст. у прыватнаўласніцкіх маёнтках, у тым ліку дробнай і сярэдняй шляхты, канцэнтраваў сваю ўвагу П.А. Лойка¹². У яго манаграфіі, якая базіруецца на вывучэнні 451 інвентарнага апісання па 220 уладаннях на ўсёй тэрыторыі Беларусі, ва ўсёй шматскладанасці паказаны працэс фарміравання сістэмы рэнтных адносін як вынік шэрага сацыяльна-эканамічных і палітычных абставін, характэрных для Беларусі XVI–XVIII ст.

У 1990-я гг. XX – пачатку XXI ст. навукоўцы звярнуліся да актуальных, але нявывучаных праблем грамадска-палітычнай, ваеннай, канфесійнай гісторыі. Так, у 1991 г. з'яўляюцца публікацыі Ю.І. Драгуна аб месцы уніяцкай царквы ў лесе беларускага народа¹³. У 1994 г. выходзіць манаграфія У.П. Емельянчыка, у якой панарамна разгортваюцца падзеі паўстання 1794 г. на землях Беларусі. На сучасны момант распрацоўваюцца праблемы палітычнай актыўнасці шляхты беларускіх зямель у XVI–XVII ст.¹⁴, уплыву канфесійных супярэчнасцей на стан беларускага грамадства ў эпоху сярэднявечча¹⁵. У перспектывным арсенале універсітэцкіх навукоўцаў, якія даследуюць гісторыю Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў, шмат задум па ліквідацыі значных лакун нашай мінуўшчыны, па інфармаванню сусветнай грамадскасці пра ўсё багацце беларускай гісторыі.

Айчыннымі навукоўцамі надавалася параўнальна няшмат увагі вывучэнню гісторыі Беларусі XIX – пачатку XX ст. на розных этапах. Невялікае кола пытанняў знайшло здавальняючае адлюстраванне ў літаратуры. Толькі ў апошнія дзесяцігоддзі назіраецца пашырэнне тэматыкі, разнастайнасці падыходаў у вывучэнні абазначанага перыяду. Выкладчыкі універсітэта ў 1920–1930-х гг. звярнулі ўвагу перш за ўсё на пытанні, звязаныя з сацыяльнымі працэсамі напярэдадні і ў час рэвалюцыйных падзей 1905–1907 гг. і

1917 г. (У.І. Пічэта, У.М. Ігнатоўскі і інш.), сацыяльна-эканамічным развіццём Беларусі, гісторыяй сялянства, пралетарыяту, і іншыя (М.В. Доўнар-Запольскі, В.К. Шчарбакоў і інш.)¹⁷. Найбольш сур'ёзным даследаваннем у гэты час па гісторыі Беларусі стала манаграфія М.В. Доўнар-Запольскага¹⁸, у якой змешчаны вялікі фактычны матэрыял. Аўтар насуперак меркаванням сучаснікаў і паслядоўнікаў звязваў пачатковы этап капіталістычнай мадэрнізацыі Беларусі з 80-мі гадамі XIX ст. У першыя пасляваенныя дзесяцігоддзі тэматыка вывучэння гісторыі Беларусі XIX – пачатку XX ст. практычна не змянілася. На першым плане разглядаліся падзеі рэвалюцыі 1905–1907 гг.¹⁹, на другім – характарызаваліся феадальна-прыгонніцкія адносіны, правядзенне рэформы 1861 г.²⁰, гісторыя грамадскага руху на Беларусі ў XIX ст. і інш.²¹

У 1960–1980-я гг. выкладчыкі гістарычнага факультэта апублікавалі шэраг грунтоўных прац па айчыннай гісторыі, якія не страцілі сваёй вартасці ў сувязі са зменамі канцэптуальных падыходаў у вывучэнні гісторыі. Праблемы сацыяльна-эканамічнага развіцця Беларусі ў першай палове XIX ст. (стан памешчыцкай гаспадаркі, становішча сялянства, яго рух і інш.) разглядаліся ў манаграфіях і артыкулах В.У. Чапко²². Гісторыі фарміравання чыгуначнага пралетарыяту прысвечаны працы В.А. Цітка²³; пытанні развіцця гістарычнай думкі і грамадскага жыцця ў Беларусі XIX ст. прааналізаваны ў навуковых працах Ю.І. Драгун²⁴.

Сённяшні этап вывучэння гісторыі Беларусі XIX – пачатку XX ст. у значнай ступені вызначаецца працамі выкладчыкаў кафедры гісторыі Беларусі, а пасля яе рэарганізацыі ў 1994 г. – кафедры гісторыі новага і наваейшага часу. Гісторыі партыі эсэраў і яе дзейнасці на Беларусі, пытаннем грамадскага жыцця ў пачатку XX ст. прысвечаны работы П.І. Брыгадзіна²⁵. Шмат гадоў эвалюцыю дзяржаўных уладанняў, сацыяльнай групы дзяржаўных сялян у Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. плённа вывучае У.А. Сосна²⁶. Шырокі спектр пытанняў урадавай палітыкі на Беларусі, грамадскага і канфесійнага жыцця ў XIX ст. сталі прадметам глыбокага даследавання ў працах В.А. Цяпловай²⁷. Сацыяльная структура і стратыфікацыя беларускага грамадства, эвалюцыя ліберальнага руху і ідэалогіі ў Беларусі ў другой палове XIX ст. складаюць сферу навуковых даследаванняў А.Г. Каханоўскага²⁸. Шмат гадоў свайго жыцця аддаў вывучэнню гісторыі Беларусі XIX ст. В.С. Касмылёў²⁹.

Гісторыя Беларусі XIX – пачатку XX ст. з'яўляецца аб'ектам увагі некаторых выкладчыкаў кафедры гісторыі Расіі (гісторыя дваранства – С.Л. Лугаўцова), гісторыі паўднёвых і заходніх славян (гісторыя культуры – В.А. Сімакова), этналогіі, музеезнаўства і гісторыі мастацтваў (этнічныя працы – П.У. Церашковіч; гісторыя музейнай справы – А.А. Гужалоўскага; паўстанне 1830–1831 гг. – В.В. Гарбачова)³⁰.

Апошнім часам назіраецца тэндэнцыя звароту да новай ці малараспрацаванай тэматыкі гісторыі Беларусі XIX – пачатку XX ст., пераасэнсавання з улікам новых падыходаў традыцыйных праблем айчыннай гісторыі: сацыяльная стратыфікацыя, мадэрнізацыйныя працэсы ў Беларусі (А.Г. Каханоўскі), урадавая палітыка (В.А. Цяплова), вайна 1812 г. і Беларусь (А.М. Лукашэвіч), чыноўніцкі апарат на Беларусі (Н.А. Роцька).

З моманту заснавання ўніверсітэта навукоўцы надавалі пэўную ўвагу праблемам айчыннай гісторыі падчас і пасля 1917 г. Пачынальнікам гэтай справы трэба лічыць члена праўлення прафесара БДУ У.М. Ігнатоўскага, які ў 1920-я гг. падрыхтаваў звыш 30 навуковых работ, распрацаваў канцэпцыю нацыянальнай гісторыі³¹. Да гонару даследчыка трэба аднесці эканамічнае і палітычнае абгрунтаванне нацыянальна-вызваленчага руху за адраджэнне мовы, культуры, самасвядомасці і дзяржаўнасці беларускага народа. Кастрычніцкая рэвалюцыя, якая вырашыла сацыяльныя пытанні, закранула і праблемы нацыянальныя, спрыяла абвешчэнню БССР.

У 1930-я гг. з'яўляецца шэраг навуковых і папулярных прац Ц.С. Гарбунова, Д.А. Дудкова³², якія былі прысвечаны праблемам нацыянальнага руху, утварэнню БССР, уз'яднанню Заходняй Беларусі з Усходняй. Напісаныя з марксісцка-ленінскіх пазіцый і ў неспрыяльны час, яны перабольшвалі значэнне рэвалюцыйнай і класовай барацьбы, давалі адмоўную характарыстыку нацыянальнаму руху.

Актыўная распрацоўка праблем савецкай гісторыі ва ўніверсітэце адбывалася ў другой палове 1940-х – першай палове 1980-х гг. Значна ўзрасла колькасць даследаванняў, у навуковае карыстанне было ўведзена шмат новых архіўных матэрыялаў. Гісторыкі засяродзілі ўвагу на падзеях Кастрычніка на Беларусі, і ў першыя пасляваенныя гады з'явіліся працы Н.В. Каменскай, У.Р. Івашына, І.М. Ігнаценкі³³, дзе разглядаліся грамадска-палітычныя адносіны, праблемы тактыкі палітычных партый у барацьбе за масы, дзейнасць бальшавікоў. Сярод іх змястоўнасцю класавых характарыстык пралетарыяту і сялянства вылучаецца манаграфія І.М. Ігнаценкі³⁴, у якой упершыню адлюстравалася ўплыў на сялянства нацыянальных партый, аналізавалася склад і работа І Усебеларускага з'езда. Становішчу беларускай вёскі і палітыцы бальшавікоў у адносінах да сялянства былі прысвечаны навуковыя працы Д.П. Жмуроўскага³⁵. Гісторыкаў хвалявала праблема ўтварэння БССР і вызначэння асноўных характарыстык палітыкі бальшавікоў у нацыянальным пытанні, у сувязі з чым з'явіліся даследаванні Н.В. Каменскай, Я.Ю. Несцяровіча, М.Е. Шкляра³⁶. І хаця на гэтых даследаваннях адбіліся спрошчаныя падыходы, заідэалагізаваныя адзнакі, яны значна прасоўвалі наперад распрацоўку пытанняў рэалізацыі нацыянальнай ідэі і стварэння беларускай дзяржаўнасці.

У пасляваенны час гісторыкі ўніверсітэта надалі пэўную ўвагу аналізу падзей на Беларусі ў часы НЭПа і сацыялістычнага будаўніцтва. У працах С.Г. Скабцова, М.Е. Шкляра³⁷ ўздымаліся пытанні рэалізацыі дзяржаўнай палітыкі на вёсцы. Г.Г. Герасіменка і У.Н. Сідарцоў³⁸ актыўна распрацоўвалі праблему далучэння працоўных да кіраўніцтва дзяржавай. Пакуль яшчэ са старых пазіцый, але на вялікім фактычным матэрыяле пачала вывучацца гісторыя індустрыялізацыі і калектывізацыі, сведчаннем чаму сталі артыкулы і кнігі С.Г. Скабцова, А.І. Сідарэнкі, К.К. Германа, В.Ф. Працко, І.Ф. Літвіноўскага, В.І. Медзяніка і інш.³⁹ Значная група ўніверсітэцкіх даследчыкаў засяродзіла ўвагу на пытаннях развіцця нацыянальна-вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі і палітыкі савецкіх улад у дачыненні да гэтага рэгіёну пасля яе ўз'яднання. Асабліва плённа ў гэтым накірунку працавалі П.З. Савачкін, І.О. Царук, А.У. Царук, У.Ф. Ладысеў, П.І. Зялінскі і інш.⁴⁰ А.А. Тозік прыступіў да аналізу падзей гісторыі Вялікай Айчыннай вайны і падрыхтаваў грунтоўную манаграфію, прысвечаную стварэнню падполля⁴¹.

Па меры назапашвання фактычнага матэрыялу і яго абагульнення гісторыкі ўніверсітэта прыступілі да распрацоўкі праблем пасляваеннай гісторыі Беларусі. Шмат артыкулаў і навуковых прац было прысвечана гісторыі рабочага класа і сялянства. Гэтай праблематыкай актыўна займаліся Л.А. Міхайлоўскі, У.К. Коршук, Ю.Л. Казакоў, А.П. Салькоў, В.В. Бригадзіна, Л.А. Жылуновіч, А.М. Алпееў і інш.⁴² Шэраг навуковых прац (манаграфіі У.Е. Снапкоўскага⁴³) былі прысвечаны міжнароднай дзейнасці. З'явіліся працы па актуальных праблемах гісторыі культуры. У кнігах І.М. Ільшчына, С.А. Умрэйкі, М.І. Красоўскага⁴⁴ раскрываліся пытанні развіцця народнай адукацыі. Група даследчыкаў, у якую ўваходзілі А.І. Кажушкоў, А.А. Яноўскі, М.Ф. Чудзеў, прыступіла да распрацоўкі гісторыі ўніверсітэта і на працягу 1960–1980-х гг. падрыхтавала шмат цікавых выданняў. З удзелам ўніверсітэцкіх даследчыкаў у пасляваенны перыяд з'явіліся першыя абагульняючыя працы па айчыннай гісторыі. У 1958 г. выйшаў у свет другі том двухтомнага

выдання "Гісторыя Беларускай ССР", у якім упершыню была сістэматызавана гісторыя беларускага народа за гады Савецкай улады. У 1972–1975 гг. з'явіліся апошнія тры тамы пяцітомнага выдання "Гісторыя Беларускай ССР", якія цалкам прысвячаліся вызначанаму перыяду. Сярод найбольш характэрных момантаў адлюстравання развіцця айчынай гісторыі ў Белдзяржуніверсітэце ў 1940–1980-я гг. трэба адзначыць захаванне старых метадалагічных падыходаў, слабае асвятленне негатыўных з'яў жыцця грамадства.

Яксна новы этап у гістарыяграфіі савецкага перыяду пачынаецца ў другой палове 1980-х гг. У выніку радыкальных сацыяльна-эканамічных пераўтварэнняў была ліквідавана манаполія марксісцка-ленінскай метадалогіі, большасць навукоўцаў актыўна ўключылася ў работу над пераасэнсаваннем мінулага. У 1991 г. выйшаў у свет зборнік "Актуальныя пытанні гісторыі БССР", у якім гісторыкі ўніверсітэта выказалі новы погляд на савецкі перыяд. Пачалося пераасэнсаванне нацыянальна-вызваленчага руху, ролі БНР, дзейнасці Беларускай сацыялістычнай грамады, Беларускай партыі сацыялістаў-рэвалюцыянераў у стварэнні нацыянальнай дзяржаўнасці (манаграфіі П.І. Брыгадзіна, У.К. Коршука, І.Ф. Раманоўскага, У.Ф. Ладысева)⁴⁵.

Новыя падыходы вызначыліся ў асэнсаванні сацыяльна-эканамічнага развіцця БССР у міжваенны перыяд (1919–1939 гг.), сведчаннем чаму сталі працоўкі С.М. Ходзіна, У.Ф. Ладысева, Л.М. Хухлындзінай, П.І. Зялінскага⁴⁶. Праблемам стварэння на Беларусі таталітарнай сістэмы і разгортвання палітычных рэпрэсій прысвяцілі свае даследаванні У.І. Адамушка і В.І. Мянкоўскі⁴⁷. Універсітэцкія гісторыкі пачалі пераглядаць старонкі пасляваеннага жыцця, закранаць і сучасныя праблемы. Вялікімі намаганнямі перш за ўсё У.Н. Сідарцова, А.А. Яноўскага, А.Г. Кахановскага, Ю.Л. Казакова, С.М. Ходзіна і іншых у 1990-я гг. для сярэдняй школы былі падрыхтаваны падручнікі і дапаможнікі па айчынай гісторыі савецкага перыяду.

Сустрэкаючы 80-годдзе Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, супрацоўнікі дзвюх гістарычных кафедраў вядуць актыўны навуковы пошук па ўсіх напрамках. Вынікам іх даследаванняў ужо ў бліжэйшы час стануць новыя манаграфіі, артыкулы і падручнікі па гісторыі Беларусі.

¹ Гл.: Пичета В. И. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве: В 2 ч. М., 1958. Ч. 1, 2.

² Гл.: Пичета В. И. Белоруссия и Литва XV–XVI вв. М., 1961.

³ Гл.: Забела Т. І. Панская гаспадарка на Беларусі і быт падданага сялянства ў другой палове XVIII ст. // Зап. Аддзелу гуманітарных навук: У кн. 3. Працы класы гісторыі. Мн., 1928. Т. 2.

⁴ Гл.: Кернажыцкі К. І. Гаспадарка старостваў на Беларусі і эканамічны стан іх насельніцтва ў другой палове XVIII ст. // Там жа; Ён жа. Гаспадарка прыгоннікаў на Беларусі ў канцы XVIII і першай палове XIX ст. (да праблемы разлажэння феадалізму ў Беларусі). Мн., 1935.

⁵ Гл.: Дружчыц В. Д. Месца Менск у канцы XV і пачатку XVI ст. // Працы БДУ. 1926. № 12; Ён жа. Беларускія месцы ў гістарычнай літаратуры // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мн., 1927.

⁶ Гл.: Дружчыц В. Д. Палажэнне Літоўска-Беларускай дзяржавы пасля Люблінскай уніі // Працы БДУ. 1925. № 6–7.

⁷ Гл.: Загорульский Э. М. Возникновение Минска. Мн., 1982.

⁸ Гл.: Игнатенко А. П. Ремесленное производство в городах Белоруссии в XVII–XVIII вв. Мн., 1963.

⁹ Гл.: Абэцэдарскі Л. С. Барацьба ўкраінскага і беларускага народаў за ўз'яднанне з Расіяй у сярэдзіне XVII ст. Мн., 1954.

¹⁰ Гл.: Абецедарский Л. С. Белорусы в Москве XVII в. Мн., 1957; Он же. Белоруссия и Россия. Очерки русско-белорусских связей второй половины XVI–XVII вв. Мн., 1978.

¹¹ Гл.: Игнатенко А. П. Борьба белорусского народа за воссоединение с Россией (вторая половина XVII–XVIII вв.). Мн., 1974.

¹² Гл.: Лойка П. А. Приватнаўласніцкія сяляне Беларусі. Эвалюцыя феадальнай рэнты ў другой палове XVI–XVIII ст. Мн., 1991.

- ¹³ Гл.: Драгун Ю.І. Уніяцкая царква і дзяржаўная палітыка // 3 гісторыяў на Вы. Мн., 1991.
- ¹⁴ Гл.: Емельяничук У. Паланез для касінераў. 3 падзей паўстання 1794 г. пад кіраўніцтвам Т. Касцюшкі на Беларусі. Мн., 1994.
- ¹⁵ Гл.: Лойка П.А. Сфера палітычных інтарэсаў шляхты беларускіх зямель у апошняй трэці XVI – першай трэці XVII ст. // Веснік БДУ. Сер. 3. 2000. № 1.
- ¹⁶ Гл.: Казакоў Ю.Л. Пацыфізм беларускіх арыян у 70–80-х гадах XVI ст. // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: стан і перспектывы развіцця. Мн., 1999.
- ¹⁷ Гл.: Пічэта У.І. Класавыя супярэчнасці ў Беларусі напярэдадні рэвалюцыі // Беларусь. Нарысы гісторыі, эканомікі, культурнага і рэвалюцыйнага руху. Мн., 1924; Он же. Крестьянское и рабочее движение на Белоруссии в эпоху 1905 г. // Працы БДУ у Мінску. 1926. № 11. С. 105–127; Ігнатоўскі У. Гісторыя Беларусі ў XIX і ў пачатку XX стагоддзя. Мн., 1928; Шчарбакоў У. Нарысы гісторыі Беларусі. Мн., 1931.
- ¹⁸ Гл.: Довнар-Запольский М.В. Народное хозяйство Белоруссии. 1861–1914 гг. Мн., 1926.
- ¹⁹ Гл.: Каменская Н.В. Первая русская революция 1905–1907 гг. и революционное движение в Белоруссии // Бальшавік Беларусі. 1950. № 24. С. 45–54; Воранава А.І. Рэвалюцыйны рух у Беларусі падчас першай буржуазнай дэмакратычнай рэвалюцыі 1905–1907 гг. // Сборник научных работ Минского педагогического института. Мн., 1952; Мельцер М.Д. К истории возникновения социально-демократических организаций в Белоруссии // Ученые записки БГУ. Сер. истории. Мн., 1953. Вып. 16.
- ²⁰ Гл.: Пьянков А.П., Корнейчик Е.И., Фридман М.Б. Белоруссия в период разложения феодально-крепостнического строя и зарождения капиталистических отношений (конец XVIII – первая половина XIX в.) // Ученые записки БГУ. Сер. истории. Мн., 1954. Вып. 17.; Фридман М.Б. Отмена крепостного права в Белоруссии. Мн., 1958; Кожушков А.И. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии второй половины XIX в. Мн., 1963.
- ²¹ Гл.: Чапко В.У. 1848 г. у Беларусі // Беларусь. 1958. № 1; Перцаў У.М. Гістарычная думка на Беларусі ў XIX – пачатку XX ст. // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. 1957. № 2.
- ²² Гл.: Чепко В.В. Сельское хозяйство Белоруссии в первой половине XIX в. Мн., 1966; Он же. Классовая борьба в белорусской деревне в первой половине XIX в. Мн., 1972; Он же. Разложение феодально-крепостнической системы и формирование капиталистических отношений в сельском хозяйстве Белоруссии в первой половине XIX в. Мн., 1965; Он же. Города Белоруссии в первой половине XIX в. (экономическое развитие). Мн., 1981.
- ²³ Гл.: Титок В.А. Формирование и революционная борьба железнодорожного пролетариата Белоруссии во второй половине XIX – начале XX в. Мн., 1966.
- ²⁴ Гл.: Драгун Ю.И. Историография истории БССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Мн., 1980; Драгун Ю.И. Адам Киркор. Белорусский историк // Политическая мысль в России в XIX в. Йена, 1990. Т. 1, 2.
- ²⁵ Гл.: Бригадин П.И. Эсеры в Беларуси (конец XIX в. – февраль 1917 г.) Мн., 1994; Бригадин П.И., Кохановский А.Г. Социальная структура белорусского общества на рубеже XIX – XX вв. // Веснік БДУ. Сер. 3. 1996. № 3.
- ²⁶ Гл.: Сосно В.А. Склады сословия государственных крестьян в Белоруссии в конце XVII – первой четверти XIX в. // Вопросы истории. Мн., 1981. Вып. 8; Сосна У.А. Фарміраванне саслоўна-групавога складу сялянства Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. Мн., 2000.
- ²⁷ Гл.: Теплова В.А. Польский вопрос и национально-религиозная политика в Белоруссии (конец XVIII – первая половина XIX в.) // Тэзісы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 1000-годдзю Полацкай епархіі. Мн., 1992; Она же. Ш.-Г. Монтескье и зарождение идеологии либерализма в Белоруссии (конец XVIII – начало XIX века) // Гістарычная навука ў Белдзяржуніверсітэце на рубяжы тысячагоддзяў. Мн., 2000.
- ²⁸ Гл.: Каханоўскі Г.А., Каханоўскі А.Г. Руплівец нашай старасветчыны: Яўстах Тышкевіч. Мн., 1992; Каханоўскі А.Г. Сацыяльныя перадумовы і асаблівасці пашырэння лібералізму на Беларусі ў другой палове XIX ст. // Гістарычная навука ў Белдзяржуніверсітэце на рубяжы тысячагоддзяў. Мн., 2000.
- ²⁹ Гл.: Касмылёў В.С., Стуканаў А.А. Эмблематыка нацыянальна-вызваленчага руху на Беларусі (пачатак 60-х гадоў XIX ст.) // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь (новыя падыходы: новыя канцэпцыі): Тэзісы дакладаў і паведамленняў Усебеларускай канферэнцыі, Мінск, 3–5 лютага 1993 г.: У 2 ч. Мн., 1993. Ч. 1.
- ³⁰ Гл.: Церашковіч П.У., Чаквін І.У. Беларусы // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мн., 1993. Т. 1; Симакова О.А. Русский театр в Белоруссии в начале XX в. // Вопросы истории. Мн., 1984. Вып. 11; Гужалоўскі А.А. Нараджэнне беларускага музея. Мн., 2001.
- ³¹ Гл.: Ігнатоўскі У.М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. Мн., 1919; Ён жа. Кароткі нарыс нацыянальна-культурнага адраджэння Беларусі. Мн., 1921.
- ³² Гл.: Горбунов Т.С. Советская Белоруссия. Мн., 1938; Освобожденная Западная Белоруссия. М., 1940; Дудкоў Д.А. Контррэвалюцыйны беларускі нацыянал-дэмакратызм на службе ў белапольскіх акупантаў // Бальшавік Беларусі. 1935. № 10-11.
- ³³ Гл.: Каменская Н.В. Вялікая Кастрычніцкая сацыялістычная рэвалюцыя і ўтварэнне БССР. Мн., 1954; Он же. Першая рэвалюцыя і ўтварэнне БССР. Мн., 1954; Он же. Первые социалистические преобразования в Белоруссии (25 октября 1917 – июль 1919 гг.). Мн., 1957;

Он же. Белорусский народ в борьбе за Советскую власть (1919–1920); Ивашин В. Г. Великий Октябрь в Минске. Мн., 1957; Он же. Борьба большевиков Белоруссии против корниловщины. Мн., 1962; Он же. Большевики Белоруссии и Западного фронта в борьбе за осуществление Ленинского декрета о мире. Мн., 1972.

³⁴ Гл.: Игнатенко И. М. Беднейшее крестьянство – союзник пролетариата в борьбе за победу Октябрьской революции в Белоруссии (1917–1918 гг.). Мн., 1962.

³⁵ Гл.: Жмуровский Д. П. Организационная работа коммунистической партии в деревне (1918–1920 гг.). Мн., 1970; Он же. Республика Советов – единство фронта и тыла (1918–1920 гг.). Мн., 1980; Он же. В борьбе за Советскую власть: Деятельность большевиков в белорусской деревне (1918–1920 гг.). Мн., 1989.

³⁶ Гл.: Каменская Н. В. Утварэнне Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі. Мн., 1946; Нестерович Я. Ю. За союз нерушимых республик свободных. Объединительное движение трудящихся Белоруссии. Мн., 1981; Шкляр М. Е. Белорусская ССР – одна из учредительниц Союза ССР. Мн., 1972.

³⁷ Гл.: Скобцов С. Г. Организация крестьянских комитетов общественной взаимопомощи БССР (1921–1922 гг.) // Ученые записки БГУ. Сер. истории. Мн., 1955. Вып. 22; Шкляр М. Е. Борьба компартии Белоруссии за укрепление союза рабочего класса и трудящегося крестьянства в восстановительный период (1921–1925 гг.). Мн., 1960.

³⁸ Гл.: Герасименко Г. Г. Работа КПБ по вовлечению трудящихся масс в управление государством в годы первой пятилетки (1928–1932 гг.). Мн., 1962; Он же. Деятельность компартии Белоруссии по вовлечению трудящихся масс в управление государством (1925–1937 гг.). Мн., 1973; Сидорцов В. Н. Государственная деятельность рабочего класса БССР (1921–1937 гг.). Мн., 1978; Он же. Ведущая роль рабочего класса в управлении государством в период строительства социализма (на материалах Белорусской ССР). Мн., 1980.

³⁹ Гл.: Скобцов С. Г. Кресткомы БССР в борьбе с кулачеством в 1932–1934 гг. Мн., 1961; Герман К. К. Ведущая роль рабочего класса в создании колхозного строя в Белоруссии (1926–1935 гг.). Мн., 1968. Он же. Двадцатипятилетия Белоруссии. Мн., 1971.

⁴⁰ Гл.: Савочкин П. З. Борьба рабочего класса Западной Белоруссии в 1921–1925 гг. за воссоединение в едином социалистическом государстве. Мн., 1955; Он же. Борьба трудящихся Западной Белоруссии за Советы в 1918–1919 гг. Мн., 1966; Царюк И. О. КПБ – организатор культурного строительства в западных областях республики. Мн., 1969; Ладысев В. Ф. КПЗБ – организатор борьбы трудящихся за демократические права и свободы (1934–1938 гг.). Мн., 1976; Он же. Вопреки воле народа. Мн., 1976; Он же. Путь к свободе: Из истории революционно-освободительного движения в Западной Белоруссии в 1919–1939 гг. Мн., 1978; Зелинский П. И. Печать КПЗБ в борьбе за свободу (в соавторстве). Мн., 1977.

⁴¹ Гл.: Тозик А. А. В дни суровых испытаний: Укрепление рядов КП(б)Б в условиях подполья в годы Великой Отечественной войны (1941–1944). Мн., 1981.

⁴² Гл.: Михайловский Л. М. Развитие промышленности Минска в годы четвертой пятилетки. Мн., 1962; Коршук В. К. Рост трудовой активности рабочего класса. Мн., 1976; Коршук В. К., Казаков Ю. Л. и др. Во имя великой цели. Мн., 1981.

⁴³ Гл.: Снапковский В. Е. Путь Белоруссии в ООН (1944–1945). Мн., 1983; Он же. Участие Белорусской ССР во внешнеполитической деятельности СССР // В борьбе за мир и безопасность народов (в соавторстве). М., 1984; Он же. Белорусская ССР в ООН (1945–1985). Мн., 1985.

⁴⁴ Гл.: Ильюшин И. М., Умрейко С. А. Народное образование в Белорусской ССР. Мн., 1961; Красовский Н. И. Высшая школа Советской Белоруссии. Мн., 1972; Кожушков А. И. Белорусский государственный университет им. В. И. Ленина. Мн., 1971; Он же. Белорусский государственный университет. Мн., 1980.

⁴⁵ Гл.: Бригадин П. И. Эсеры в Беларуси (конец XIX в. – февраль 1917 г.). Мн., 1994; Коршук В. К., Романовский И. Ф. и др. Государственность Беларуси: Проблема формирования в программах политических партий. Мн., 1999; Ладысев У. Ф., Бригадин П. И. На переломе эпох: становление белорусской дзяржаўнасці (1917–1920 гг.). Мн., 1999.

⁴⁶ Гл.: Ходзін С. М. Арганізацыя перапрацоўкі сельскагаспадарчай прадукцыі ў калектывных гаспадарках БССР (другая палова 20-х гадоў) // Веснік БДУ. Сер. 3. 1990. № 3; Хулындина Л. М., Зелинский П. И. История коллективизации в СССР. Мн., 1990; Ладысев В. Ф. В борьбе за демократические права и свободы. Мн., 1988.

⁴⁷ Гл.: Адамушко У. І. Палітычныя рэпрэсіі 20–50-х гадоў на Беларусі. Мн., 1994; Меньковский В. И. Противоречивость социально-политического развития советского общества в годы первых пятилеток (1928–1937 гг.). Мн., 1990.

У.С. КОШАЛЕЎ, А.П. САЛЬКОЎ, В.А. ФЯДОСІК, А.А. ЯНОЎСКИ

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ
Ў БЕЛАРУСКІМ ДЗЯРЖАЎНЫМ УНІВЕРСІТЭЦЕ

Кошалеў Уладзімір Сяргеевіч – доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык кафедры гісторыі новага і наваейшага часу. Аўтар каля 150 навуковых прац, у тым ліку трох манаграфій. Сааўтар і навуковы рэдактар 12 падручнікаў па сусветнай гісторыі. Сфера навуковых інтарэсаў – метадалагічныя праблемы сусветнай гісторыі, гісторыя арабскіх краін і сучаснага ісламу.

Салькоў Анатоль Пятровіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры гісторыі паўднёвых і заходніх славян. Аўтар больш за 60 навуковых прац і сааўтар двух навуковых дапаможнікаў. Галоўны накірунак даследаванняў – гісторыя памежжа ў Цэнтральнай і Паўднёва-Усходняй Еўропе XX ст. і нацыянальна-тэрытарыяльныя праблемы.

Фядосік Віктар Анатольевіч – доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык кафедры гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў. Аўтар каля 250 навуковых прац, у тым ліку пяці манаграфій. Сааўтар пяці падручнікаў па гісторыі сярэдніх вякоў і сусветнай гісторыі. Галіна навуковых інтарэсаў – гісторыя Старажытнага Рыма.

Яноўскі Алег Антонавіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, прарэктар па вучэбнай рабоце, загадчык кафедры гісторыі Расіі. Аўтар больш за 120 навуковых прац, у тым ліку дзвюх манаграфій. Сааўтар пяці падручнікаў па гісторыі Беларусі і гісторыі сярэдніх вякоў. Галіна навуковых інтарэсаў – гісторыя міжнародных адносін XV–XVII ст., гісторыя універсітэцкай адукацыі.

The development of the study of issues of the world general history by the scientists at BSU is analyzed in the article. It deals with the formation of scientific school in the fields of ancient history, oriental studies, Slav studies Russian history, new and modern history which were started by academicians N.M. Nikolsky, V.N. Pertsev, V.I. Picheta. The present day situation of these schools, with BSU as their center, is characterized.

Так сталася, што самымі актыўнымі арганізатарамі БДУ і выкладчыкамі на пачатку яго дзейнасці былі гісторыкі. І першы рэктар – Уладзімір Іванавіч Пічэта – гісторык шырокай эрудыцыі, добра ведаючы прадстаўнікоў гістарычнага свету, актыўна запрашаў іх у Мінск на выкладчыцкую працу, дапамагаў як у творчым, так і бытавым планах. Таму зразумела, чаму першыя вучэбныя планы амаль усіх спецыяльнасцей, і асабліва гуманітарных, былі насычаны гістарычнымі дысцыплінамі. Значнае месца ў вучэбным працэсе адводзілася гісторыі Расіі, гісторыі славянскіх краін.

Ужо ў 1921 г. А.А. Савіч на факультэце грамадскіх навук вёў курс «Гісторыя Маскоўскай дзяржавы XVI–XVII стст.», у прадаўжэнне якога ён жа чытаў лекцыі па тэме «Гісторыя Расіі XVIII ст.» і вёў семінар па «Чытанню і тлумачэнню Вялікага Наказу Кацярыны II»¹. Адначасова гісторык-славіст А.Н. Ясінскі выкладаў «Гісторыю сярэднявечага гаспадарчага побыту», акцэнтуючы ўвагу на гісторыі славянскіх краін. Студэнты педфака з 1922 г. слухалі курс гісторыі Расіі XIX ст. прафесара Д.А. Жарынава. Ён жа для будучых юрыстаў і эканамістаў чытаў курс наваейшай гісторыі Расіі ад сярэдзіны XIX ст. да 1917 г. Рэктар, аддаючы перавагу беларускай гісторыі, вёў на розных факультэтах некалькі асаблівых курсаў і па расійскай гісторыі, напрыклад, юрыстам і эканамістам чытаў «Гісторыю народнай гаспадаркі ў Расіі за першую палавіну XIX ст.», а будучым філолагам – «Гісторыю рускай

культуры». З пэўнай агаворкай, але і такія тэмы, як «Пролетарская рэвалюцыя» (С.З. Кацэнбогін), «Канстытуцыя РСФСР» (С.Г. Гурвіч), «Тлумачэнне помнікаў старажытнарускага права» (Д.М. Мейчык) і іншыя, мелі прамое дачыненне да асобных бакоў расійскай гісторыі². Уласна славянская гісторыя нейкі час з-за недахопу спецыялістаў выпадалася, у адрозненне ж ад расійскай, толькі фрагментарна. Праўда, вучэбны план 1922/23 навучальнага года для студэнтаў сацыяльна-гістарычнага аддзялення педфака ўключаў не толькі «Гісторыю Расіі XX ст.» (С.А. Піанткоўскі), але і курс «Гісторыя Польшчы», для чытання якога У.І. Пічэта спецыяльна запрасіў Бабінскага. Польшкі накірунак адукацыі ў БДУ быў абумоўлены стварэннем на педфаку асобнай польскай секцыі этнолага-лінгвістычнага аддзялення³. У 1927 г. «очень большим достижением» палічылі адкрыццё ў БДУ і асобнай польскай кафедры⁴.

Адзначым, што выкладанне гісторыі Беларусі пэўны час дастаткова шчыльна сумяшчалася з гісторыяй Расіі. У першыя гады існавання БДУ кафедры фарміраваліся па прыкладу кафедры этнаграфіі – сумесна вывучаліся пытанні Расіі і Беларусі⁵. Так, на педагагічным факультэце ў 1923 г. дзейнічалі аж 25 кафедраў⁶, на якіх працавалі толькі 1 ці 2 выкладчыкі. Сярод лекцыйных курсаў можна назваць: гісторыю яўрэяў у Расіі (Сосіс), этнаграфію Расіі (Сербаў), крыніцазнаўства Расіі (Савіч), гісторыю Польшчы (Пічэта), семінар па гісторыі яўрэяў у славянскіх краінах (Маркон) і інш. Усяго ж на сацыяльна-гістарычным аддзяленні педфака ў другой палове 1920-х гг. выпадалася да 70 прадметаў, хаця вучэбныя планы змяняліся штогод у сувязі з кадравымі праблемамі⁷. Пасля рэарганізацыі БДУ на педфаку ў красавіку 1931 г. побач з іншымі арганізавалі і кафедру гісторыі СССР⁸.

Знайскі выкладчыкаў высокай кваліфікацыі было вельмі цяжка. Таму праўленне БДУ, зыходзячы з рэальных магчымасцей, давала выкладчыкам свабоду ў выбары накірункаў сваіх заняткаў, хаця сістэмнасць у выкладанні гісторыі ў цэлым вытрымлівалася. Так, славіст А.Н. Ясінскі ў 1922–1928 гг. вымушаны быў чытаць курс агульнай гісторыі сярэдніх вякоў, але як вучоны ў рабоце са студэнтамі штотраў звяртаўся да тэм з гісторыі Чэхіі і іншых славянскіх краін. Зразумела, што ўжо ў 1926 г. у вучэбным плане педфака з'явіўся асобны курс гісторыі заходніх славян, а польская секцыя асабліва была насычана адпаведнымі гістарычнымі курсамі.

Навуковыя даследаванні па пытаннях агульнаславянскай гісторыі, асобных славянскіх краін і народаў, гісторыі Расіі ў цэлым, якія інтэнсіўна распрацоўвалі У.І. Пічэта, А.А. Савіч, А.Н. Ясінскі, у другой палове 1930-х гг. А.П. П'яноў і іншыя, падмацоўваліся рэгулярнымі замежнымі камандзіроўкамі ў Маскву, Ленінград і іншыя гарады СССР, пленнымі творчымі кантактамі з калегамі-гісторыкамі. Але ўжо з 1930-х гг. пачаліся жорсткія рэпрэсіі супраць прадстаўнікоў універсітэцкай славістыкі, таму ў час свайго зняволення У.І. Пічэта вымушаны быў не раз падкрэсліваць свае антыпольскія погляды, адначасова акцэнтуючы ўвагу на тым, што ён амаль першым пачаў чытаць курс гісторыі Украіны і абгрунтоўваць ідэю яе аўтаноміі і нацыянальна-культурнага самавызначэння⁹, што, відавочна, не адпавядала навуковай талерантнасці і зацікаўленасці вучонага.

Палітызацыя гістарычнай навукі і адукацыі ў СССР і, як яе часткі, у БССР знайшла маштабнае ўвасабленне ў адкрыцці ў 1934 г. гістарычных факультэтаў, у тым ліку і ў БДУ. Адно з вядучых месцаў у вучэбным працэсе было адведзена чатанню курсаў гісторыі СССР выкладчыкамі асобнай кафедры, якія пэўны час вялі, а пазней вымушаны былі змяняць колькасць лекцыйных гадзін па беларускай гісторыі. Такім чынам, трансфармацыя кафедры наглядалася аж да канца 1950-х гг., калі, нарэшце, было праведзена канчатковае раздзяленне гэтых двух навуковых і адукацыйных накірункаў¹⁰. З чацвёртага курса на гістфаку стала праводзіцца і спецыялізацыя па гісторыі

СССР¹¹. Лекцыйныя гадзіны па гісторыі СССР амаль удвая перабольшвалі курс па гісторыі БССР. Напрыклад, феадальны перыяд расійскай гісторыі М.А. Поташ чытаў у аб'ёме 220 гадзін, а такі ж перыяд беларускай гісторыі дэкан гістфака В.К. Шчарбакоў – толькі 120¹². Гісторыя СССР увесь час лічылася самым важным прадметам нараўне з марксізмам-ленінізмам, таму гісторыкі кафедры заўсёды ўдзельнічалі ў грамадскіх мерапрыемствах з нагоды ці то выхаду «Кароткага курса гісторыі ВКП(б)», ці то 60-годдзя з дня нараджэння І. Сталіна (А.П. П'яноў на навуковай сесіі наконт гэтага прачытаў даклад «Сталин и история СССР»)¹³. Але кадры катастрофічна не хапала. Пэўны час кафедру гісторыі СССР і БССР узначальваў дацэнт МДУ В.В. Маўродзін, але кіраваць «наездамі» належным чынам у яго не было магчымасці. Таму ў хуткім часе кафедру ўзначаліў А.П. П'яноў (з 1937 г.), які быў яе загадчыкам і ў пасляваенны час¹⁴.

Значных навуковых дасягненняў у вобласці расійскай гісторыі універсітэцкія навукоўцы даваеннага часу не зрабілі. Пэўныя поспехі можна адзначыць у Аляксандра Антонавіча Савіча – аднаго з першых дацэнтаў БДУ, і Аляксея Пятровіча П'янова, які доўгі час быў загадчыкам кафедры гісторыі СССР, а ў 1937–1941 гг. – дэканам гістфака. А.А. Савіч актыўна распрацоўваў праблемы ўкраінскай гісторыі часоў XVI–XVII ст., у шэрагу артыкулаў разгледзеў праблемы «смутнага» часу ў Расіі, праўда, значных навуковых высноў яны не мелі. Найбольш грунтоўна расійская феадальная гісторыя знайшла адлюстраванне ў працах А.П. П'янова. У 1948 г. у Ленінградзе ён абараніў доктарскую дысертацыю на тэму «Нарысы па гісторыі феадальных адносін у Паўночна-Усходняй Русі да пачатку XVI стагоддзя». Ён змог сказаць сваё слова, зразумела, з марксісцка-ленінскіх падыходаў, падчас тагачасных дыскусій аб перадумовах «образования русского централизованного государства», па звалючы сацыяльнай структуры старажытнай Русі і лічыўся адным з аўтарытэтных гісторыкаў СССР па вышэйадзначаных навуковых праблемах.

Адначасова з асноўнымі навуковымі накірункамі «гісторыкі-расійцы» БДУ разглядалі і пытанні, абумоўленыя ідэалагічнай сутнасцю іх працы (напрыклад, яны пастаянна звярталіся да праблем сацыяльных рухаў, класавай барацьбы, і таму тэма «Кастрычнік 1917 г.» таксама неаднойчы імі закраналася). Вось чаму на лёс будучага беларускага гісторыка – акадэміка Іларыёна Мяфодзьевіча Ігнаценкі – у 1950–1960-е гг. аказалі ўплыў вывучэнне і выкладанне гісторыі СССР, перакладзенай на грунт беларускіх крыніц і зафіксаванай рамкамі партыйных дактрын. Іларыён Мяфодзьевіч абраў для сваіх даследаванняў пытанні, сутнасць якіх адлюстроўвала яго першая буйная манаграфія «Беднейшее крестьянство – союзник пролетариата в борьбе за победу Октябрьской революции в Белоруссии (1917–1918 гг.)». Яго прызначылі загадчыкам кафедры гісторыі СССР БДУ і адначасова абралі сакратаром парткома, а потым ён займаў пасады дырэктара Інстытута гісторыі партыі пры ЦК КПБ, дырэктара Інстытута гісторыі АН БССР і інш. Высокая навуковая кваліфікацыя ў 1990-я гг. дазволіла І.М. Ігнаценку ў поўную сілу раскрыць свой талент вучонага, знаўцы пытанняў рэвалюцыйных зрухаў XX ст.¹⁵

На працягу 1960–1980-х гг. першасная роля кафедры гісторыі СССР была відавочнай як у вучэбным працэсе, у ажыццяўленні выхаваўчых функцый, так і ў ідэалагічным уздзеянні на будучых гісторыкаў, юрыстаў, філолагаў, журналістаў, якім чыталіся курсы, адпаведныя профілю кафедры. Менавіта ў гэтыя гады праявіўся навуковы патэнцыял членаў кафедры, якую амаль да сярэдзіны 1970-х гг. узначальваў П.З. Савачкін – дэкан гістфака. Ён чытаў курс расійскай гісторыі XVII–XVIII ст., шмат намаганняў прыклаў для наладжвання дзейнасці кафедры і факультэта. У гэты час склалася сістэма як у выкладанні расійскай і савецкай гісторыі, так і ў яе вывучэнні.

Дацэнты М.П. Баранава, Я.П. Навуменка, Л.Т. Мірончыкаў, Ю.І. Драгун, А.І. Кажушкоў, Л.А. Міхайлоўскі, Ф.І. Адашчык, М.Б. Фрыдман, У.Н. Сідарцоў і іншыя, а крыху пазней – Е.Ф. Саўчук, І.А. Літвіноўскі, А.У. Калымага, В.А. Сімакова, Л.Л. Міхайлоўская, Д.І. Лазарава і іншыя сваёй выкладчыцкай і навуковай дзейнасцю ахапілі галоўныя накірункі айчыннай (у тагачасным сэнсе гэтага слова) гісторыі. Пераадолець жа бар’ер доктарскай дысертацыі здолеў толькі У.Н. Сідарцоў. Але сваімі кнігамі і артыкуламі, асабліва сваёй шчырай і прафесійнай дзейнасцю са студэнтамі, усе выкладчыкі сфарміравалі новы ўзровень гістарычных ведаў і гістарычнай адукацыі. Дзякуючы намаганням гэтага пакалення гісторыкаў стала магчымым у апошнія дзесяцігоддзі ХХ ст. стварыць на базе кафедраў гісторыі СССР дасавецкага часу і гісторыі СССР эпохі сацыялізму кафедры расійскай і славянскай гісторыі, размежаваных храналагічнымі рамкамі прадмета даследаванняў і выкладання. Галоўнае было падрыхтавана – новае, сучаснае пакаленне гісторыкаў, якія прадоўжылі працу сваіх настаўнікаў-калег, якія больш смела браліся за вывучэнне праблем расійскай і савецкай гісторыі без ідэалагічна-партыйнага насычэння. Новыя кафедры ўзначалілі вопытны прафесар І.В. Аржахоўскі і малады дацэнт, выхаванец факультэта А.П. Салькоў.

Лагічным вынікам усяго папярэдняга, амаль васьмідзесяцігадовага развіцця дадзенай вобласці сусветнай гісторыі (зразумела, у дачыненні да айчыннай беларускай гісторыі) у БДУ, стала стварэнне ў 1998 г. асобнай кафедры гісторыі Расіі (якая ў поле сваёй дзейнасці ўвабрала ўсю расійскую і савецкую гісторыю, гісторыю Украіны) і арганізацыя кафедры гісторыі паўднёвых і заходніх славян. Раздзяленне кафедраў дало магчымасць навукоўцам канцэнтравальваць свае намаганні на пэўных праблемах расійскай і ўласна славянскай гісторыі. Аб’ектам педагагічных і навуковых інтарэсаў дацэнтаў С.В. Пазняка і А.А. Яноўскага сталі праблемы, звязаныя з перыядам Старажытнай Русі і расійскага сярэднявечча. Лекцыйныя курсы на высокім узроўні чыталі дацэнты Ю.А. Блашкоў і С.Л. Лугаўцова. Пад кіраўніцтвам А.А. Яноўскага аспіранты В.І. Бобышаў, С.М. Цемушаў і В.М. Цемушаў падрыхтавалі кандыдацкія дысертацыі на тэмы, якія раней не распрацоўваліся ў Беларусі: знешняя палітыка Расіі XVI ст., гістарычная картаграфія Маскоўскага княства, станаўленне інстытутаў вярхоўнай улады на Русі і ў славянскіх краінах.

Дэталёвай распрацоўцы праблематыкі XIX ст. у гісторыі Расіі, што было характэрна і для гісторыкаў 1960–1980-х гг. (А.І. Кажушкоў, М.П. Баранава і інш.), садзейнічаў прыезд у БДУ прафесара І.В. Аржахоўскага, пад кіраўніцтвам якога гэты перыяд, у асноўным праблемы ўнутранай палітыкі самадзяржаў, сталі распрацоўваць аспіранты, якія потым арганічна ўвайшлі ў склад кафедры (дацэнты В.В. Сяргеенкава і Ю.А. Блашкоў, выкладчык Ж.Б. Чэпа) ці прадоўжылі працу па-за межамі гістфака БДУ. Дацэнт С.В. Пазняк у апошні час сканцэнтраваны сваё навуковае намаганні на ўкраінскай гісторыі і гісторыі Расіі на пачатку ХХ ст. Традыцыі навуковай школы гісторыкаў, даследаваўшых пытанні гісторыі станаўлення і развіцця СССР, прадоўжылі дацэнты І.А. Літвіноўскі, Е.Ф. Саўчук, С.Б. Жарко, М.М. Цімахоўцаў, В.В. Брыгадзіна, Г.А. Болсун, В.І. Менькоўскі. Апошні падрыхтаваў да абароны доктарскую дысертацыю па гістарыяграфічнаму накірунку – англа-амерыканскай саветалогіі. Рознабаковы спектр навуковых інтарэсаў дазваляе калектыву кафедры падтрымліваць высокі ўзровень спецыялізацыі студэнтаў гістфака, чытаць агульныя і спецыяльныя курсы, якія ахопліваюць вышэйназваныя пытанні палітычнай, сацыяльна-эканамічнай гісторыі, гісторыі рускай і ўкраінскай культуры. Прадуктыўна дзейнічае аспірантура, праз якую толькі ў апошнія гады падрыхтавалі і абаранілі кандыдацкія дысертацыі І. Качалаў, К. Афоніна, М. Мацюшэўская, І. Валахановіч і інш. Выкладчыкі кафедры гісторыі Расіі чытаюць лекцыі студэнтам факультэта між-

народных адносін, філалагічнага факультэта, працуюць са студэнтамі іншых ВНУ г. Мінска.

Расійская і ўкраінская гісторыя, вывучэнне і выкладанне якой сканцэнтравалася на кафедры гісторыі Расіі, складае значную частку гістарычнай славістыкі БДУ. Агульны ж дыяпазон славістычных даследаванняў у БДУ заўсёды быў і працягвае заставацца вельмі шырокім – ад праблем этнагенеза славян да актуальных пытанняў сучаснасці. Важкі ўклад у распрацоўку славянскай тэматыкі ўнеслі прафесары Г.М. Ліўшыц і В.В. Чэпко, дацэнты Н.А. Гусакова і Л.П. Сушкевіч. Найбольшую ўвагу ўдзяляў навейшай гісторыі паўднёвых славян прафесар Д.Б. Мельцар, які ўсебакова прааналізаваў адносіны паміж Балгарыяй і СССР. Знешнепалітычныя абставіны дзейнасці славянскіх дзяржаў у сваіх працах разгледзелі прафесар Д.С. Клімоўскі, дацэнты Л.В. Лойка, Р.Р. Лазько, І.П. Прымачук і інш. Славісты БДУ прынялі актыўны ўдзел у складанні і выданні хрэстаматыі па гісторыі паўднёвых і заходніх славян¹⁶. З 1998 г. на гістарычным факультэце замест кафедры навейшай гісторыі славянскіх краін была створана кафедра гісторыі паўднёвых і заходніх славян, ідэя і ўвасабленне якой у МДУ яшчэ ў канцы 1930-х гг. належала першаму рэктару БДУ У.І. Пічэце. Такім чынам, беларускія універсітэцкія гісторыкі хоць і з вялікім спазненнем, але рэалізавалі даўнія задумы свайго вялікага папярэдніка. Галоўныя накірункі навукова-даследчыцкай дзейнасці адлюстроўваюць кафедральныя тэмы «Сацыяльна-эканамічнае і грамадска-палітычнае развіццё славянскіх краін Цэнтральнай і Паўднёва-Усходняй Еўропы ў посткамуністычны перыяд» і (сумесная з кафедрай гісторыі Расіі) «Нацыянальна-культурнае адраджэнне і развіццё славянскіх балканскіх народаў і іх сувязі з Расіяй і Беларуссю (XVIII–XX ст.)», «Культурна-цывілізацыйныя працэсы ў гісторыі заходнеславянскіх народаў».

Плённай з’яўляецца і асабістая навуковая праца універсітэцкіх гісторыкаў-славістаў. Загадчык кафедры дацэнт А.П. Салькоў займаецца нацыянальна-тэрытарыяльнымі праблемамі і гісторыяй памежжа ў славянскіх краінах Цэнтральнай і Паўднёва-Усходняй Еўропы ў 40-х гг. XX ст., геапалітычнымі праблемамі на Балканах. У сферы навуковых інтарэсаў дацэнта М.С. Даўгялы пытанні найноўшай гісторыі паўднёвых славян, методыка выкладання гісторыі, гістарычная экалогія. Даследчыцкая праца дацэнта Н.А. Царук прысвечана праблемам развіцця культуры ў міжваеннай Польшчы, сацыякультурным працэсам у Заходняй Беларусі. Навуковая праблематыка дацэнта В.А. Сімаковай – гісторыя рускай і ўкраінскай культуры да XVIII ст., гісторыя культуры паўднёvasлавянскіх народаў. Увага дацэнта Л.Л. Міхайлоўскай засяроджана на вывучэнні польскіх хронік XVI ст., гісторыі знешняй палітыкі Рэчы Паспалітай, крыніцазнаўства гісторыі замежных славян. Выкладчык Л.А. Козік вывучае гісторыю ўнутрыпалітычнай барацьбы ў Польшчы 1940–1950-х гг., знешнюю палітыку славянскіх краін замежнай Еўропы ў посткамуністычны перыяд. Аспіранты кафедры распрацоўваюць праблемы сацыяльна-эканамічнай гісторыі Босніі ў другой палове XIX ст., унутрыпалітычнай барацьбы і партыйнай структуры ў Чэхаславакіі 1940-х гг., ідэйнай барацьбы ў сферы мастацкай культуры Польшчы 1940–1950-х гг., польска-чэхаславацкіх адносін у 1930–1940-х гг. У выніку на кафедры па-чалася фарміраванне славяназнаўчых навуковых напрамкаў – паланістыкі, багемістыкі, балканістыкі.

Калі гістарычная славістыка як бы ўзнаўляе працяг дасягнутага яшчэ ў першае дзесяцігоддзе існавання БДУ, то антыказнаўства і медыявістыка і раней, і цяпер адлюстроўваюць высокі ўзровень універсітэцкай гістарычнай адукацыі і навукі. Знамянальна ўжо тое, што самай першай лекцыяй, прачытанай у толькі што створаным Беларускай дзяржаўным універсітэце, была лекцыя прафесара Дз.П. Канчалоўскага па гісторыі Старажытнага Рыма. З самага пачатку БДУ ў ім пачалі працаваць выдатныя спецыялісты ў галіне

старажытнай гісторыі: прафесары М.М. Нікольскі і У.М. Перцаў. Неўзабаве БДУ ператварыўся ў навуковы цэнтр даследаванняў на Беларусі па арыенталістыцы, антыказнаўству і медыявістыцы. Аднымі з першых кафедраў створанага ў 1934 г. гістарычнага факультэта былі кафедра гісторыі старажытнага свету, якую ўзначаліў М.М. Нікольскі, і кафедра гісторыі сярэдніх вякоў, загадчыкам якой стаў У.М. Перцаў. У 1955 г. абедзве кафедры былі аб'яднаны ў адну – гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў. І да сённяшняга дня гэтая кафедра з'яўляецца адзінай такога профілю ў ВДУ Беларусі. Праблемы старажытнай і сярэднявечнай гісторыі ў Акадэміі навук Беларусі даследаваліся толькі ў той перыяд, калі там (адначасова з працай у БДУ) працавалі акадэмікі М.М. Нікольскі і У.М. Перцаў. Калі на кафедрах усеагульнай гісторыі іншых ВДУ даследаваннямі па арыенталістыцы, антыказнаўству і медыявістыцы займаюцца толькі асобныя навукоўцы, то на кафедры гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў канцэнтраваны асноўны навуковы патэнцыял у гэтых галінах гістарычнай навукі. Толькі тут плённа працуюць дактарантура, аспірантура і створаны навуковыя школы, прызнаныя ў навуковым свеце. Зараз амаль палову выпадчыкаў кафедры складаюць прафесары, дактары навук.

М.М. Нікольскі быў заснавальнікам навуковай школы старажытнай арыенталістыкі ў БДУ. Ужо ў першых выпусках «Прац БДУ» (за 1922–1923 гг.) былі апублікаваны яго работы «Керубы па дадзеных Бібліі і ўсходняй археалогіі», «Сляды магічнай літаратуры ў “Кнізе Псалмаў”». М.М. Нікольскі выдатна ведаў шмат старажытнаўсходніх моў, кпінапіс. Дыяпазон яго навуковых даследаванняў па гісторыі старажытнага Усходу быў вельмі шырокім: Вавілонія, Фінікія, Палесціна. Вяршыняй яго навуковай творчасці ў галіне старажытнай арыенталістыкі з'явіліся манаграфіі «Прыватнае землеўладанне і землекарыстанне ў старажытным Двурэччы» і «Эцюды па гісторыі фінікійскіх абшчынных і земляробчых культаў». Яны былі выдадзены ў Мінску ў 1947 і 1948 гг., а напісаў іх вучоны ў гады вайны, калі знаходзіўся ў партызанскім атрадзе. З дапамогай падпольшчыкаў М.М. Нікольскі разам з сям'ёй уцёк летам 1943 г. з Мінска, акупіраванага нямецкімі фашыстамі, у партызанскую брыгаду «дзядзькі Колі». Там для акадэміка была падрыхтавана зямлянка са сталом, чарнільніцай з вялікай бульбіны, напоўненай чарніламі з сажы. Навуковыя вынікі, да якіх прыйшоў М.М. Нікольскі ў сваіх манаграфіях, напісаных у партызанскай брыгадзе, мелі істотнае значэнне для разумення грамадскіх адносін у цывілізацыях старажытнага Усходу. Вучоны даказаў, што ў старажытным Двурэччы не існавала прыватнай уласнасці на зямлю, а адзіным яе ўласнікам была дзяржава ў асобе правіцеля – рыса, тыповая для ўсходніх манархій-дэспатый. Ён паказаў, што грамадскі лад гарадоў Фінікіі вырас з абшчыннага ладу. Гэтыя вывады значна адрозніваліся ад вынікаў спрэчкі сярод савецкіх навукоўцаў па праблеме «рабаўладальніцкай фармацыі» на старажытным Усходзе ў трыццатыя гады.

М.М. Нікольскі заснаваў і беларускую навуковую школу па вывучэнню антычнага хрысціянства. Яшчэ ў 1918 г. была апублікавана яго манаграфія «Ісус і першыя хрысціянскія абшчыны», а ў 1922 г. з'явілася фундаментальная праца «Міравы і сацыяльны пераварот па ўяўленнях ранняга хрысціянства». М.М. Нікольскі лічыў Ісуса гістарычнай асобай, і калі адмаўленне ад гэтага зрабілася тэстам на лаяльнасць марксізму, вучоны палічыў за лепшае звярнуцца да пытанняў аб вытоках хрысціянства ва іўдзейскай рэлігіі, чаму прысвяціў шэраг сваіх работ. Але ад сваіх поглядаў на гістарычнасць Ісуса М.М. Нікольскі не адмовіўся. Прадаўжальнікамі навуковых традыцый, закладзеных М.М. Нікольскім, у БДУ з'яўляюцца Г.І. Даўгяла (выдатны знаўца кпінапісу хетаў), А.А. Прохараў (індаеўрапейская міфалогія), А.В. Перзашкевіч (старажытнаіндыйскае грамадства па дадзеных санскрыц-

кіх тэкстаў)¹⁷. Даследаванні А.А. Перзашкевіча можна лічыць і пэўным адраджэннем у беларускай навуцы санскрыталогіі, пачатак якой быў пакладзены яшчэ ў XIX ст. (наогул, у тагачаснай Расійскай імперыі) выдатным беларускім вучоным Казімірам Касовічам¹⁸.

Ля вытокаў антыказнаўства ў БДУ стаялі М.М. Нікольскі і У.М. Перцаў. Калі першы з іх цікавіўся гісторыяй Старажытнага Рыма, то другі апублікаваў шэраг работ па гісторыі Старажытнай Грэцыі, у тым ліку і падручнік. Першая кандыдацкая дысертацыя па антычнай гісторыі была абаронена ў Беларусі Г.М. Ліўшыцам¹⁹. Яна была прысвечана змове Каціліны ў Рыме ў I ст. да н. э. У 1960 г. Г.М. Ліўшыц абараніў і доктарскую дысертацыю па гісторыі антычнасці, а неўзабаве і па філасофіі. Ён быў адзіным вучоным на Беларусі, які меў дзве навуковыя ступені доктара навук. Навуковая спадчына Г.М. Ліўшыца надзвычай вялікая, толькі манаграфій ён апублікаваў 20! Сусветную вядомасць яму прынеслі працы па гісторыі Іудзеі эліністычнага і рымскага перыяду²⁰. Гэтым працам уласцівы глыбокі аналіз гістарычных крыніц, шмат з якіх заставаліся па-за ўвагай тагачасных савецкіх гісторыкаў. Трэба зазначыць, што вучонаму даводзілася пераадольваць моцны ціск ідэалагічных інстанцый (большая частка самай знакамітай яго манаграфіі была адпраўлена «пад нож»), абапіраючыся на падтрымку вядучых навукоўцаў Маскоўскага ўніверсітэта і АН СССР.

Сусветную вядомасць атрымалі і работы Г.М. Ліўшыца па знойдзеных у 1947 г. кумранскіх рукапісах²¹. Глыбока эрудыраваны вучоны з дасканалым веданнем старажытных моў Г.М. Ліўшыц быў адным з першых у свеце даследчыкаў, хто здолеў не толькі зразумець значэнне гэтага адкрыцця для гістарычнай навукі і рэлігіязнаўства, але і карпатліва прааналізаваць рукапісы з раёна Мёртвага мора, ідэнтыфікаваць іх з ясейскім рухам, аб'ектыўна суаднесці з пачаткамі хрысціянства. Манаграфія Г.М. Ліўшыца «Нарысы гістарыяграфіі Бібліі і ранняга хрысціянства» з'яўлялася буйнейшым гістарыяграфічным кампендыумам у савецкім хрысціянзнаўстве і не згубіла свайго значэння і да нашых дзён, нягледзячы на шэраг непазбежных для свайго часу ідэалагічных стэрэатыпаў.

Выключна важная роля ў станаўленні беларускага антыказнаўства належыць прафесару Ф.М. Нячаю, закладчыку кафедры з 1960 па 1977 г. Яго цікавілі найбольш складаныя і маладаследаваныя праблемы гісторыі Старажытнага Рыма: узнікненне рымскай дзяржавы, асаблівасці аграрных адносін у Рыме (прыватная ўласнасць на зямлю і наяўнасць «зямлі грамадскай»), барацьба плебса за роўныя правы з патрыцыямі, адносіны Рыма з італікамі²². Ф.М. Нячай аргументавана даказаў беспадстаўнасць распаўсюджанай канцэпцыі этнічнага дуалізму адносна паходжання патрыцыяў і плебеяў. Прыхільнікі гэтай канцэпцыі сцвярджалі, што патрыцыямі становіліся рымляне-заваёўнікі, а плебеі – гэта насельніцтва заваяваных імі суседніх італійскіх гарадоў. На матэрыялах рымскіх першакрыніц Ф.М. Нячай паказаў, што рымляне ўключалі ў склад свайго патрыцыята значна насельніцтва далучаных гарадоў, а астатнія папаўнялі рады плебса. Апошнія гады свайго жыцця прафесар аддаў даследаванню пытання аб паходзе грэкаў на Трою²³. Старажытнарымскую тэматыку працягваюць вывучаць яго вучні прафесары К.А. Рэвяка і В.А. Фядосік, дацэнт В.І. Ханкевіч. К.А. Рэвяка шырока вядомы сярод антыказнаўцаў як даследчык Пунічных войн, па гісторыі якіх ён выдаў дзве манаграфіі²⁴. Апошнім часам ён плённа працуе ў галіне гісторыі беларускага антыказнаўства²⁵. Вышукі К.А. Рэвякі далі ашаламляльны вынік – аказалася, што сярод выдатных антыказнаўцаў Рэчы Паспалітай і Расіі XVIII–XX ст. шмат беларусаў і ўраджэнцаў Беларусі: А. Нарушэвіч, М.С. Куртарга (заснавальнік пецябургскай школы даследчыкаў антычнасці), Дз.І. Азарэвіч, А.В. Макавельскі, С.Я. Лур'е.

Праблемы рымскіх каміцый і магістратур вывучае В.І. Ханкевіч. У нядаўна выдадзенай манаграфіі «Старажытныя цывілізацыі» даследчыца звярнула да пытання тыпалогіі цывілізацый старажытнасці. У пэўным сэнсе гэта спроба па-новаму асэнсаваць пачатак грамадскіх адносін на гістарычным шляху чалавецтва. В.І. Ханкевіч пераканаўча паказала хібы марксісцкай канцэпцыі фармацый з яе жорсткімі рамкамі рабаўладальніцкіх адносін для кожнай з цывілізацый старажытнасці (хоць ні ў адной з іх ніколі рабы і рабаўладальнікі не складалі большасці насельніцтва). На яе думку, у старажытнасці склаліся два тыпы грамадстваў: усходнія манархіі з іх абсалютным дамінаваннем адносін панавання і падпарадкавання паміж людзьмі і грамадствы грамадзян (грэчаскія полісы і рымская «цывітас») з іх грамадзянскімі правамі і роўнасцю перад законам.

Даследаваннем хрысціянства ў Рымскай імперыі займаецца прафесар В.А. Фядосік. У яго манаграфіях вывучаюцца фарміраванне раннехрысціянскай царкоўнай арганізацыі, адносіны паміж імператарскай уладай і хрысціянамі, раннехрысціянскі культ, феномен хрысціянскага пакутніцтва²⁶. Вучні В.А. Фядосіка доктар гістарычных навук І.А. Еўтухоў, дацэнты А.І. Малюгін, А.М. Сурта даследуюць праблемы антычнахрысціянскага менталітэту, гісторыі хрысціянства ў Брытаніі і Галіі. І.А. Еўтухоў паклаў пачатак вывучэнню новай праблематыкі ў беларускім антыказнаўстве і медыявістыцы – познеантычнага і сярэднявечнага менталітэту²⁷.

Гісторыя Старажытнай Грэцыі – галоўная тэматыка даследаванняў Р.А. Нікольскай і прафесара М.С. Корзуна. Перш за ўсё іх цікавяць праблемы афінскай дэмакратыі. Трэба было мець вялікую мужнасць, каб у 1956 г. зрабіць такую выснову, як Р.А. Нікольская: «Афінская дэмакратыя мела самы перадавы дзяржаўны лад, ва ўмовах якога ўсе паўнапраўныя грамадзяне мелі магчымасць кіраваць сваёй краінай, а дзяржава клапацілася аб матэрыяльным дастатку сваіх грамадзян і стварала ўмовы для развіцця культуры»²⁸. Росквіту афінскай дэмакратыі пры Перыкле прысвяціў сваю манаграфію М.С. Корзун, якому ўласцівы надзвычай карпатлівы аналіз першакрыніц²⁹. Ён унёс і найбольшы з беларускіх антыказнаўцаў уклад у вывучэнне старажытнагрэчаскай рэлігіі.

Пачатак медыявістычным даследаванням у БДУ быў пакладзены акадэмікам У.М. Перцавым. Ён адным з першых пачаў вывучаць гісторыю прусаў, якой і прысвечаны яго найбольш вядомыя работы³⁰. Даследаваў У.М. Перцаў і гісторыю старажытнай Германіі. Прафесар Г.М. Ліўшыц у шэрагу сваіх манаграфій вывучаў гісторыю каталіцкай царквы ў сярэднявеччы і пачатку Рэфармацыі. Адным з напрамкаў даследаванняў беларускіх медыявістаў было вывучэнне міжнародных адносін у сярэднявечнай Еўропе. У гэтай галіне плённа працаваў прафесар Ю.Я. Івонін³¹. Праблемам сярэднявечнай культуры прысвечаны працы дацэнтаў Н.А. Гусаковай, А.Р. Смольскага, Л.П. Сушкевіч, А.Дз. Смірновай.

Выкладчыкі кафедры гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў стварылі першыя беларускія школьныя падручнікі па гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў. М.С. Корзунам выдадзены курс лекцый па гісторыі Старажытнай Грэцыі (першы на беларускай мове), падрыхтаваны падручнікі БДУ па гісторыі старажытнага Усходу і гісторыі сярэдніх вякоў. Вялікімі тыражамі разышліся слоўнікі-даведнікі «Антычны свет» (тры выданні) і «Сярэднявечны свет» (два выданні), створаныя супрацоўнікамі кафедры.

Доўгія гады старажытная і сярэднявечная гісторыя ў СССР разглядалася як нейкая «перадгісторыя», прыніжаная параўнальна з сучаснай. Гістарычны шлях чалавецтва вызначаўся марксісцкай парадыхмай гісторыі з яе звязаннем прагрэсу чалавечага грамадства да матэрыяльнага працэсу (на які, дарэчы, мысліцелі старажытнасці, сярэднявечча і Адраджэння амаль не звярталі ўвагі). Аднак няцяжка заўважыць, што нават і ў тыя часы антыка-

знаўцы і медыявісты БДУ даследавалі тыя з'явы гісторыі чалавечых грамадстваў, якія знаходзіліся па-за рамкамі так званага «базісу». І менавіта такія працы стваралі добрую рэпутацыю беларускім навуковым школам у галінах арыенталістыкі, антыказнаўства і медыявістыкі. У выніку прафесійнай кваліфікацыі супрацоўнікі кафедры гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў былі добра знаёмы з найноўшымі замежнымі даследаваннямі і навуковымі метадалогіямі, таму патрэбы «перабудовацца», па сутнасці, не было. Як і раней, на першым плане заставаліся праблемы грамадскіх (а не вытворчых) адносін у старажытных і сярэднявечных цывілізацыях, культуры, рэлігіі, паўсядзённага жыцця людзей мінулага, успрымання імі навакольнага свету, разумення месца чалавека ў грамадстве. Гісторыя старажытнасці і сярэднявечча паступова займала належнае месца сярод навук аб грамадстве, дапамагала асэнсоўваць гістарычны шлях чалавецтва. Любы чалавек, які пазнаёміўся з антычнай гісторыяй, зразумеў, што карані сучаснага грамадства – з'ява першых цывілізацый Еўропы: старажытнагрэчаскай і старажытнарымскай, і яны ўзніклі як прынцыпова супрацьлеглыя грамадствам старажытнага Усходу з іх манархіямі-дэспатыямі.

Такое становішча датычыцца і яшчэ аднаго з важнейшых накірункаў і перыядаў усеагульнай гісторыі – яе новага і навейшага часу, якія ў БДУ пачалі вывучацца з першых дзён яго існавання. У 1920–1930-я гг. у нашай краіне ішоў складаны і супярэчлівы працэс станаўлення беларускай гістарыяграфіі новага і навейшага часу. Пачатак даследаванням у гэтай галіне на гістарычным факультэце пакладзены знакамітым беларускім гісторыкам У.М. Перцавым, які вывучаў праблемы ўзнікнення і развіцця прускай мілітарысцкай дзяржавы, некаторыя аспекты гісторыі Вялікай французскай рэвалюцыі і эканамічнай гісторыі Англіі XIX ст. Метадалагічнай асновай гістарычнай навукі з канца 1920-х гг. і да нядаўняга часу з'яўляўся марксізм-ленінізм, і толькі з пачатку 1990-х гг. сталі выкарыстоўвацца іншыя падыходы.

Пасля стварэння ў 1934 г. гістарычнага факультэта спецыялізаваная кафедра па гісторыі новага і навейшага часу з-за адсутнасці спецыялістаў адкрылася не адразу. Толькі ў 1936 г. акадэмік С.Ю. Матулайціс прыняў прапанову ўзначаліць кафедру. Аднак з прычыны яго арышту гэтага не адбылося. 29 кастрычніка 1937 г. быў падпісаны загад аб зацвярджэнні на пасадзе загадчыка кафедры новай гісторыі, так яна называлася да 1950-х гг., маладога аспіранта з Ленінграда Л.М. Шнеерсона. Першапачаткова кафедра складалася з чатырох навукоўцаў – дацэнтаў Л.М. Шнеерсона і Г.В. Яфімава (сумяшчальніка з Ленінграда), асістэнта Р.О. Гайдуга (сумяшчальніка з Мінскага педінстытута), асістэнта Р.С. Пластак. Гэты склад фактычна не мяняўся да 1941 г., за выключэннем аспірантаў, якія рэгулярна прызываліся ў Чырвоную Армію. Асноўным накірункам работы кафедры была абрана знешняя палітыка еўрапейскіх дзяржаў у XIX – пачатку XX ст. Як пазней адзначаву Л.М. Шнеерсон, ніякіх сур'ёзных даследаванняў у галіне новай гісторыі тады не ажыццяўлялася. У 1936–1939 гг. ва ўніверсітэце прадпрымаліся спробы арганізаваць усходазнаўчую кафедру новай гісторыі залежных і каланіяльных краін. З прычыны адсутнасці ў рэспубліцы неабходных спецыялістаў гэтыя спробы аказаліся няўдачнымі. З 1937 г. курс гісторыі Усходу на факультэце амаль поўнасцю забяспечваў сінолаг Г.В. Яфімаў.

У пасляваенны перыяд кафедра гісторыі новага і навейшага часу ператвараецца ў вядучы ў рэспубліцы цэнтр навуковых даследаванняў і падрыхтоўкі спецыялістаў адпаведнага профілю³². Агульнапрызнаным накірункам яе навуковай дзейнасці стала вывучэнне гісторыі міжнародных адносін XIX–XX ст. Вялікі ўклад у даследаванне знешняй палітыкі еўрапейскіх дзяржаў апошняй трэці XIX ст. і падрыхтоўку навуковых кадраў унёс прафесар Л.М. Шнеерсон, які нязменна кіраваў кафедрай да 1989 г. У дзвюх манаграфіях (Мінск, 1962, 1969) навуковец пераканаўча даказаў, што не Расія была

галоўным парушальнікам еўрапейскага спакою. Узвышэнне Прусіі і аб'яднанне Германіі пад яе гегемоніяй з'явіліся асноўнымі фактарамі абвастрэння міжнароднага становішча ў другой палове 60-х гг. XIX ст. Месца і роля Расіі ў еўрапейскай палітыцы 1870–1875 гг., увесь комплекс праблем аўстра-руско-германскіх адносін гэтага перыяду прааналізаваны Л.М. Шнеерсонам у дзвюх манаграфіях (Мінск, 1976, 1984), атрымаўшых высокую ацэнку і прызнанне навукоўцаў.

Прафесар М.П. Палетыка прадпрыняў навуковыя пошукі па гісторыі Ін-тэрнацыяналу напярэдадні і ў гады першай сусветнай вайны. Аднак падрыхтаваны ім да выдання рукапіс не выйшаў у свет, паколькі канцэпцыя і многія высновы вучонага не адпавядалі агульнапрынятаму пункту гледжання ў савецкай гістарыяграфіі. Вынікам плённай дзейнасці прафесара Г.М. Трухнова з'явіўся цыкл манаграфій па гісторыі Веймарскай Германіі і гісторыі міжнародных адносін 1920–1930-х гг. Заметны ўклад у даследаванне германа-польскіх адносін паміж дзвюма сусветнымі войнамі ўнёс прафесар Д.С. Клімоўскі. Дацэнт М.Г. Елісееў прааналізаваў у сваіх манаграфіях складаныя праблемы ўзаемаадносін паміж дзвюма германскімі дзяржавамі ў перыяд «халоднай вайны».

Цяперашні склад навукоўцаў кафедры, які сфарміраваўся ў 1970–1980-х гг., прытрымліваецца лепшых традыцый сваіх настаўнікаў і напярэднякаў. У 1980-я гг. супрацоўнікі кафедры падрыхтавалі і выдалі пад кіраўніцтвам Л.М. Шнеерсона некалькі калектывных прац. Аўтарскай групай у складзе К.А. Далгучыц, Л.В. Лойка, В.М. Пісарава, П.А. Шупляка, Л.М. Шнеерсона (адказны рэдактар) апублікавана ў 1982 г. кніга па сучаснай праблематыцы сусветнага рэвалюцыйнага працэсу. Асноўныя тэндэнцыі міжнароднага развіцця ў 1980-х гг. былі разгледжаны яшчэ ў адной калектывнай манаграфіі (аўтары К.А. Далгучыц, М.Г. Елісееў, В.І. Сініца, П.А. Шупляк, Л.М. Шнеерсон), выдадзенай у 1987 г. У супрацоўніцтве з гісторыкамі Іёнскага ўніверсітэта (ГДР) былі выдадзены два зборнікі сумесных навуковых прац у Мінску і Іене. У 1986 г. выйшаў вучэбны дапаможнік па гісторыі рабочага і вызваленчага руху ў краінах Еўропы і Амерыкі. У пачатку 1990-х гг. супрацоўнікі кафедры выканалі фундаментальны навуковы праект па беларускай гістарыяграфіі ўсеагульнай гісторыі (навуковы кіраўнік У.С. Кошалеў).

Навуковыя інтарэсы кафедры звязаны з вывучэннем актуальных праблем сучаснасці, гісторыяй асобных краін і рэгіёнаў свету. Прафесар У.С. Кошалеў, загадчык кафедры з 1989 г., з'яўляецца спецыялістам па гісторыі арабскіх краін і сучаснага ісламу, даследуе метадалагічныя і тэарэтычныя праблемы ўсеагульнай гісторыі. У выдадзеных ім манаграфіях і артыкулах даследаваліся малавядомыя праблемы сацыяльна-палітычнай гісторыі Егіпта сярэдзіны XIX ст., зроблены шэраг прынцыповых высноў, дазволіўшых адыйсці ад некаторых стэрэатыпных прадстаўленняў аб гісторыі Егіпта адзначанага перыяду, вызначаны новыя і перспектывныя накірункі навуковага пошуку. У.С. Кошалеў з'яўляецца навуковым каардынатарам Рэспубліканскай навуковай праграмы «Глабальны свет».

Прафесар П.А. Шупляк, дацэнты В.М. Пісараў, В.Р. Радзькова спецыялізуюцца ў галіне германскай гісторыі. Дацэнт В.І. Сініца абараніў кандыдацкую дысертацыю па гісторыі балканскай палітыкі Расіі ў другой палове XIX ст. Дацэнты Я.Г. Колб і І.І. Шумскі даследуюць палітыку неакансерватараў на прыкладзе адпаведна Францыі і ЗША. Навейшую гісторыю Францыі і ЗША абрала прадметам вывучэння К.А. Далгучыц. Кандыдацкую дысертацыю па гісторыі народнай адукацыі ў Вялікабрытаніі падрыхтавала выкладчык Н.Я. Арлова. Навуковыя пошукі дацэнта В.А. Астрогі прысвечаны беларускай гістарыяграфіі новай і навейшай гісторыі замежных краін. На кафедры падрыхтавана да абароны доктарская дысертацыя дацэнта

Р.Р. Лазько, якая прысвечана еўрапейскай палітыцы Польшчы ў міжваенны перыяд. Вялікі ўклад унесла кафедра гісторыі новага і наваейшага часу ў забеспячэнне базавай і сярэдняй школы вучэбнымі дапаможнікамі і падручнікамі па сусветнай гісторыі, якія рэгулярна выдаюцца з 1994 г. Разнастайным аспектам гісторыі асобных краін, міжнародных адносін, антываеннага і маладзёжнага руху былі прысвечаны кандыдацкія дысертацыі аспірантаў і саіскальнікаў кафедры, сярод якіх Ф.В. Налівайка, А.Н. Ягораў, Б.І. Загорскі, Т.А. Кургуныян, Е.А. Матвіенка, Г.А. Космач, В.А. Космач, М.А. Бяспалая, С.Ф. Свілас, В.Е. Снапкоўскі, М.В. Стралец, А.М. Бабкоў, Л.Е. Кулажанка, Т.А. Бадзюкова, О.Э. Працэнка, Т.І. Паваліхіна, В.Ф. Маслюкоў, Д.С. Капітан, А.М. Кротаў, М.М. Мезга. У апошнія гады ўвагу маладых вучоных прыцягвае тэматыка этнаканфесійных адносін (К. Бенчава, В.А. Адзюрыха і інш.). Адметнае месца ў навукова-даследчыцкай дзейнасці кафедры займае ўсходазнаўчая тэматыка. Яшчэ ў 1960 г. выйшла кніга В.К. Дашкевіча, у якой была распачата спроба ахарактарызаваць асноўныя этапы вызваленчай барацьбы туніскага народа. Аспіранты з В'етнама і Афганістана распрацоўвалі праблемы палітычнай гісторыі нацыянальна-вызваленчага руху на матэрыяле сваіх краін. У 1984–1990 гг. кандыдацкія дысертацыі падрыхтавалі і абаранілі Нгуен Кхак Тхай, Нгуен Ке Тхан і інш. У 2001 г. упершыню выдадзены сумесны зборнік навуковых прац беларускіх і арабскіх аспірантаў «Праблемы араба-мусульманскага свету: гісторыя і сучаснасць» пад рэдакцыяй У.С. Кошалева.

Атрыманне Рэспублікай Беларусь статуса незалежнай дзяржавы паставіла гісторыкаў перад неабходнасцю вырашэння складаных і адказных задач у галіне гістарычнай навукі і адукацыі. Давялося пераадольваць стэрэатыпы, спрошчаныя марксісцкай метадалогія ў яе гістматаўскім варыянце. Выкладчыкі кафедры сталі часцей выкарыстоўваць элементы цывілізацыйнага, культуралагічнага і іншых падыходаў да асэнсавання гісторыі новага і наваейшага часу. Абнаўленне закранула лекцыйныя курсы, тэматыку курсавых, дыпломных і дысертацыйных работ. Па ініцыятыве кафедры на гістарычным факультэце ўведзена новая спецыялізацыя «Рэлігія ў гісторыі чалавецтва». Сур'ёзнаму перагляду падверглася перыядызацыя новага часу. За яго пачатак узяты падзеі сусветнага значэння: Вялікія геаграфічныя адкрыцці, Рэфармацыя і эпоха Рэнэсансу, фарміраванне ўстойлівых сувязей паміж Еўропай і ўсходнімі цывілізацыямі. Змянілася і ўнутраная перыядызацыя новага часу. У прыватнасці, буржуазныя рэвалюцыі ў Паўночнай Амерыцы і Францыі канца XVIII ст. вызначаюцца ў якасці рубажных падзей, якія распачалі прынцыпова іншы перыяд у гісторыі сучаснай цывілізацыі.

Кафедра падтрымлівае цесныя сувязі з шэрагам навуковых устаноў Беларусі, СНД і Еўропы: Інстытутам гісторыі НАН РБ, усімі беларускімі ўніверсітэтамі, Беларускай гістарычнай энцыклапедыяй, Інстытутам краін Азіі і Афрыкі пры МДУ, Інстытутам усходазнаўства РАН, Міжнароднай акадэміяй навук вышэйшай школы, Еўрапейскай асацыяцыяй гісторыкаў, Камітэтам па адукацыі Савета Еўропы. Такім чынам, маюцца ўсе падставы канстатаваць, што Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт быў і з'яўляецца цэнтрам вывучэння найважнейшых накірункаў усеагульнай гісторыі, цэнтрам падрыхтоўкі высокакваліфікаваных кадраў спецыялістаў-гісторыкаў.

¹ З фондаў Музея гісторыі БДУ.

² Белорусский Государственный Университет за 1921–22 акад. год. Мн., 1922. С. 13–17.

³ Там жа. С. 32–33.

⁴ Анджеяк Ф. По линии польской национальности // Асвета. 1927. № 7. С. 140.

⁵ НА РБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 77. Л. 79.

⁶ Там жа. Спр. 12. Л. 57.

⁷ Там жа. Спр. 207. Л. 6, 37.

⁸ Там жа. Спр. 515. Л. 13.

⁹ Архіў УФСБ РФ. Па Санкт-Пецярбургу і Ленінградскай вобл. Спр. П-65245. Т. 19. Л. 261 адв., 259 адв.

- ¹⁰ Архіў БДУ. Спр. 70. Л. 1, 32.
¹¹ Звязда. 1934. 5 жн.
¹² Рабочий. 1934. 9 сент.
¹³ Бальшавік Беларусі. 1941. № 5. С. 62.
¹⁴ НА РБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 670. Л. 23; Спр. 698. Л. 17.
¹⁵ Іларыён Мяфодзьевіч Ігнаценка. (Да 80-годдзя з дня нараджэння). Мн., 2000.
¹⁶ Хрестоматия по истории южных и западных славян. Мн., 1989–1991. Т. 1–3.
¹⁷ Довгяло Г. И. К истории возникновения государства. Мн., 1968; Он же. Становление идеологии раннеклассового общества. Мн., 1980; Прохоров А. А. О некоторых символах царской власти у индоиранцев в свете гипотетического культа // Веснік БДУ. Сер. 3. 1991. № 1. С. 11–14; Перзашкевіч А. А. Да пытання аб варне брахманаў у постведыйскі перыяд // Крыўя. 1994. № 1. С. 56–63.
¹⁸ Даўгяля Г. І., К. А. Касовіч вядомы і незнаемы. Мн., 1994. С. 14–16.
¹⁹ Ботвинник М. Г. М. Лившиц. Мн., 1994. С. 6–7.
²⁰ Лившиц Г. М. Классовая борьба в Иудее и восстания против Рима. Мн., 1957.
²¹ Лившиц Г. М. Кумранские рукописи. Мн., 1957; Он же. Происхождение христианства в свете рукописей Мертвого моря. Мн., 1967.
²² Нечай Ф. М. Завоевание Средней и Южной Италии и аграрный вопрос в Риме // Ученые записки БГУ. Мн., 1955. Вып. 23. С. 140–183; Он же. Рим и италийцы. Мн., 1963; Он же. Патриции и плебеи в ранний период Рима // Вопросы истории древнего мира и средних веков. Мн., 1970. С. 88–121; Он же. Образование Римского государства. Мн., 1972.
²³ Нечай Ф. М. Социальный статус греков эпохи Троянской войны и количество греческих войск под Троей // Вопросы истории древнего мира и средних веков. Мн., 1977. С. 29–38.
²⁴ Ревяко К. А. Пунические войны. Мн., 1988; Он же. Войны Рима с Карфагеном: основные тенденции и направления историографии. Мн., 2000.
²⁵ Рэвяка К. А. Антычная спадчына на Беларусі. Мн., 1998; Ён жа. Антычнасць на Беларусі. Мн., 1999.
²⁶ Федосик В. А. Таинства без тайн. Мн., 1978; Он же. Критика богословских концепций сущности христианского катехумената. Мн., 1983; Он же. Церковь и государство. Мн., 1988; Он же. Киприан и античное христианство. Мн., 1991.
²⁷ Еўтухоў І. А. Успрыняцце прасторы І часу ў познеантычным менталітэце. Мн., 1999; Ён жа. Познеантычныя канцэпцыі чалавека. Мн., 2000.
²⁸ Никольская Р. А. Государственное устройство афинской демократии // Ученые записки БГУ. Мн., 1956. Вып. 30. С. 35.
²⁹ Корзун М. С. Социально-политическая борьба в Афинах в 444–425 гг. до н. э. Мн., 1957.
³⁰ Перцев В. Н. Культура и религия древних пруссов // Ученые записки БГУ. Мн., 1953. Вып. 16; Он же. Начальные периоды древней Пруссии // Ученые записки БГУ. Вып. 30. Мн., 1956; Он же. Хозяйственный и социальный строй древнейшего населения Германии // Ученые записки БГУ. Мн., 1959. Вып. 50.
³¹ Ивонин Ю. Е. У истоков европейской дипломатии нового времени. Мн., 1984; Он же. Становление европейской системы государств: Англия и Габсбурги на рубеже двух эпох. Мн., 1989.
³² Асноўныя манаграфіі супрацоўнікаў кафедры гісторыі новага і наваейшага часу: Шнейерсон Л. М. Австро-прусская война 1866. Мн., 1963; Он же. В преддверии франко-прусской войны (франко-германский конфликт из-за Люксембурга). Мн., 1969; Он же. Франко-прусская война. Мн., 1976; Он же. На перепутье европейской политики. Австро-руско-германские отношения. 1871–1875. Мн., 1984; Полетика Н. П. Возникновение первой мировой войны. Мн., 1964; Трухнов Г. М. Германский вопрос на Лондонской репарационной конференции. Мн., 1959; Он же. Классовая борьба в Германии 1922–1923 гг. Мн., 1963; Он же. Революционный подъем в Германии (конец 1914 – середина 1921 г.). Мн., 1963; Он же. Рапалло в действии. Из истории советско-германских отношений. 1926–1929. Мн., 1982; Климовский Д. С. Германия и Польша в локальной системе международных отношений. Из истории зарождения второй мировой войны. Мн., 1978; Елисеев М. Г. Бонн и ГДР. Мн., 1975; Он же. Между конфронтацией и разрядкой. СвДП в партийной системе ФРГ: проблема восточной политики. Мн., 1989; Кошелев В. С. Египет от Эль-Аламейна. Из истории внутривосточной борьбы (1939–1942). Мн., 1977; Он же. Египет: уроки истории. Борьба против колониального господства и контрреволюции (1879–1981). Мн., 1984; Он же. Египет от Ораби-паши до Саада-Заглула. 1879–1924. М., 1992; Альдебер Ж., Бендер Й., Груша Й. и др. История Европы / Научное ред. и предисл. В. С. Кошелева. Мн.; М., 1996; Он же. Проблемы арабо-мусульманского мира: история и современность. Сборник научных трудов аспирантов / Под ред. проф. В. С. Кошелева. Мн., 2001; Лазько Р. Р. Перад патопама. Еўрапейская палітыка Польшчы (1932–1939). Мн., 2001.



БЕЛАРУСКАМУ ДЗЯРЖАЎНАМУ
УНІВЕРСІТЭТУ



РАЗВИТИЕ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ В БЕЛАРУСИ

С первых лет своего существования Белорусский государственный университет стал известен как крупный исследовательский центр в области социально-гуманитарного знания. Достойное место среди наук гуманитарной сферы на всем протяжении восьмидесятилетней истории университета занимала философия. В 1920–1930-е гг. основная проблематика философских исследований концентрировалась вокруг вопросов истории мировой философской мысли, социальной философии и философии марксизма. Труды С.Я. Вольфсона, Б.Э. Быховского, В.Н. Иванковского и других видных ученых заложили основания университетских традиций в области философских исследований, которые были достойно продолжены в 1940–1960-е гг., когда философия в университете приобрела статус одной из наиболее продуктивных исследовательских стратегий и фундаментальной составляющей марксистского мировоззрения. В этот период наиболее значительный вклад в развитие философского образования и научных исследований внесли Н.И. Лушицкий, В.И. Степанов, Г.А. Левин и др. Особая роль в становлении и развитии философских исследований в Белгосуниверситете принадлежит Г.Ф. Александрову и М.Т. Иовчуку, которые за относительно короткий период времени работы в университете смогли оставить заметный след в его истории.

В последние тридцать лет XX ст. философия в университете интенсивно развивалась в соответствии с мировыми тенденциями и приоритетами социально-гуманитарного знания. На системной профессиональной основе была развернута подготовка студентов и аспирантов в области философии, созданы и успешно заявили о себе научные школы и исследовательские коллективы. Особое место среди них заняла «минская школа» в области философии и методологии науки, творческие достижения которой стали широко известны не только в Беларуси, но и во многих странах мира. Значимые результаты были получены университетскими учеными в исследованиях истории отечественной и западноевропейской философской мысли, проблем истории и теории морали, социальной экологии и современной экологической культуры.

На рубеже XX–XXI ст. Республика Беларусь оказалась в ситуации кардинального цивилизационного выбора. Достойный ответ на этот вызов истории предполагает активную творческую позицию современного университетского сообщества философов, которым предстоит искать новые ответы на исконные философские вопросы, бережно сохраняя при этом созданное предшественниками теоретическое наследие.

А.И. Зеленков

А.И. ЗЕЛЕНКОВ

**ФЕНОМЕН РЕЛЯТИВИЗМА И ТРАДИЦИИ
КЛАССИЧЕСКОГО ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ**

Зеленков Анатолий Изотович – доктор философских наук, профессор, декан факультета философии и социальных наук, заведующий кафедрой философии и методологии науки. Заслуженный деятель науки Республики Беларусь, лауреат премии им. В.И. Пичеты, действительный член Петровской Академии наук и искусств (Санкт-Петербург) и Украинской Академии политических наук. Автор более 120 научных работ по проблемам философии, социальной экологии и методологии науки.

Problems of conceptual and methodological relativism as one of the specific peculiarities of contemporary philosophy are concerned in the article. The main attention is paid to the contradictory correlation of postmodern forms of philosophical analysis and principles and values of classical philosophy.

Современные дискуссии о статусе и формах конституирования нового типа рациональности, как правило, предполагают обсуждение проблемы методологического релятивизма, которая вполне убедительно репрезентирует тенденции критики и переосмысления классического стиля мышления и мироинтерпретации. Отказ от универсалистских презумпций классической культуры и философии порождает не только сомнения в адекватности ценностей рационализма и гармонизирующей метафизики. В не меньшей степени он предполагал кардинальную критику априоризма и гносеологических установок на достижение истинного знания о реальности природного и социального бытия. Так, в современной постклассической культуре возникает релятивистская интенция, направленная прежде всего против принципа объективности и нормативной значимости важнейших результатов человеческого познания и деятельности, а также трактуемая научный разум как принципиально зависимый от культурного контекста и детерминированный исторически изменчивыми приоритетами социальной динамики.

Релятивизация мышления и отказ от абсолютистских иллюзий классической культуры и соответствующего ей типа сознания весьма наглядно обнаруживали себя на протяжении всего XX столетия. Наука, искусство, религиозный опыт, структуры обыденного мышления – эти и другие феномены культуры оказывались неизбежно подверженными влиянию релятивистских ориентаций сознания. Особенно рельефно эта тенденция постклассической социодинамики культуры проявилась в становлении и развитии современной науки, не без основания претендующей на фиксацию и воплощение смыслообразующих характеристик постклассической рациональности. Релятивистская программа применительно к науке имеет два основных измерения: синхроническое и диахроническое. Согласно первому, научная истина всегда относительна и существенным образом определяется субъектом познания, в качестве которого могут быть рассмотрены научная школа, исследовательская группа или даже отдельный ученый.

Адекватная концепция или истинная теория – это безусловные идеализации, реальными референтами которых всегда выступают социально ангажированные представления об исследуемой реальности. В диахроническом измерении тезис релятивизма означает отрицание автономии научного знания и редукцию истории науки к истории культурного контекста, в который наука органично вписана¹.

Релятивизация научного мышления, отказ от классических идеализаций субстанциального объективизма и гносеологических абсолютов особенно наглядно проявляются в эпохи научных революций. Проблема научных революций как одна из важнейших в структуре современного науковедения

была конституирована сравнительно недавно. Историческая реконструкция и анализ наиболее значительных трансформаций в науке позволил обосновать принципиально новый «неклассический» образ научного прогресса, атрибутивной характеристикой которого была провозглашена закономерная фаза научных революций². Комплексные и многоаспектные исследования этого типа изменений в структуре и содержании развивающихся научных знаний позволили не только осмыслить неадекватность и методологическую непродуктивность кумулятивистских моделей динамики науки, но и стимулировали активное обсуждение новых проблем. Вопрос о статусе и социокультурных импликациях феномена релятивизации научного мышления, безусловно, относится к одной из таких проблем. Идея методологического релятивизма, его внутренняя противоречивость и амбивалентность становятся предметом акцентированных размышлений уже в трудах выдающихся ученых – создателей новой неклассической системы представлений о фундаментальных законах природы на рубеже XIX–XX вв. Так, оценивая квантовую механику как принципиально неклассическую систему знания, А. Эйнштейн отмечал, что она утверждает совершенно новые, экзотические методы объяснения и описания природы, существенно дезавуируя при этом классические стандарты научного познания. «Основы теоретической физики вновь потрясены, и опыт требует, чтобы мы нашли способ для выражения закономерностей на новом, более высоком уровне»³. По мнению Н. Бора, современная физика предполагает «радикальный пересмотр фундаментальных физических понятий»⁴. Важно отметить, что осмысление феномена научной революции и релятивизации познания не было монополией лишь представителей сообщества ученых-физиков. В XX столетии идея относительности как когнитивный и социокультурный императив входит в сознание многих представителей естественнонаучного и гуманитарного познания. Интересны в этой связи взгляды В.И. Вернадского, который оценивал современную эпоху как отличающуюся тем, что одновременно почти по всей линии науки в корне меняются все основные черты картины космоса. Меняются в корне наши представления о материи, об энергии, о времени, о пространстве, создаются совершенно новые понятия, всецело отсутствовавшие во всех предшествовавших научных мирозерцаниях⁵.

Тенденция релятивизации научного сознания, отчетливо обозначившаяся в эпоху формирования неклассической картины мира, становится одной из магистральных ориентаций науки в последней трети XX столетия. Кардинальные изменения в области информатики, теории игр, теории катастроф, синергетики привели к акцентированной регионализации и релятивизации научного знания. Формируется принципиально иной постнеклассический тип научной рациональности, который ассоциируется с повышением самокритичности и гуманистической ангажированности науки, радикальным дистанцированием ее от таких классических критериальных оценок, как объективность и истинность.

Существенное влияние на оформление релятивистских интенций постнеклассической методологии науки оказали идеи И. Пригожина нового статуса научного познания в современной культуре. Его концепция нового диалога человека с природой утверждает радикально неклассическую версию научной рациональности, базирующуюся на достижениях термодинамики неравновесных процессов и теории диссипативных структур, с помощью которых предлагается обосновать идею генерации порядка из состояний динамического хаоса⁶. Специфика современной ситуации породила феномен размывания строгого идеала научности, в котором наряду с эпистемологическими императивами истинности, объективности, системности всегда актуальными были требования оптимизации и повышения эффективности когнитивных структур. Сегодня не столько эффективность, сколько легити-

мация научного знания и его соответствие нормам языковых игр становятся критериальными параметрами его оценки и социального одобрения. Постнеклассическую науку все чаще рассматривают в контексте ценностей открытого общества и открытой культуры постмодернизма. Исходя из этого, спонтанная пролиферация творческих инициатив, отказ от больших метаповествований, плюрализм научно-исследовательских программ и другие характерные особенности современного научного дискурса, как правило, интерпретируются в терминах коллажной, мозаичной, постмодернистской картины реальности.

Таким образом, радикализация научного познания и отказ от фундаментальных постулатов классического образа научной рациональности стимулировали концептуальное и аксиологическое оформление идеи релятивизации сознания как важнейшего конститутивного элемента современной социокультурной ситуации. Динамика художественной культуры и становление постмодернистской парадигмы эстетической рефлексии существенно дополняют эту картину конституирования релятивизма в функции атрибутивной характеристики постиндустриального социума. В нем все отчетливее наблюдается углубленный интерес к самопознанию и самореализации личности, обостренное восприятие хрупких межличностных отношений, забота о состоянии и перспективах изменения окружающей среды, животном и растительном мире, растущая убежденность в необходимости этики выживания и формирования альтернативных стилей жизни. Эти постматериалистические ценности, нормы и стереотипы поведения инициируют активизацию таких сценариев развития художественной культуры и эстетического сознания, которые воплощаются в постмодернистских инновациях типа художественного шизоанализа; концепциях ризоматики, картографии, пиротехники и полилога искусства; физиологической трактовке катарсиса и др.⁷ Тем не менее глубинная аксиоматика релятивизации современной культуры закладывается в структурах философского сознания.

Современная западная философия являет собой весьма сложный и многомерный социокультурный феномен, интегрирующий в себе множество различных школ, направлений, концепций, репрезентирующих противоречивую динамику философского сознания на протяжении последней трети XIX–XX вв. Конституирование современного этапа в эволюции европейской философии как относительно автономной интеллектуальной традиции связано с осмыслением ее принципиальной постклассичности, критикой и отрицанием важнейших парадигмальных оснований классической философии.

Под классической философией обычно понимают некую общую ориентацию и стилистику философского мышления, базирующуюся на принципах рациональной, гармоничной и реалистически ориентированной интерпретации мира и форм его взаимосвязи с человеком как субъектом познавательной активности. Гармония и упорядоченность мироустройства, а также принципиальная возможность их рациональной реконструкции в картине мира рассматривались и оценивались в классической философии как ее неотъемлемые и атрибутивные характеристики. Именно такое понимание базовых ориентаций философии, характерное еще для Платона и Аристотеля и широко представленное в европейской философской мысли вплоть до середины XIX ст., отличает системы философской классики.

Несмотря на широкое разнообразие идей и методологических ориентаций, концептуальных моделей и мировоззренческих установок, в рамках классической философии как архетипической целостности можно с известной долей условности выделить ее базовые принципы или ориентации мышления. Среди них важнейшими являются следующие: 1) строгая приверженность метафизической проблематике, предполагающая в качестве

приоритетной цели познания поиск истинных субстанциальных оснований сущего как адекватного референта исследуемой реальности; 2) редукция всего многообразия духовного мира человека и форм его культурного творчества к рационально-теоретической способности мышления конструировать эксплицитные картины мира; 3) провозглашение категориально-понятийных структур философии наиболее продуктивным и адекватным ее природе средством философского познания; 4) трактовка субъект-объектного отношения как фундаментальной оппозиции и исходной гносеологической структуры процесса познания; 5) конституирование принципа тождества бытия и мышления, означающее принятие умозрительной конструкции рефлексивного сознания как главного средства постижения объективной реальности; 6) провозглашение истины универсальным гносеологическим регулятивом, задающим содержательные и инструментальные приоритеты в познании не только природной, но и социокультурной реальности и т. д.

Становление и развитие постклассической западной философии было связано с акцентированным неприятием этих фундаментальных принципов классического философствования и попытками радикального их переосмысления. Один из основополагающих векторов такого переосмысления был связан с релятивизацией классических философских представлений. В конце XIX – начале XX в. сочинения Ф. Ницше, А. Бергсона, В. Дильтея инспирировали своеобразный «антикартезианский бум» в философии и заставили профессиональных философов серьезно задуматься над статусом нигилистических и релятивистских аргументов в структуре философского дискурса. Однако этот опыт радикальной трансформации принципов классического философствования встретил серьезный отпор и был оценен как симптом кризисного философского сознания. Парадигмальными фигурами в этом движении выступили Э. Гуссерль и Б. Рассел.

Во второй половине XX в. возникает новая «лингвистическая» или «семантическая» стратегия в развитии философии, которая ознаменовала собой поворот от наивно-реалистических представлений о предмете философского познания к его знаково-семантическим интерпретациям. Однако аналитические стандарты и кантианская традиция априоризма и гносеологизма сориентировали философию языка в направлении логического анализа его структуры и функций. И все же лингвистическая парадигма в философии оказалась имманентно сориентированной на релятивистские стандарты мышления. Это особенно ярко обнаруживается в 70–80-х гг. XX в., когда интерес к историческим и социокультурным моделям знания приобретает характер своеобразной интеллектуальной моды. Антикумулятивистские идеи Т. Куна, «анархистская эпистемология» П. Фейерабенда, холистские и прагматические концепции У. Куайна, Н. Гудмена, Д. Дэвидсона вновь обозначили перспективу свободного философствования с использованием креативного потенциала релятивистских аргументов и концептуального плюрализма. Все более очевидно происходит переход от предмета философствования к стилю и форме языковой игры, которая утрачивает черты содержательного размышления и заменяется искусством манипуляции образно-ассоциативными языковыми конструкциями. В постмодернистских опытах философствования эта тенденция достигает своего апогея и зачастую приобретает характер лингвистического курьеза. Так, в книге с симптоматическим названием «Что такое философия?» Ж. Делёз и Ф. Гваттари резюмируют свои размышления о роли и статусе философии в современной культуре в следующем красноречивом пассаже: «Философ выносит из хаоса *вариации*, которые остаются бесконечными, но становятся неразделимыми в тех абсолютных поверхностях и объемах, которыми начертан секущий план имманенции; это уже не ассоциации отдельных идей, но воссоединения цепей над каждой зоной неразличимости в концепте»⁸.

Не случайно один из авторитетных представителей философии постмодернизма Ф. Лиотар определяет проект постмодерна как особую историческую эпоху, отличающуюся специфическим состоянием ума, атрибутами которого становятся тотальная плюрализация реальности и релятивизм. Установка на отрицание всякой универсальной гармонизации и «тотализирующего синтеза», методы коллажа и произвольной артикуляции парадоксов становятся предпочтительными с точки зрения постмодернистской техники мышления. Иными словами, постмодернизм декларирует свое радикальное дистанцирование от классического философского канона, предлагая взамен идеи множественности и разнообразия, гетерогенности и плюрализма мысли.

Характерна в этом отношении позиция ставшего весьма популярным в последнее время американского философа Р. Рорти. В своей философии неопрагматизма он развивает и обосновывает позицию последовательного культур-релятивизма и номинализма, дистанцируясь от принципов классического философствования и предлагая идеи «либеральной иронии», «этноцентризма», «диалектической герменевтики». Каждый культурный феномен (и в первую очередь язык) он рассматривает как «явление времени и случая», т. е. в контексте конкретной социокультурной ситуации. Мир в его представлении метастабилен и хрупок, человеческое познание и бытие относительны и релятивны. Подлинно актуальная функция философии, по его мнению, состоит в том, чтобы выступать посредником между поколениями, между сферами культурной активности и между традициями⁹.

Однако весьма симптоматично, что даже в устах Р. Рорти как одного из признанных авторитетов постмодернистской философской ориентации образ радикального социокультурного релятивизма не артикулируется в терминах перспективной предпочтительности. Более того, он постоянно стремится смягчить свою антифундаменталистскую позицию и зафиксировать некоторые ограничения культурно-семантической несоизмеримости различных словарей, когда речь идет о философии. Культурный диалог, если он ведется по поводу философских проблем и в языке философского дискурса, не только возможен, но и сущностно необходим, ибо вне такого диалога история как разворачивающаяся во времени форма транскультурной коммуникации утрачивает всякий смысл и собственную оправданность. Данная констатация весьма важна, поскольку она ориентирует на имманентно критическое восприятие постмодернистской техники мышления с характерными для нее формами языковых игр и аллегорического мировосприятия, с интенциями на спонтанный релятивизм и методологическую иронию. Признание Р. Рорти вполне может быть истолковано как допущение некоторой аберрации мысли, приводящей к тому, что аутентичной позицией философа по отношению к постмодернистским штудиям может быть именно ирония. В таком случае радикальная релятивизация сознания, столь впечатляюще продемонстрированная в новейших постмодернистских направлениях философствования, оказывается во многом процессом социально обусловленным, но в то же время и своеобразным социокультурным фантомом. И как только речь заходит о необходимости поиска и обоснования реальных решений научных, технологических, социальных проблем, эвристические возможности символов деконструкции и кпповой культуры оказываются более чем скромными. В таких ситуациях, по-прежнему, требуются научно и рационально обоснованные нормы и принципы методологии решения проблемы. Причем это относится не только к сфере теоретического познания, но и к области современных социальных технологий. Поэтому инициированные постмодернизмом феномены радикальной критики научного разума и размывания философской рациональности в формах художественно-дискурсивных практик следует рассматривать и оценивать как кризисные и транзитивные явления в современной культуре.

Классическое философское наследие по-прежнему продолжает выполнять роль того неизбежного основания, по поводу которого продуцируются самые экзотические версии философствования, оставаясь при этом все же формами своеобразной инверсии классической философии. И если в современной культуре востребованными окажутся не только маргинально-провокативные формы языка и социального поведения, но и конструктивно обоснованные технологии, а также нравственно значимые программы человеческой солидарности и консолидированных усилий, то традиции классической европейской философии еще не раз обнаружат свою несомненную актуальность.

¹ См.: Мамчур Е. А. Релятивизм в трактовке научного знания и критерии научной рациональности // Философия науки: Сб. ст. Вып. 5. Философия науки в поисках новых путей. М., 1999. С. 10–11.

² См.: Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.

³ Эйнштейн А. Собрание научных трудов: В 4 т. М., 1967. Т. 4. С. 60.

⁴ Бор Н. Избранные научные труды: В 2 т. М., 1977. Т. 2. С. 536.

⁵ См.: Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки. М., 1974. С. 235.

⁶ См.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986.

⁷ См.: Маньковская Н. Эстетика постмодернизма. СПб., 2000. С. 73.

⁸ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб., 1998. С. 258.

⁹ См.: Rorty R. Philosophy and the Future // Rorty and Pragmatism. The Philosopher Responds to His Critics. Nashville and London, 1995. P. 203.

Н.К. КИСЕЛЬ

КОММУНИКАТИВНЫЕ ИНТЕНЦИИ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ И АНТРОПНЫЙ КОСМОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП



Кисель Наталья Константиновна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки. Автор более 30 работ по философии и методологии науки и философии образования. Область научных интересов – методологические проблемы современного естествознания.

The paper is devoted to the research of the role of the anthropal cosmological principle (ACP) in the formation of the post-non-classical scientific rationality. The comparative analysis of ACP and the principles of complementarity and observability in non-classical science has been made, the methodological significance of ACP in the formation of the communicative strategy of post-non-classical science has been found.

Формирование постнеклассической научной рациональности в последней трети XX в. связано с радикальными изменениями в метатеоретических основаниях науки, принимающими характер глобальной научной революции. Данный процесс во многом фундирован развитием современной космологии, в рамках которой особенно наглядно происходит смена восходящей к ньютоновской космологии классической абсолютизации естественности и непосредственности природного процесса, выделяемого безотносительно к условиям его изучения, постнеклассическим отрицанием объективизма, разрушающим представление о зеркально-однозначном соответствии знания и реальности.

В своем развитии космология XX в. прошла ряд весьма знаменательных этапов. Одним из них, безусловно, явилось создание инфляционной модели Вселенной, в рамках которой последняя предстает в виде гигантской флуктуации более общего суперпространства, связанного с вакуумным состоянием физических полей. Концепция инфляционной Вселенной явилась результатом экстраполяции квантового эффекта поляризации вакуума на гра-

витационные взаимодействия и тем самым обнаружила перспективность одной из форм синтеза квантовых и релятивистских идей в постнеклассической науке.

Плодотворное развитие космогонических представлений в дальнейшем оказалось тесно связанным с оригинальной концепцией Х. Малдасены, объединившей теорию поля с теорией суперструн, начало формирования которой в физике элементарных частиц было положено в 60-е гг. XX в. Эвристика суперструнных теорий, экстраполированных на эффекты гравитации, позволила предсказать существование **гравитонов** – *гипотетических носителей гравитационного взаимодействия*. В то же время внутренние проблемы и трудности теории суперструн явились стимулом для создания непротиворечивой теории, объединяющей микро- и мегамир. Первые контуры такого объединения были в свое время заданы **антропным космологическим принципом** (АКП), *согласно которому физические свойства Универсума, его структурность во всех масштабах – от элементарных частиц до человека как социоприродного существа – тесно связаны со значениями основных мировых констант*. АКП предполагает, что человеческое присутствие во Вселенной имеет место в силу того, что она такова, какой мы ее наблюдаем, потому, что в ней реализовались именно те условия из множества возможных, которые допустили появление разумной жизни.

Будучи одним из оснований перехода от классического эволюционизма, обеспечивающего феноменологическое описание развития, к глобальному эволюционизму, АКП не только переводит анализ коэволюции человека и Вселенной в плоскость естественнонаучных исследований, но и определяет количественные параметры данного процесса, выделяя некоторый “коридор” самоорганизации Универсума. Синергетическое расширение АКП позволяет представить присутствие человека в мире в качестве своеобразного аттрактора, стягивающего неопределенность стохастического процесса к узкой области устойчивых состояний системы. Фундаментальные константы, задающие процесс самоорганизации, предстают при этом в качестве наблюдаемых параметров порядка, возникших в процессе ускользающего от наблюдения процесса естественного самоотбора, а АКП становится принципом существования сложного в этом мире, позволяющим рассматривать Универсум как иерархию сред с разной нелинейностью¹.

За счет междисциплинарных связей благодаря АКП осуществляется парадигмальная прививка – подключение теории самоорганизации к космологии. Вселенная осмысливается не только как эволюционирующая, но и как самоорганизующаяся система в соответствии с действием “круговой причины”, по Г. Хакену. Тем самым АКП становится основой для реализации антиредукционистского подхода к глобальному эволюционному процессу, способствует повышению эвристического потенциала постнеклассической научной картины мира в качестве исследовательской программы, направляющей развитие современной науки.

АКП естественным образом вписывается в концепцию суперобъединения. Согласно теореме Белла, вводящей в космологию представления о нелокальных связях в мегамире, наши измерения формируют антропную Вселенную. Онтологическая проекция полученных результатов приводит нас к построению образа Вселенной, которая при каждом измерении изменяется как в настоящем, так и в прошлом, и в будущем, тем самым в каждом измерительном акте производится как бы тонкая подстройка Большого взрыва.

Дальнейшим развитием теории суперструн в 80-е гг. XX ст. явилось становление космомикрофизики, синтезирующей космологию и физику высоких энергий. Названная единая теория нашей Вселенной призвана охватить ги-

гантские масштабы физического мира – от планковской длины до наблюдаемого радиуса Метагалактики². По своему содержанию космомикробиология выходит за рамки “великого объединения” в теории элементарных частиц и предполагает выявление связей между физикой атома и свойствами планет, физикой ядра и свойствами звезд, физикой сверхвысоких энергий и крупномасштабной структурой Вселенной.

Космомикробиология знаменует собой выработку единого подхода к описанию разнокачественных природных процессов, задает ориентиры в создании непротиворечивой дисциплинарной онтологии. Тем самым новая отрасль физического знания, демонстрируя комплексный характер решаемых проблем, продолжает стратегию преодоления внутренних противоречий в основаниях постнеклассической научной картины мира, намеченную АКП. Таким образом, в современном физическом знании формируется новая коммуникативная среда – постнеклассическая эвристика, обеспечивающая поиск механизмов, ответственных за осуществление потенциально возможных типов организации стабильных материальных систем различной природы, вплоть до человека. Значимая роль в ее становлении принадлежит АКП.

Так, благодаря АКП усиливается корреляция онтологических постулатов постнеклассической научной картины мира с идеалами и нормами современной науки. Будучи принципом самоотбора, он трансформирует идеал обоснования в постнеклассической науке и, привнося в него антропные аргументы, своеобразно продолжает линию на экспликацию операциональной основы вводимой системы понятий, прослеживавшуюся в неклассической научной рациональности в содержании принципа наблюдаемости. АКП акцентирует коммуникативную интенцию постнеклассической научной рациональности. Как следует из его содержания, специфика нашего способа ставить вопросы перед природой задается не только инструментальной деятельностью познающего субъекта, но и самой человеческой телесностью: “...то, что мы ожидаем наблюдать, должно быть ограничено условиями, необходимыми для нашего существования как наблюдателей”³.

Постнеклассическая научная рациональность окончательно порывает с трактовкой субъекта познания как зрителя природных явлений. Наблюдатель в постнеклассическом эпистемологическом пространстве не остается неизменным, он не только погружен в коммуникативную среду, но и претерпевает вместе с объектом познания процесс становления. В современной научной картине мира человек предстает не только как телесно организованное, но и осознающее существо. Творчество человека, включенного в процесс коэволюции со Вселенной, постоянно меняет всю ситуацию, ограничивая нашу способность предвидеть будущее и в то же время выступая фактором его формирования.

Складывающийся благодаря АКП новый подход к пониманию субъект-объектных сношений в познании, с одной стороны, символизирует собой изменение эпистемологической составляющей философских оснований науки, а с другой – преемственную связь вновь складывающейся общенаучной картины мира с дисциплинарными онтологиями, в частности, с квантово-релятивистской картиной мира. В рамках последней определенная роль отводится активному наблюдателю, но сам он понимается прежде всего как фрагмент природной реальности, как некая макросистема. АКП, связывая в единый процесс эволюцию Универсума с присутствием в нем человека как социоприродного существа, предполагает качественно иную трактовку роли наблюдателя: он, будучи универсальным и вместе с тем естественным продуктом космической эволюции, ведет диалог с миром, соразмерным ему.

Переосмысление роли наблюдателя в постнеклассической космологии способствует формированию коммуникативной стратегии научного поиска, начало которой было положено процессом становления неклассической науки. Коммуникативная активность субъекта в неклассической науке фундировалась принципом дополнительности. Его аналогом в логико-эпистемологическом пространстве постнеклассической науки в определенной мере выступает АКП, задающий коммуникативные интенции современного научного исследования.

В свое время принцип дополнительности был призван восполнить коммуникативный разрыв в научной рациональности, преодолеть несоизмеримость старого и нового языков научного исследования. Такой разрыв – неизбежный спутник научной революции, естественно, обнаруживает себя и в процессе становления постнеклассической научной рациональности, столкнувшейся с болезненной проблемой совмещения принципа возрастания энтропии с признанием универсальности, а не исключительности процессов становления в окружающем нас мире. В связи с этим возникает настоятельная потребность в связующих звеньях между различными блоками знания в постнеклассической научной картине мира, благодаря которым можно было бы выстроить закономерную последовательность самоорганизации Универсума от момента Большого взрыва до возникновения мыслящего человечества.

АКП, обеспечивающий коммуникативную связность разнородных логико-эпистемологических пространств современной науки, во многом способствует становлению нового коммуникативного пространства – эволюционно-синергетической парадигмы постнеклассической науки. Прежде всего он фиксирует интенсифицирующийся процесс расщепления языковой онтологии в постнеклассическом научном познании. Вместе с тем, относясь по своему содержанию к уровню метаязыка науки, АКП позволяет найти выход из противоречивой с точки зрения классической рациональности ситуации: человек, выполняющий роль своеобразного аттрактора, изучая мир, тем самым познает и самого себя. Эксплицируя тонкую самосогласованность нашей Вселенной, АКП утверждает, что возможность ее познания определяется особым избирательным эффектом – существованием познающего человека. Таким образом, принцип выступает в роли “закон вне закона”, скрывающего за собой телеономические процессы в масштабах Вселенной, в которых достижение конечного состояния эволюции системы запрограммировано им самим⁴. В этом отношении АКП обнаруживает внутреннее единство с принципом дополнительности в квантовой физике, фундирующем коммуникативные аспекты квантовомеханического описания реальности.

Как и принцип дополнительности, АКП возникает в русле физических исследований, а затем утверждается в качестве методологической установки более высокого ранга – принципа интерсубъективной коммуникации, относящегося к сфере метатеоретических оснований науки. Не случайно, что эвристические возможности АКП в системе физического знания, как в свое время и принцип дополнительности, оцениваются исследователями весьма скептически. Как и принцип дополнительности, АКП свидетельствует о том, что для современного естествознания идея целостности, внутреннего единства изучаемого наукой мира остается по-прежнему аксиологически акцентированной.

В свое время квантовая механика сформировала новую онтологию целостности, потребовавшую нетривиального представления в языке науки. Язык классической физики, выступающий метаязыком по отношению к квантовой механике, обеспечил реализацию этой задачи. Одной из фундирующих идей дополнительного способа описания в квантовой физике явилась

идея неделимой целостности микропроцесса при наличии корпускулярно-волнового дуализма. Отталкиваясь от нее, принцип дополнительности задал неклассическое ограничение пределов использования классических понятий – неизбежное в силу требования коммуницируемости⁵. Целостность акта наблюдения, события-измерения была сохранена благодаря дополнительности импульсно-энергетического и пространственно-временного описания микропроцесса. Тем самым коммуникативная онтология неклассической физики позволила блокировать антиномию-проблему корпускулярно-волнового дуализма в структуре физической теории за счет замены рассмотрения ее в синхронном срезе анализом в диахронном ракурсе. Для постнеклассической онтологии ведущей становится идея единства структурной организации Универсума. Как и в неклассической физике, в постнеклассической науке превалирует холистский подход к структурированию реальности, но в качестве метаязыка выступает язык синергетики.

АКП, содержательно связанный с эволюционно-синергетической парадигмой постнеклассической науки, во многом воплощает в себе отличительные особенности ее рациональности. Он фиксирует процесс диалога внутреннего наблюдателя и метанаблюдателя и тем самым, подобно принципу дополнительности в неклассической физике, определяет способ описания объекта в теории, предполагающий диалогический характер коммуникации, понимание субъекта как неотъемлемого компонента среды, которая не может быть рассмотрена внешней по отношению к нему. Новый диалог человека с природой ведется уже внутри самой природы, и фундирует его не столько природная, сколько антропоприродная целостность, рождающая “кольцевую коммуникативность”.

Эволюционно-синергетическая парадигма постнеклассической науки задает образ мира, самоорганизующегося в виде своего рода суперголограммы, информация с которой считывается “наблюдателем-участником”, занимающим позицию, сопряженную с оригиналом. Возникающий образ мира в некоторых ракурсах оказывается практически неотличимым от самого оригинала, что определяет неоднозначность в решении проблемы, по-прежнему стоящей перед наукой, – задачи восстановления онтологии по данным в наблюдении операционально-измерительным схемам⁶. Ее решение постнеклассическая наука осуществляет на основе акцентированного соотношения знания об исследуемых объектах с ценностно-целевыми структурами деятельности, тем самым формируя гуманистически ориентированную коммуникативную стратегию научного поиска.

¹ См.: Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Антропный принцип в синергетике // Вопросы философии. 1997. № 3. С. 64.

² См.: Каку М. Введение в теорию суперструн. М., 1999.

³ Картер Б. Совпадения больших чисел и антропологический принцип в космологии: Сб. ст. Космология: теория и наблюдения. М., 1978. С. 370.

⁴ См.: Мамчур Е.А. Причинность как идеал научного познания // Философия, наука, цивилизация: Сб. ст. М., 1999. С. 179–182.

⁵ См.: Бор Н. Избранные научные труды: В 2 т. М., 1971. Т. 2. С. 208, 289.

⁶ См.: Аршинов А.И., Буданов В.Г. Синергетика наблюдения как познавательный процесс // Философия, наука, цивилизация: Сб. ст. М., 1999. С. 238, 253.



БЕЛАРУСКАМУ ДЗЯРЖАЎНАМУ
УНІВЕРСІТЭТУ



КАФЕДРЕ ПСИХОЛОГИИ 25 ЛЕТ

Кафедра психологии создана в 1976 г. на базе кафедры «Педагогика и психология». Создание самостоятельной кафедры свидетельствовало о признании значимости и возрастании роли психологических знаний в профессиональной подготовке студентов в Белорусском государственном университете. Первым заведующим кафедрой был Р.И. Водейко, кандидат психологических наук, доцент, один из старейших и заслуженных сотрудников университета, авторитетный специалист в области психологии, на протяжении 13 лет возглавлявший кафедру психологии.

В годы становления психологического образования в университете свою лепту и педагогический талант в привитие «вкуса» к психологическим наукам студентам внесли С.Б. Бенедиктов, Л.А. Гуринович, Л.Н. Дичковская, И.А. Кулак, Г.М. Кучинский, А.К. Паншина, М.Э. Яновский. Большое внимание уделялось теоретическим, методологическим и практическим проблемам психологического знания. Вышло в свет большое количество научных монографий и работ методического характера. В 1976 г. был произведен первый набор аспирантов по специальности «психология». Первыми аспирантами кафедры психологии были Е.А. Архипова, О.Я. Коломинская, В.А. Янчук, Сенан Майхубо (Сирия), Керстен Афанасиадис (Германия), В.А. Поликарпов, Н.А. Цыркун, Т.Е. Косареvская.

Кафедра психологии до 1993 г. являлась общеуниверситетской и осуществляла подготовку студентов всех факультетов университета. В связи с созданием в 1989 г. в БГУ нового философско-экономического факультета кафедра психологии в 1993 г. вошла в его состав. В этом же году было создано отделение психологии, на котором стали готовить профессиональных психологов по специальностям «социальная психология» и «медицинская психология». Большая заслуга в организации отделения психологии принадлежит одному из ведущих специалистов в области общей и истории психологии доктору психологических наук, профессору Г.М. Кучинскому, который руководил им до 1999 г.

В 1995 г. при кафедре психологии была открыта учебная лаборатория, на базе которой проводятся занятия по общей и экспериментальной психологии, психофизиологии, психологии труда, практикумы и коллоквиумы (Д.В. Ермалович, А.П. Репеко, Ю.С. Смирнова). Долгие годы при кафедре ра-

ботает кабинет психологии (В.С. Грицюк). В разное время на кафедре психологии трудились доценты Л.С. Кравченко, А.М. Кухарчук, В.А. Поликарпов, С.П. Цуранова, преподаватели Н.Д. Алексеев, А.И. Исаенко, Г.А. Мазо, Л.П. Новицкая, С.В. Сивуха. В 2000 г. кафедру психологии возглавил один из ведущих специалистов в области социальной и педагогической психологии доктор психологических наук, профессор И.А. Фурманов.

В настоящее время на кафедре психологии – центре психологической мысли республики – сконцентрированы ведущие специалисты. Здесь продолжают работать ветераны науки профессор Р.И. Водейко и доцент Л.Н. Дичковская, передавая молодым преподавателям и студентам богатые знания в области психологии. Сотрудники кафедры отличаются широтой научных интересов, в частности, они занимаются изучением психологических проблем поведения человека, феноменологии, этиологии и психотерапии детской агрессивности, механизма психосоциальной адаптации (профессор И.А. Фурманов), диагностики, коррекции и реабилитации детей с особенностями психофизического развития (профессор Е.С. Слепович), социально-психологических аспектов интерперсонального воздействия (доцент Е.К. Агеенкова), проблем психологии труда, инженерной психологии и эргономики, психологии управления (доцент Л.А. Вайнштейн) межличностных отношений, диагностики и коррекции коммуникативной деятельности студентов (доцент Л.Н. Дичковская) и педагогов (доцент С.С. Харин), физиологических основ поведения (доцент А.И. Кулак), диагностики и развития профессионально значимых личностных качеств педагогов (доцент С.В. Талайко), теоретических и прикладных аспектов психотерапии (доцент С.С. Харин). На кафедре 16 аспирантов очной и заочной форм обучения и 6 соискателей.

И.А. Фурманов

Е.С. СЛЕПОВИЧ

**ПСИХОЛОГИЯ РЕБЕНКА С АНОМАЛЬНЫМ РАЗВИТИЕМ
КАК ПРАКТИКА ПСИХОЛОГИИ ВЫГОТСКОГО:
ПОДХОДЫ К ПОСТРОЕНИЮ И ТРАНСЛЯЦИИ**

Слепович Елена Самойловна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, член-корреспондент Академии образования Республики Беларусь. Специалист в области коррекционной психологии, ее основные исследовательские работы посвящены психологии детей с интеллектуальными нарушениями. В последние годы занимается проблемами подготовки психологов в рамках высшего образования. Имеет свыше 100 публикаций, из них три монографии, 11 методических пособий и рекомендаций. Монография «Игровая деятельность дошкольников с задержкой психического развития» переведена и издана в Японии.

The cultural-historical theory developed by L.S. Vygotsky is the theoretical and methodological basis of special psychology. The psychology of handicapped children was seen by Vygotsky as an indispensable aspect of the general theory of human development. In order to reveal this affirmation the author comprehends the main concepts of Vygotsky's theory and tells about perspectives of the psychological work with handicapped children according to this concept. The anomalous course of handicapped development requires modified education methods but the goal of the development should be the same as for a normal child. The author emphasizes that an important concept for the theory of handicapped development and for the practice of special psychology is that of zone of proximal development, in which the encounter between child's and adult's behaviour and thinking takes place.

Специальная (коррекционная) психология выступает как прикладная дисциплина, ориентированная на академическую исследовательскую психологию, представляет собой научно-психологическое обеспечение практической сферы работы с детьми, имеющими отклонения в развитии, и позволяет использовать общие теоретические положения Л.С. Выготского в конкретной области. Такие понятия, как “высшие психические функции”, “социальная ситуация развития”, “зона ближайшего развития”, представления о ядерном дефекте наибольшее значение приобретают при рассмотрении их в ракурсе оказания психологической помощи аномальному ребенку. Специальная (коррекционная) психология, образно говоря, может не только служить иллюстрацией к общим идеям культурно-исторической концепции, но и, опираясь на методологию и понятийный аппарат культурно-исторической теории, создает свою собственную практику, ориентированную не на исследование психики ребенка, а на работу с ней. В ней были найдены, апробированы и описаны методы и способы непосредственной работы с аномальным ребенком, где он предстает целостно, в единстве специфики своих психических процессов, качеств и социального окружения. Ракурс видения аномального ребенка, как и результатов работы с его психикой (путь от патологии к норме), задается теорией Выготского. На основе понятийного аппарата данной научной школы построена вся психодиагностика и психокоррекция. При этом данный концептуальный аппарат лежит в основе разработки психотехнических средств, а также является тем понятийным полем, которое задает ракурс понимания того, что происходит “в голове ребенка”. Кроме того, при заимствовании методов и приемов, относящихся к иным психолого-педагогическим практикам (бихевиоральной, когнитивной и др.), данная психологическая практика осуществляет их “подгонку”, структурирование, перевод на язык советской психологии. Таким образом, специальная (коррекционная) психология как прикладная наука академического типа¹, а также все ее практические процедуры базируются на понятийном аппарате концепции

¹ В разработке и обсуждении теоретических позиций статьи принимали участие аспиранты Т.И. Гаврилко и А.М. Поляков.

онная) психология как прикладная наука академического типа¹, а также все ее практические процедуры базируются на понятийном аппарате концепции Л.С. Выготского. Специальная (коррекционная) психология оперирует эффективным методом, который является одновременно и исследовательским, и психотехническим, т. е. формирующим, экспериментом. Таким образом, если следовать логике рассуждений Ф.Е. Василюка², специальная психология соответствует всем критериям психотехнической теории и может рассматриваться как одна из практик отечественной психологической традиции.

Мы будем вести речь только о “Психологии ребенка с аномальным развитием” как о **психологической практике**, опирающейся на жесткую категориальную систему, которая уходит своими корнями в культурно-историческую теорию Л.С. Выготского, деятельностный подход А.Н. Леонтьева, теорию поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина^{3, 4, 5}. Саму психологическую практику можно рассматривать с двух сторон: с точки зрения ее содержания и способов ее трансляции. Полагаем, что логика передачи психологической практики уже заложена **в ее содержании**. Попытаемся рассмотреть сложное взаимодействие **“что и как”** через призму понятия “зона ближайшего развития”.

Понятие “зона ближайшего развития”, на наш взгляд, фиксирует принципы, базовые положения культурно-исторической теории и является одним из центральных в ней. Введение Выготским в психологию принципа развития считается существенным вкладом в психологическую науку^{6, 7, 8}. Психика ребенка рассматривается в развитии. Понятие “зона ближайшего развития” отражает психологическую реальность с позиций развития ребенка, фиксирует его потенциал на данном возрастном этапе. Наряду с принципом историзма формирование личности ребенка понималось как культурно, социально обусловленное, зависящее от тех социальных отношений, в которые ребенок вступает с другими людьми. Зона ближайшего развития ребенка может быть обнаружена во взаимодействии с другим человеком. В таком случае данная категория включена в контекст положения культурно-исторической теории о социальном характере формирования человека. Критерием выявления потенциала ребенка, т. е. собственно его зоны ближайшего развития, по Выготскому, является способность выполнения задания (учебного, экспериментального) совместно с другим субъектом. Виды и уровни психологической помощи при диагностике и работе психолога, а также способы предложения этой помощи определяются в процессе совместного (психолога и ребенка) выполнения тех задач, которые недоступны ребенку для самостоятельного решения, однако возможность решения которых лежит в его зоне ближайшего развития, выявление которой и работа с ней представляют собой пример “субъект-субъектного” взаимодействия взрослого и ребенка.

Диагностика зоны ближайшего развития ребенка представляет собой в первую очередь выявление предпосылок к присвоению способов деятельности, решений, которые задает взрослый. Л.С. Выготский подчеркивал, что зона ближайшего развития ребенка не является константной. Он указывает на разворачивание механизма подражания на основе зоны ближайшего развития: “...подражать можно только тому, что лежит в зоне собственных возможностей человека”⁹. В ходе сотрудничества (общения, взаимодействия) со взрослым зона ближайшего развития ребенка изменяется: часть тех способностей, которые были в ней, переходят в зону актуального развития, а сама зона ближайшего развития, в свою очередь, смещается дальше. По мнению В.И. Слободчикова¹⁰, понятие присвоения в соотношении с понятием обучения ребенка (с учетом его потенциала) существенно смещает акценты в понимании субъектов активности: если обучение указывает на

внешний источник развития – взрослого, то присвоение подчеркивает внутреннюю активность самого ребенка.

Понятие “зона ближайшего развития” задает ракурс видения ребенка в целом. Возникает особый взгляд на психологическую диагностику и психологическую коррекцию. Основной целью такого рода диагностики является определение зоны ближайшего развития ребенка, выявление отклонений в развитии становится вторичной задачей. Данное понятие изменяет суть диагностики аномального развития и всех, стоящих за ней, психотехнических процедур и наносит удар по психометрическому отношению к данной процедуре. Впервые “шкала”, т. е. проблема пропорций, перестает быть ракурсом, определяющим видение ребенка. Вместо того чтобы “считать и мерить”, психолог при такой диагностике наблюдает, анализирует, расчленяет, обобщает, описывает и качественно определяет, что дает возможность перейти от описания симптомокомплекса к выстраиванию психологического механизма развития ребенка и отклонений в нем.

Применительно к психологической практике работы с ребенком понятие “зона ближайшего развития” определяет характер, принципы и способы ее построения. В процессе диагностики отклонений в развитии ребенка необходимо учитывать не только актуальный уровень психических способностей, но и его потенциал, т. е. тот уровень, который может быть достигнут ребенком впоследствии. Таким образом, предметом диагностики является процесс развития ребенка, а предметом коррекции – логика развития ребенка, и в связи с этим специалист работает не с дефектом, а с развивающимся ребенком. Любой другой подход, который направлен на работу с симптомом, синдромом, дефектом, вызывает социальную и психологическую культивацию дефекта.

Абсолютизация психометрических методов диагностики, наблюдающаяся в настоящее время, подмена ими диагностики зоны ближайшего развития не есть прогресс психологии, а возвращение к тому состоянию психологии и дефектологии, которое было в конце XIX в. до Выготского. По сути дела, психометрический метод дает всего лишь возможность другими словами пересказать ту проблему, с которой педагог или родитель обращались к специалисту, никак не продвигая их в понимании состояния ребенка. Основанная на психометрических методиках “(психологическая) консультация возвращает им (родителям, педагогам) их же собственный рассказ и наблюдение, снабженное какими-либо научными терминами..., и если родители, педагоги не находятся под гипнозом этого научного термина, они не могут не разглядеть того, что их, в сущности, обманули. Им дали то же самое, что только что получили от них, но снабдили это ярким, большей частью иностранным и непонятным ярлычком”¹¹. Симптомокомплекс имеет чисто негативное содержание, только указывающее на неблагоприятное развитие ребенка, и не дает возможности выйти на механизм данного нарушения, не устанавливает своеобразие развития в данный момент.

Под зоной ближайшего развития ребенка понимаются не отдельные симптомы и даже не их комплексы (синдромы), а их взаимосвязи, психологические механизмы, лежащие за этим явлением, согласование всех критериев развития, его прогноз, достаточно полный диагноз развития, который охватывает все явления психического и социального порядка в связи с анатомическими и физиологическими симптомами развития¹². Таким образом, мы переходим от фенотипической к казуально-динамической точке зрения на отклонение в развитии. Такого рода диагностика открывает совершенно новый пласт понимания аномального ребенка, по Выготскому (в данном случае). Впервые смещаются акценты с дефекта на процесс психического развития ребенка. При этом определении используется особый тип методик, которые являются и диагностическими, и коррекционными одновременно. В отличие от психометрических методик на эти методики ребенка нельзя

“надрессировать”, их нельзя заучить. Они могут быть выполнены только на определенном этапе развития.

В структуре диагностики зоны ближайшего развития ребенка можно выявить иные пути, способы, средства его развития, так как начинает действовать закон “превращения минуса дефекта в плюс компенсации”¹³. Такая диагностика включает в себя аппарат человеческой культуры, тем самым создается установка на будущее, ибо в скрытом виде в этой диагностике заложены основные обходные искусственные пути, которые и могут лечь в основания психокоррекционной работы. Л.С. Выготский отмечает, что “...было бы ошибкой абсолютизировать своеобразие типа развития ребенка с тем или иным дефектом и забывать, что пределы этому своеобразию положены социальной обусловленностью такого развития...”¹⁴. Диагностика зоны ближайшего развития аномального ребенка намечает план его культурного развития. Таким образом, впервые психологическая диагностика и коррекция превращаются в целостную систему работы с ребенком, имеющим отклонения в развитии. Диагностика и коррекция перестают быть автономными областями. Понятие “зона ближайшего развития” делает практику работы оптимистичной, радостной, позволяя психологу останавливаться не на “золотниках болезни”, подмечать не “крупницы дефектов”, а замечать и изучать “те колоссальные богатые жизнью области, которыми обладают дети, страдающие ненормальностями”¹⁵. В связи с этим создается система психологической коррекции, которая ориентируется на здоровье ребенка. Развитие и нормального, и аномального ребенка имеет общую цель при своеобразии средств ее достижения. Изучить зону ближайшего развития ребенка можно, лишь выработав и апробировав эти особые средства, которые потом станут психотехнической основой коррекционной работы с ним. “Если бы особые средства применялись для особых целей, в этом бы не было ничего, заслуживающего названия проблемы: все дело в видимом противоречии особых средств, применяемых для достижения тех же целей”¹⁶.

И психологическая диагностика, и психологическая коррекция, основывающиеся на понятии зоны ближайшего развития, представляют собой субъект-субъектный процесс. В.А. Лефевр полагает, что в традиционной психологии существует следующий тип научности, суть которого состоит в том, что объект слабее по мощности, чем исследователь, и поэтому исследователь может его изучить¹⁷. В практике работы с аномальным ребенком психолог должен стать рядом с ребенком, найти в себе те силы, возможности, которые помогут ребенку раскрыть свою зону ближайшего развития. Психологу рядом с ребенком необходимо чувствовать свои возможности, раскрытие которых требует от него предвидения своей зоны ближайшего развития. Л.С. Выготский, по мнению Ю.В. Громыко, “является предтечей научности совершенно иного типа, поскольку процессы развития могут и должны проектироваться”¹⁸. За этим стоит целый пласт принципиально новых идей и новых подходов в первую очередь к организации научного знания, однако, это также дает новый импульс для практики психологии в понимании процесса психокоррекционной работы с ребенком. Культурно-историческая концепция является по своей сути тем знанием, которое позволяет строить работу с ребенком как *проектирование*. При этом проектирование осуществляется не только в адрес ребенка, но и в адрес самого психолога. Именно поэтому психокоррекционную работу трудно представить в виде константной модели, она является развивающейся системой.

Культурно-историческая теория Выготского была положена нами как одна из теорий, опосредующих *процесс трансляции* данной психологической практики, который является “субъект-субъектным” взаимодействием. Мы полагаем, что можно говорить о создании в процессе трансляции практики *совместной* зоны ближайшего развития носителя практики и того, кто ее ос-

ваивает*. Только в этом случае возможна передача и развитие психологической практики как живой динамической системы. Создание общей зоны ближайшего развития представляет собой длительный процесс, формирование которого основывается не только и не столько на первом впечатлении, первичной оценке учителем знаний ученика, когда в лучшем случае фиксируется уровень актуального развития студента, сколько на процессе их (учителя и ученика) длительного взаимодействия. На начальном этапе у учителя может создаться иллюзия существования перспективной зоны ближайшего развития ученика (мы не претендуем на их полный перечень) на основании совпадения следующих составляющих: а) совпадение зоны интересов двух субъектов (учителя и ученика); б) совпадение тезаурусов (такое совпадение может вызывать у учителя к жизни целый пласт глубоких содержаний, которые могут отсутствовать у ученика); в) некоторое совпадение локуса видения той или иной проблемы.

При совпадении этих составляющих учитель может приписать свою зону ближайшего развития ученику, осуществить ее проекцию, отождествить зоны ближайшего развития (свою и своего ученика). Такая иллюзорная зона ближайшего развития обучающегося не является достаточной для эффективной передачи практики. Образ зоны ближайшего развития вызывает определенные ожидания в адрес того, кому она приписывается. Ее неверное (неточное) определение у ученика искажает и представления об уровне его актуального развития, что приводит к работе учителя с иллюзорным учеником. В таком случае при передаче практики учитель берет не тот старт, выбирает неадекватные способы ее трансляции. В контексте данного подхода, как показывает рефлексия нашего опыта трансляции практики (а также опыта таких выдающихся носителей авторских практик, как К. Витакер, В. Сатир, И. Ялом и др.), следствием такой неадекватной диагностики может быть: а) разочарование в ученике как не оправдавшем надежды, возлагаемые на него; б) ощущение неадекватности путей и способов трансляции практики.

Совсем по-другому строится взаимодействие двух субъектов (учителя и ученика) в процессе передачи практики, когда происходит формирование общей зоны ближайшего развития с учетом создания целостного поля, опирающегося на ее адекватный образ, как у носителя практики, так и у того, кто ее осваивает. В этом случае основными общими линиями для соотношения двух зон ближайшего развития могут стать: 1) система ценностей учителя и ученика; 2) особая личностная направленность субъектов на отношение к процессу психокоррекции как длительной (марафонской) психологической работе, помогающей ребенку пройти путь от патологии к норме. Личностная направленность базируется на образе жизни как длительном строительстве, а не мгновенном чуде. Такая направленность в профессиональной деятельности, с одной стороны, определяет и одновременно опирается на особый тип личности, а с другой – на умение по деталям достраивать целостный образ; 3) склад мышления, определяющий способность порождать идеи в рамках данной практики**.

Применяя понятие «зона ближайшего развития» для описания процесса трансляции психологической практики, мы, конечно, делаем ряд допущений, правомерность которых является предметом отдельного обсуждения. Обозначим эти допущения. Первое из них связано с переносом понятия зоны ближайшего развития, которое создавалось для анализа и характеристики *детского* развития, на изучение процесса трансляции психологической

* В дальнейшем для краткости мы будем называть субъекта-носителя практики *учителем*, а субъекта, осваивающего практику, – *учеником*.

** Подробнее см.: Слепович Е.С., Гаврилко Т.И., Поляков А.М. Изучение курса психологии ребенка с аномальным развитием как один из способов образования профессионального мышления психолога.

практики работы с ребенком с аномальным развитием, который предполагает взаимодействие не взрослый-ребенок, а взрослый-взрослый. Второе допущение непосредственно связано с первым и обусловлено особенностями деятельности (в том числе профессиональной) и развития личности взрослого человека (будущего специалиста) как участника в процессе передачи практики и овладения ею. Взрослый человек (ученик) в значительной степени *сам* планирует, задает направление и темпы своего развития, в том числе и профессионального становления. С этих позиций говорить об учителе как носителе культурных идеальных форм (способов профессионального мышления, ценностей и смыслов профессиональной помощи и др.), который *определенным* образом будет задавать и направлять профессиональное становление специалиста, недостаточно справедливо. Такое влияние становится возможным лишь тогда, когда будущий специалист (ученик) уже освоил и принял основные ценности и смыслы своей профессиональной деятельности, которые совпадают либо хотя бы пересекаются с ценностями и смыслами профессиональной деятельности учителя. Однако, поскольку мы говорим о процессе трансляции психологической *практики* работы с аномальным ребенком, то можно полагать, что "встреча" ученика с учителем с целью профессионального роста, овладения психологической практикой уже предполагает совпадение у них ценностно-смысловых полей в сфере профессиональной деятельности.

Одним из условий построения совместной зоны ближайшего развития ученика и учителя, на наш взгляд, является способность автора практики (учителя) к открытому самовыражению того, что имеет для него глубокий личностный смысл. С другой стороны, ученик должен быть готов (иметь предпосылки) к пониманию и принятию (присвоению) этих смыслов, что предполагает его ответную, встречную открытость.

Другим условием построения совместной зоны ближайшего развития является определенное соответствие субъективного опыта обучающего и обучаемого. В содержание субъективного опыта входят: 1) предметы (познания и практической деятельности), представления, понятия; 2) операции, приемы, правила выполнения действий (умственных и практических); 3) эмоциональные коды (личностные смыслы, ценности, установки, стереотипы). Подчеркнем особое значение эмоциональных кодов (личностных смыслов, установок, стереотипов) субъективного опыта для создания совместной зоны ближайшего развития. Общие эмоциональные коды обучающего и обучаемого во многом выполняют регулирующую функцию по отношению к предметной и деятельностной сторонам практики. Создание общей зоны ближайшего развития учителя и ученика возможно только в том случае, если автор относится к своей практике как к живому знанию. "Живое знание генетически непосредственно, событийно, диалогично. Оно никогда не завершено и ситуационно динамично"¹⁹. С одной стороны, сама практика для ее автора представляет поле проблем, с другой стороны, процесс овладения ею является живым и незавершенным. Встреча этих незавершенностей запускает процесс совместного порождения смыслов практики, что и задает совместную зону ближайшего развития учителя и ученика. И со стороны учителя, и со стороны ученика совместная зона ближайшего развития выступает как вызванная к жизни интенция к саморазвитию, о чем прекрасно написано у И. Ялома²⁰, который определил как основную для психолога-преподавателя задачу – "сформировать у студента базовую исследовательскую ориентацию на продолжение образования и потребность относиться ко всей своей деятельности в целом как к опыту обучения"²¹. Одним из условий порождения такого мотива является совместное (учителем и учеником) переживание и решение открытых психологических задач.

¹ Слободчиков В. И. Развитие субъективной реальности в онтогенезе. М., 1994.

- ² Василюк Ф.Е. От психологической практики к психотехнической теории // Психологическое образование: контексты развития: Сб. ст. / Под ред. М.А. Гусаковского, А.А. Полонникова. Мн., 1999. С. 73–83.
- ³ Слепович Е.С., Гаврилко Т.И., Поляков А.М. О преподавании коррекционной психологии как практики работы с аномальным ребенком // Современные проблемы формирования у учащихся и студентов культуры мышления и умственного труда: Материалы Респ. науч.-практ. конф., Минск, 25 апреля 2000 г. / Под ред. Н.А. Березовина. Мн., 2000. С. 195–198.
- ⁴ Слепович Е.С., Гаврилко Т.И., Поляков А.М. Коррекционная психология как практика отечественной психологии // Университетское психологическое образование: оценка ситуации и возможные перспективы: Материалы проблемно-разработческого семинара, Минск, 21–23 сентября 2000 г. Мн., 2000. С. 30–33.
- ⁵ Слепович Е.С., Полонников А.А. Психологическое знание и психологическое образование // Университетское образование в условиях смены образовательной парадигмы: Сб. ст. Мн., 1997. С. 211–216.
- ⁶ Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности. Учебное пособие для вузов. М., 1995.
- ⁷ Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе. Учебное пособие для вузов. М., 2000.
- ⁸ Слободчиков В.И. Указ. пр.
- ⁹ Слепович Е.С. Указ. пр. С. 351.
- ¹⁰ Слободчиков В.И. Указ. пр.
- ¹¹ Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. Основы дефектологии / Под ред. Т.А. Власовой. М., 1983. Т. 5. С. 259.
- ¹² Выготский Л.С. Там же. С. 271.
- ¹³ Выготский Л.С. Там же. С. 230.
- ¹⁴ Выготский Л.С. Там же. С. 30.
- ¹⁵ Выготский Л.С. Там же. С. 53.
- ¹⁶ Выготский Л.С. Там же. С. 31.
- ¹⁷ Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. М., 1983.
- ¹⁸ Громыко Ю.В. Выготскианство за рамками концепции Л.С. Выготского. М., 1996. С. 234.
- ¹⁹ Громыко Ю.В. Указ. пр. С. 215.
- ²⁰ Ялом И. Теория и практика групповой психотерапии. М., 1999.
- ²¹ Ялом И. Там же. С. 585.

И.А. ФУРМАНОВ

АФФЕКТИВНО-ДИНАМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ АДАПТАЦИИ



Фурманов Игорь Александрович – доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии. Автор 116 научных работ, из них пяти монографий, девяти методических работ, двух учебно-методических пособий, трех учебных программ. Областью научных интересов являются психологические проблемы поведения человека, феноменология, этиология и психотерапия детской агрессивности, механизмы психосоциальной адаптации.

Interaction in triad «suffering – fear – anger» determinates the type of adaptive human's behavior. In the cases of fear considerable domination prevails over the mechanism of suppression. This leads for to the behavior suppressive-aggressive type formation and passive accommodation strategy realization. In relative parity of fear and anger the mechanism of displacement functions. This leads to the behavior passive-aggressive type formation and adaptive self-limitation strategy realization. When anger dominates emotion, we can see the opened aggressive reaction and the demonstration of the active adaptation strategy.

В основе человеческого поведения лежат потребности, которые непосредственно побуждают индивида к активности, направленной на достижение равновесия с окружающей средой, т. е. адаптацию. Вслед за Л.И. Божович под *потребностью* мы понимаем отраженную в форме переживания (а необязательно осознания) нужду индивида в том, что необходимо для поддержания жизнедеятельности организма и развития личности. В основном активность направлена на поиск предметов или объектов удовлетворения

потребностей. Направленность поведения определяется системой доминирующих мотивов. Совокупность потребностей и мотивов образует мотивационную сферу, в которой можно выделить два компонента: *содержательный и динамический*. Содержательный компонент мотивации определяет предполагаемую направленность поведения, опосредованно через поставленную цель или принятое решение. Динамический компонент выполняет собственно побудительную функцию.

Когда потребность удовлетворяется, меняется направленность поведения – поведение направляется на удовлетворение другой актуальной потребности². Когда же потребность не удовлетворяется, направленность мотивации сохраняется, но начинает расти ее напряженность. Существует оптимум мотивации, за пределами которого возникает эмоциональное поведение. Понятие «*оптимума мотивации*» связано с адекватностью или неадекватностью реакций на ситуацию и соответственно отношением между интенсивностью (напряженностью) мотивации и реальными возможностями субъекта в конкретной ситуации³.

Согласно П.В. Симонову⁴, в результате отражения человеком какой-либо актуальной потребности (ее качества и величины) и вероятности (возможности) ее удовлетворения на основе врожденного и онтогенетического опыта появляются определенные эмоции. Удовлетворение или неудовлетворение потребностей порождает эмоциональное состояние удовольствия или неудовольствия. С.Л. Рубинштейн отмечал, что то или иное эмоциональное отношение к определенному предмету или лицу, представленное в сознании в виде непосредственного переживания, формируется на основе потребностей по мере того, как мы осознаем зависимость их удовлетворения от этого предмета или лица, испытывая те эмоциональные состояния удовольствия или неудовольствия, которые они нам доставляют⁵. Кроме того, в силу многообразия потребностей один и тот же предмет или лицо могут приобретать для человека различное и даже противоположное как положительное, так и отрицательное эмоциональное значение.

Другим важным условием появления эмоциональной реакции, опосредованной ростом напряженности мотивационной системы, является оценка вероятности удовлетворения потребности. Если величина потребности нарастает, а оценка вероятности ее удовлетворения падает, то такое состояние переживается как негативное, сопровождающееся отрицательным эмоциональным тоном, и наоборот^{6,7}. В частности, исследования показывают, что предвидение возможного удовлетворения потребности может являться основным мотивационным условием поведения: человек ставит себе цели, которые, как он ожидает, приведут к вознаграждению, удовлетворению потребности⁸. Важные цели с высокой возможностью достижения (большая надежда) вызывают положительный аффект (радость, удовольствие); важные цели с низкой вероятностью достижения (слабая надежда) вызывают тревожность или депрессивность⁹. Таким образом, сила напряженности мотивации определяет валентность эмоционального фона поведения.

Ситуацию, когда субъект сталкивается с «невозможностью реализации внутренних потребностей своей жизни»¹⁰, а именно с существующей проблемой потенциальной или актуальной угрозы удовлетворению основных потребностей, из которой человек не может уйти и которую не может разрешить в короткое время и привычным способом, можно охарактеризовать как **кризисную**¹¹. Дж. Каплан¹² выделяет четыре последовательные стадии кризиса: 1) первичный рост напряжения, стимулирующий привычные способы решения проблемы; 2) дальнейший рост напряжения в условиях, когда эти способы оказываются безрезультатными; 3) еще большее увеличение напряжения, требующее мобилизации внешних и внутренних ресурсов; 4) если все попытки оказываются тщетными, то повышается тревожность и депрес-

сивность, появляются чувства беспомощности и безнадежности, дезорганизация личности и поведения.

Отметим, что кризис может кончиться на любой из стадий, если угроза исчезает или обнаруживается какой-либо способ удовлетворения потребности. Возможны два варианта разрешения кризисной ситуации: 1) главным способом избавиться от травмирующего действия нарастающего напряжения является переориентация на другие объекты или способы удовлетворения потребностей (т. е. поиск замещающего объекта); 2) использование психологических защит: подавления, а также изоляции аффекта, вытеснения (особенно агрессивного компонента), замещения, отрицания¹³. При этом главное место принадлежит переживанию¹⁴, которое представляет собой внутреннюю (психическую) работу и определяет характер и направленность действий, с помощью которых человеку удастся перенести те или иные жизненные события, восстановить утраченное душевное равновесие, справиться с кризисной ситуацией. Возникающая в данном случае напряженность, а также связанные с ней переживания могут оказывать влияние на появление (усиление) определенных личностных особенностей и моделей поведения.

Исследования показывают, что результатом продолжительного воздействия чрезмерного уровня стимуляции (в нашем случае напряжения, связанного с переживанием необходимости удовлетворить потребность) является **чувство страдания**. Страдание сообщает человеку о том, что ему плохо и побуждает его предпринимать определенные действия для устранения причины страдания или изменить свое отношение к объекту, служащему причиной этому¹⁵. Таким образом, страдание как аффективный процесс может служить причиной или источником поведения, т. е. «фактором, который поддерживает или прекращает возникающие формы поведения»¹⁶. Это происходит согласно гедонистическому принципу максимизации позитивной аффективности (удовольствия, радости) и минимизации негативной аффективности (страдания).

Можно указать на две основные причины возникновения страдания. Первая – это **депривация** – состояние, которое возникает при отсутствии предмета или возможности, необходимых для удовлетворения потребности. Другая – **фрустрация** – состояние, которое больше относится к последствиям, связанным с процессом удовлетворения потребности: когда на пути к объекту удовлетворения возникают различного рода преграды или препятствия. Здесь, вероятно, следует указать на дополнение мотивационного напряжения эмоциональным. Эмоциональное напряжение – состояние, характеризующееся повышенным уровнем активации и соответствующим ему эмоциональным возбуждением, которые блокируются в экспрессивно-исполнительской фазе (т. е. эмоциональное напряжение возникает, как правило, в ситуациях, которые вызывают страх, но исключают бегство; вызывают гнев, но делают невозможным его выражение). Поэтому состояния депривации и фрустрации могут появиться лишь при условии достижения определенного уровня эмоционального возбуждения: интенсивности страдания. При этом в соответствии с «принципом удовольствия» страдание ведет как к возрастанию активности, увеличению интенсивности внешних реакций с целью удовлетворения потребности либо приводит к усилению внутренней активности, а именно к введению механизмов психологической защиты, для уменьшения напряжения¹⁷. И то и другое может стимулироваться определенными эмоциями, сопровождающими либо реализацию потребности, либо ее сдерживание. В связи с этим различают стенические эмоции (приводящие к увеличению активности, к действию) и астенические (не побуждающие к действию). Анализ следствий испытываемого страдания показывает, что к первым относятся негодование, гнев, ярость. Ко вторым можно причислить уныние, упадок духа, одиночество, отверженность, обиду, настороженность, тревожность и др.

В качестве одной из базовых эмоциональных реакций на страдание можно рассматривать эмоцию **страха**. В данном случае страх может возникать как реакция опасения, что потребность не будет удовлетворена из-за отсутствия объекта удовлетворения или невозможности устранения препятствия к достижению цели, и страдание будет продолжаться. Как указывает К. Изард, при страхе сочетаются высокое напряжение, импульсивность и активность. На поведенческом уровне чрезмерная напряженность может приводить к заторможенности действий, вплоть до “застывания тела”, т. е. двигательного ступора (астенический страх). Высокое возбуждение (импульсивность и активность), напротив, могут вести к неадекватному поведению в форме панических или разрушительных неэффективных реакций (стенический страх). Однако общим для людей, переживающих страх, является ощущение сильного желания убежать или спрятаться. Поэтому страх главным образом способствует одному типу поведения – поведению избегания, “бегства” из ситуации¹⁸. В этом случае использование психологических защит как раз и является “уходом” от травмирующих переживаний страдания. Вместе с тем возможен и другой исход, когда реакция ухода из ситуации сопровождается агрессивностью или реакциями удаления объекта, вызывающего страх, путем его разрушения¹⁹.

Другой базовой эмоциональной реакцией на страдание является **гнев**. С точки зрения филогенеза гнев имел важное значение для выживания человека, поскольку способствовал мобилизации энергии индивида и делал его готовым к активной самозащите²⁰. Согласно теории С. Томкинса, страдание является врожденным возбудителем гнева благодаря тому, что внешнее воздействие или травматические переживания, вызывающие непрерывное страдание, могут понизить порог гнева²¹. Идея такова: поскольку страдание вызывается умеренно высокой и постоянной нейронной активацией, длительное страдание может привести к переходу плотности нейронных зарядов через порог гнева. Чем сильнее гнев, тем более сильным и энергичным чувствует себя индивид и тем больше его готовность к физическим действиям. А. Бандура трактует гнев как один из основных компонентов общего возбуждения, которое способствует возникновению агрессии²².

Взаимодействие в триаде «**страдание – страх – гнев**» может быть как адаптивным, так и дезадаптивным. Его позитивными последствиями могут стать действия, направленные на преодоление препятствий к удовлетворению потребностей и на то, чтобы не допустить кризисной ситуации в будущем. Дезадаптивность имеет место тогда, когда гнев, происходящий от сильного страдания при повторяющихся попытках обрести утраченный объект удовлетворения потребностей или устранить преграду на пути к нему, ведет к разрушительной агрессии. Следует отметить, что взаимодействие эмоций – сложное явление, которое может дезорганизовывать действия, привести к возникновению кризисной ситуации или негативного эмоционального состояния, но в то же время может организовывать действия, направленные на уменьшение или устранение неприятных воздействий. Таким образом, взаимодействие эмоций содержит в себе элементы как дезорганизации, так и организации поведения.

Взаимовлияние страха и гнева может непосредственно сказываться на характере адаптации поведения человека. В частности, согласно данным Р. Плучика, Х. Келлермана, Х. Конте, **при значительном доминировании страха** преобладает *механизм подавления*, направленный на исключения из сознания мыслей или переживаний, вызванных негативными эмоциями, что приводит к формированию **подавленно-агрессивного типа поведения**. Агрессия будет тормозиться или трансформироваться, поскольку существует сильный страх, стимулированный предвидением наказания или возмездия²³. В этом случае адаптация протекает по стратегии пассивного приспособления, когда предпочтение отдается зависимо-послушному (характери-

ствие. И наконец, когда первая и вторая фазы не дают результата, происходит «отстранение» от побуждений, стимулирующих активность или адаптивное поведение. Эта полная отстраненность и вызывает депрессию²⁷.

3. *Психотизм*. Состояние, которое характеризуется постоянной напряженностью, возбужденностью безотносительно к степени опасности реальной ситуации. Может возникать в результате подавления эмоций страха или гнева. Обычно проявляется в возникновении образов, фантазий, сновидений или мыслей о причинении ущерба объекту враждебности.

Таким образом, процессы адаптации обусловлены целым рядом причин психологической природы, которые являются следствием неравномерности онтогенетического развития и особенностей психической жизни человека.

¹ Божович Л. И. Проблема развития мотивационной сферы ребенка // Изучение мотивации поведения детей и подростков / Под ред. Л. И. Божович, Л. В. Благоннадежиной. М., 1972. С. 41.

² Неймарк М. С. Направленность личности и аффект неадекватности у подростков // Изучение мотивации поведения детей и подростков / Под ред. Л. И. Божович, Л. В. Благоннадежиной. М., 1972. С. 118.

³ Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. Мотивация, эмоции и личность. М., 1975. С. 140.

⁴ Симонов П. В. Потребностно-информационная теория эмоций // Вопросы психологии. 1982. № 6. С. 44–56.

⁵ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1940. С. 385–396.

⁶ Райкрофт Ч. Критический словарь психоанализа. СПб., 1995. С. 56.

⁷ Haber R. N. Discrepancy from adaptation level as source of affect // Journal of Experimental Psychology. 1958. Vol. 56. P. 17–19.

⁸ Deci E. Intrinsic motivation. New York, 1975. P. 123.

⁹ Изард К. Эмоции человека. М., 1980. С. 252–334.

¹⁰ Василюк Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М., 1984. С. 31.

¹¹ Janes I. L. et al. Personality. Dynamic, development and assesment. New York, 1969.

¹² Caplan G. Emotional crises // The encyclopedia of mental health. New York, 1963. Vol. 2. P. 521–532.

¹³ Peretz D. Reaction to loss // Loss and grief: Psychological management in medical practice / B. Schoenberg et al. (Eds.). New York, 1970. P. 54–78.

¹⁴ Василюк Ф. Е. Указ. пр.

¹⁵ Tomkins S. S. Affect, imagery, consciousness. Vol. 2. The negative affects. New York, 1963. P. 15–41.

¹⁶ Young P. T. The Role of Hedonic Processes in Motivation // Nebraska Symposium on Motivation. Lincoln, 1955. P. 194.

¹⁷ Райкрофт Ч. Указ. пр.; Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М., 1979. С. 42.

¹⁸ Изард К. Указ. пр.

¹⁹ Фресс П., Пиаже Ж. Указ. пр.; Janet P. Fear of action as an essential element in the sentiment of melancholia // Reymert M. L. (Ed.). Feelings and emotions. Worcester, 1928. P. 297–309.

²⁰ Изард К. Указ. пр.

²¹ Tomkins S. S. Указ. пр.

²² Bandura A. Aggression: A Social Learning Analysis. Englewood Cliffs, 1973.

²³ Plutchik R., Kellerman H., Conte H. A structural theory of ego defenses and emotions // Emotions in personality and psychopathology. New York, 1979. P. 229–257.

²⁴ Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 365–405.

²⁵ Gellhorn E. The neurophysiological basis of anxiety: A hypothesis // Perspectives in Biology and Medicine. 1965. Vol. 8. P. 488–515.

²⁶ Liddel H. S. Animal origins of anxiety // Feelings and emotions. Worcester, 1950. P. 181–188.

²⁷ Klinger E. Consequences of commitment to and diseengagement from incentives // Psychological Review. 1975. Vol. 82. P. 1–25.



БЕЛАРУСКАМУ ДЗЯРЖАЎНАМУ
УНІВЕРСІТЭТУ



ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА И ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В БГУ

Сегодня Белорусский государственный университет является единственным государственным учебным заведением республики, где осуществляется подготовка дипломированных специалистов в области политологии. Кафедра политологии БГУ была создана в 1991 г. Первым ее заведующим стал доктор философских наук, профессор А.М. Байчоров, который инициировал открытие в 1992 г. отделения политологии на философско-экономическом факультете, а также создал и возглавил специализированный совет по защите докторских диссертаций по политическим наукам при БГУ. Учет доминирующих тенденций в мировой политической науке обусловил целесообразность подготовки кадров политологов на юридическом факультете БГУ. В 1994 г. отделение политологии было переведено на юридический факультет, и его выпускники стали получать новую квалификацию «политолог-юрист».

Кафедра политологии является ведущим научным учреждением Республики Беларусь по подготовке аспирантов и докторантов по следующим специальностям: теория политики, история и методология политической науки, политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии, политические проблемы международных отношений и глобального развития.

В 1993 г. защищены докторские диссертации по социологическим наукам Н.Н. Бебякович и по философским наукам В.Ф. Шалькевичем. В 1995 г. защищена докторская диссертация по политическим наукам С.В. Решетниковым, в 2000 г. – Л.Е. Земляковым. Диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук защитили 25 аспирантов и соискателей кафедры. В учебной программе кафедры предусмотрено преподавание по пяти основным разделам политической науки: политической теории, сравнительной политике, управлению и администрации, методологии и методах политической науки, международным отношениям. В русле этих направлений для студентов отделения читается около 30 курсов и спецкурсов. Кафедра явилась основным разработчиком государственного образовательного стандарта по специальности «политология» и по предмету «политология» для высших учебных заведений Республики Беларусь.

Налажены прочные контакты и ведется обмен информацией с научными центрами США, Германии, Великобритании, Польши. Студенты и аспиранты имеют возможность проходить стажировку в Калифорнийском государственном университете (Фресно) и в Институте политических наук Варшавского университета.

Расширяет свои международные связи и факультет международных отношений. Его постоянными партнерами являются Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Московский государственный институт международных отношений, Свободный университет г. Берлина, Венская дипломатическая академия, Голландский центр международного права, Каирский государственный университет, другие иностранные научные и учебные заведения.

Факультет международных отношений создан 31 октября 1995 г. на базе отделений «международные отношения», «международное право» и «международные экономические отношения», входивших ранее в состав исторического, юридического и философско-экономического факультетов.

В настоящее время на факультете обучаются более 1200 студентов, в том числе свыше 100 иностранцев, по специальностям: международные отношения, международное право, мировая экономика и международные экономические отношения, менеджмент в сфере международного туризма, таможенное дело, линг. Учебно-научный процесс обеспечивают 13 кафедр, в штате которых более 170 преподавателей, в том числе 15 профессоров, более 70 доцентов и кандидатов наук.

Учебные программы предусматривают интенсивное изучение предметов, связанных со специальностью, а также иностранных языков, перечень которых планируется расширить до 20. Практические навыки студентов приобретаются в ходе производственной практики в министерствах иностранных дел и юстиции, различных ведомствах и структурах страны. Выпускники факультета пользуются авторитетом высококвалифицированных специалистов, умело применяющих полученные знания в своей практической работе.

На факультете проводится большая научная работа, подготовлены десятки монографий, статей и научных публикаций. С 1995 г. осуществляется реализация комплексной научной программы «Международные аспекты развития Республики Беларусь», в рамках которой издается многотомный сборник документов и материалов о внешней политике Беларуси в 1917-1998 гг.

С.В. Решетников, А.В. Шарапо

А.В. ШАРАПО

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ФРГ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Шарапо Александр Викторович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета международных отношений. Разработал базовый лекционный курс «История международных отношений». Автор более 70 научных работ. С 1995 г. руководит комплексной научной программой «Международные аспекты развития Республики Беларусь». Под его руководством защищено более десяти докторских и кандидатских диссертаций.

The article concedes the main aspects of the FRG current foreign policy and the factor having influence upon the foreign policy doctrine formation. The author focuses on the analysis of the FRG foreign policy priorities such as relation with the EU, partnership with US, reinforcing of the UN and strengthening of the OSCE. Special attention is given to the role of the german parties and their influence on the foreign policy. The author comes to the conclusion that the FRG is one of the most powerful and influential state of the modern world.

Основным и решающим фактором, определяющим концепцию внешне-политической деятельности ФРГ, влияющим на принятие конкретных решений по вопросам внешней политики, является высокое экономическое, политическое и духовное состояние этой страны. В своем правительственном заявлении в германском бундестаге 10 ноября 1998 г. федеральный канцлер Герхард Шредер отметил: «Наше национальное самосознание базируется не на традициях права "права крови", провозглашенного при кайзере Вильгельме II, а на уверенности нашей демократии в себе. Мы гордимся этой страной, ее ландшафтами и культурой, изобретательностью ее жителей и желанием работать. Мы гордимся старшим поколением, которое построило эту страну после войны и обеспечило ей место в мирной Европе... Речь идет о самосознании повзрослевшей нации, которая не должна ощущать превосходство или неполноценность по отношению к другим, которая не отказывается от своей истории и ответственности»¹.

Имея население в 82 млн человек и третью в мире по могуществу экономику, Германия стала самым крупным и мощным государством Западной Европы², что позволяет выстраивать самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, оказывать действенное влияние на мировые процессы и события не только на европейском континенте, но и в мире. Германия имеет 222 зарубежных представительства, в том числе 141 посольство, 62 генеральных консульства или консульства, 12 постоянных представительств при международных организациях, а также сеть иных зарубежных представительств и поддерживает дипломатические отношения с более чем 180 странами³.

Характеризуя концептуально нынешнюю внешнеполитическую деятельность этой страны, отметим, что кабинет Г. Шредера, став в значительной степени преемником послевоенных поколений немецких правителей, вынужден считаться с вызовами современного мира и учитывать особенности современной международной обстановки. Так, Конрад Аденауэр в основу своей внешней политики ставил стимулирование и встраивание Германии в сообщество европейских народов с целью возврата былого доверия к немцам, Вилли Брандт приспособил свою внешнюю политику к атмосфере периода разрядки, федеральный канцлер Гельмут Шмидт внес активный вклад в обоснование так называемого «двойного решения» НАТО, Гельмут Коль в горбачевскую эпоху пытался сформировать новый европейский порядок и углубить интеграцию в Европейский союз. Все предыдущие руководители страны были в определенной степени самостоятельны в принятии важных внешнеполитических решений. На долю же канцлера Г. Шредера выпала в

этом смысле «другая судьба»: у современной ФРГ, связанной многочисленными интеграционными узами и обязательствами, тесно вовлеченной в реализацию многосторонних и двусторонних международных проектов, простор для проведения автономной внешней политики невелик. В этой связи можно говорить об определенной утрате кабинетом Г. Шредера «суверенитета» в принятии решений по актуальным международным проблемам по сравнению со своими послевоенными предшественниками.

Такое положение объясняется рядом отличий и причин, среди которых наиболее важными являются: развитие процесса не только экономической, но и внешнеполитической глобализации, усиление роли международных организаций, увеличение зависимости от своих союзников по НАТО и Европейскому союзу в принятии внешнеполитических решений, изменение в векторном построении внешней политики, в частности, ее восточного направления и так далее, а также раскладом политических сил внутри самой Германии. Можно сказать без преувеличения, что в нынешней и перспективной внешней политике Германии определенную роль будут играть позиции ее партнеров по Европейскому союзу, особенно по проблемам формирования общего внешнеполитического курса, касающегося вопросов обеспечения европейской безопасности и внешнеэкономической деятельности. В этом плане можно говорить о «европеизации» внешней политики ФРГ. В то же время, учитывая экономическую мощь этой страны и ее особые отношения с такими государствами, как США, Великобритания, Франция, странами Восточной Европы, отметим определенную «германизацию» европейской политики, значительное усиление германского фактора на формирование внешнего курса европейских стран.

Кроме того, характеризуя особенности нынешнего внешнеполитического курса ФРГ, необходимо сказать и о личностных факторах. В отличие от своих предшественников новый федеральный канцлер Г. Шредер оказался «новичком» во внешней политике. Например, при смене власти осенью 1982 г. на арену вступил уже весьма искушенный в вопросах европейской и мировой политики лидер оппозиции Г. Коль, не говоря уже о его именитых в области международных дел предшественниках К. Аденауэре и Г. Шмидте. Новый канцлер предстал в глазах общественности как лидер социал-демократов, склонный к изменениям, не несущим больших преобразований. Как отмечает газета «Файнэншл тайм» (1.06.99 г.), «его облик символизирует в какой-то мере приход к власти в Германии новых политиков, родившихся после второй мировой войны либо заставших ее в младенческом возрасте и не обремененных воспоминаниями о периоде нацизма, что накладывает отпечаток на всю ее современную политику, начиная с самого высокого уровня». Таким лидером и является 57-летний Г. Шредер, не имеющий никаких воспоминаний о войне и олицетворяющий новое поколение, не связанное угрызениями совести с прошлым, характеризующееся большими амбициями и отличающееся неопытностью.

Еще меньшим опытом международной деятельности обладал представитель партии «зеленых» нынешний министр иностранных дел ФРГ Й. Фишер. Ему стоило больших трудов пересмотреть свои собственные взгляды и перейти от чистого пацифизма к более сбалансированной позиции. Как он сам выразился по этому поводу, «к отрицанию войн у него добавилось отрицание поражений». Напомним в этой связи, что именно на начало «правления» Й. Фишера в иностранном ведомстве пришлось события в Косово. Для Германии принятие решения предоставить свои войска для поддержания операций НАТО на Балканах имело особое значение, так как впервые после 1945 г. она задействовала свой воинский контингент за рубежом. На первый этап руководства Г. Шредера и Й. Фишера пришлось и сменное председательство ФРГ в Европейском союзе, начавшееся в первой половине 1999 г. Тогда Бонн поставил перед собой амбициозную задачу – разрешить в корот-

кие сроки нависшие над Европейским союзом проблемы в области финансов, сельскохозяйственной и региональной политики как непереносимое условие вступления в ЕС новых членов из Восточной и Центральной Европы. На этот же период приходится и представительство Германии в группе восьми наиболее развитых стран, что внесло дополнительные трудности в начальную работу кабинета Г. Шредера в области международных отношений.

Отметим, что как Г. Шредер, так и Й. Фишер довольно быстро освоились с новой для них обстановкой и к настоящему времени, согласно опросам общественного мнения, возглавляют число наиболее влиятельных лиц ФРГ. В качестве основополагающего пункта своей не только внутренней, но особенно внешней политики они взяли тезис о том, что немцам еще предстоит найти себя как нации, особенно после объединения Германии, дать самим себе определение, кем они были в прошлом, что представляют сейчас и какими они хотели бы видеть себя в будущем. По словам Г. Шредера, «немцы по прошествии более полувека со времени второй мировой войны хотят выглядеть как новая нация, равная с другими, не несущая на себе никакой вины за прошлое». Основываясь на этих концептуальных аспектах, кабинет канцлера Г. Шредера начал и продолжает выстраивать свою внешнюю политику. Разъясняя ее цели и задачи, министр иностранных дел ФРГ в своем выступлении на конференции германских послов (4–6 сентября 2000 г., Берлин) подчеркнул, что «произошедшие глубокие изменения в самой Германии, в Европе и в мире в целом вызывают необходимость стратегически переосмыслить внешнеполитические интересы ФРГ»⁴.

Основными направлениями германской внешней политики Й. Фишер называл завершение европейской интеграции, укрепление трансатлантического партнерства, содействие развитию регионального сотрудничества за пределами Европы, усиление роли ОБСЕ и ООН. В рамках решения этих стратегических задач он выделил шесть «важнейших проектов» внешнеполитической деятельности ФРГ (даются в порядке, названном Й. Фишером):

- расширение и углубление европейской интеграции на уровне Европейского союза (в 2000 г. разработан план важнейших этапов развития ЕС и определены задачи ФРГ в свете его расширения на Восток);

- стабилизация обстановки в Юго-Восточной Европе и подключение ее к европейской интеграции;

- расширение сотрудничества и взаимодействия за пределами Европы (ФРГ исходит из того, что за счет расширения Европейского союза он приобретает новых соседей – Россию, каспийский регион, Ближний и Средний Восток);

- укрепление ООН (концепция министерства иностранных дел ФРГ исходит из того, что мир в XXI в. будет многополярным и его проблемы смогут решаться на основе совместных действий на глобальном уровне; без сильной дееспособной Организации Объединенных Наций невозможно решение крупных проблем человечества, задач по обеспечению всеобщего мира и осуществлению прав человека);

- обеспечение тесного партнерства с Соединенными Штатами Америки и другими странами, играющими важную роль на международной арене («ФРГ исходит из того, что тесные дружественные отношения с США, совместная прочная интеграция в трансатлантические структуры, в НАТО будут играть в XXI в. решающую роль»);

- модернизация дипломатической службы путем осуществления всеобъемлющей реформы (расстановка в деятельности дипломатов новых приоритетов, отказ от прежних малоэффективных форм и методов работы и т. д.).

В целом, по словам Й. Фишера, «менталитет стереотипной нацеленности на решение проблем только сегодняшнего дня должен смениться концептуально-стратегическим мышлением. Следует отметить, что первые шаги по реформированию всей системы внешнеполитической деятельности уже

сделаны, в частности, проведено новое разделение полномочий в МИДе ФРГ (статс-секретарь Г. Плойгер, по мнению газеты «Берлинер цайтунг», получил «необычайно сильные полномочия», подчинив себе три центральных отдела МИДа, курирующих европейскую политику, отношения с Россией и США, кадровые вопросы).

За этими, казалось бы, кадровыми частностями стоят большие планы ведомства иностранных дел ФРГ по дальнейшим разработкам и модернизации концептуальных положений своей внешней политики. В качестве примера можно привести активизацию аналитических исследований немецких ученых-международников в области германо-американских отношений. Как отмечает газета «Файнэншл таймс», в настоящее время перед ФРГ, как и перед другими европейскими государствами, стоит дилемма – в построении какого мирового порядка Германия будет участвовать в XXI веке: один путь – одобрение концептуальных проектов США, в основе которых лежит разделение мира на «цивилизованное» евро-атлантическое ядро (так называемый «золотой миллиард») и на аморфную группу других, развивающихся и бедных стран, которым будут диктовать правила игры на международной арене; другой путь – равноправное сотрудничество, исключаящее гегемонию одной или ряда стран).

В значительной степени ответ на этот вопрос кроется в тех или иных перспективах **германо-американских** отношений, которые будут выработаны и взяты за основу Министерством иностранных дел ФРГ в ближайшем будущем. Что касается самих германо-американских отношений на современном этапе, следует отметить, что говорить о каком-либо их охлаждении или ухудшении оснований нет: США были и остаются ближайшим союзником ФРГ на мировой арене. Приоритетность американского вектора во внешней политике ФРГ была еще раз подтверждена в коалиционном соглашении СДПГ и «Союза-90/зеленые» от 20 октября 1998 г., в правительственном заявлении Г. Шредера от 10 ноября 1998 г., а также в его и Й. Фишера многочисленных заявлениях в ходе визитов и встреч с американскими государственными деятелями.

Вместе с тем аналитики американо-германских отношений отмечают появление, а по определенным проблемам и обострение трений и противоречий во взглядах на ряд актуальных международных проблем и на пути их разрешения. Например, в конце 1998 – начале 1999 г. выявились расхождения в рамках НАТО между США и ФРГ сначала по вопросу альянса о ядерной доктрине, а затем о целесообразности наземной операции против Югославии. Дальнейший же ход принятия новой стратегической доктрины НАТО и участие ФРГ в военной операции на Балканах продемонстрировали принципиальную поддержку политики США. На изменение отношений между Германией и США, снижение динамики германо-американского сотрудничества оказали влияние два основных фактора.

Во-первых, отсутствие стабильной базы поддержки тесных отношений с США внутри самой ФРГ. Как показывают опросы общественного мнения о желательности дальнейшего сближения Соединенных Штатов Америки и Европы, в частности ФРГ, положительно высказываются лишь 38 % немцев (ниже среднего уровня опросов по другим европейским странам). Некоторые антиамериканские настроения выявили и предвыборные программы в ходе региональных парламентских выборов 1999 г. и выборов в европейский парламент, итоги которых показали значительное влияние христианских демократов (Гессен, Тюрингия, Берлин, Саарланд). Это вынудило правящую коалицию пойти на некоторые изменения и отказаться от подчиненно-восторженной поддержки политики США⁵.

Во-вторых, воздействие на американо-германские отношения оказал качественный скачок в продвижении европейской экономической (введение с 1 января 1999 г. евро) и политической (Амстердамский договор 1 мая

1999 г.) интеграций, укрепивший позиции ФРГ на европейском континенте и давший дополнительный стимул к усилению в Европе тенденции к большей независимости от США. Особенно ярко элементы такой независимости проявляются в планах Евросоюза по созданию своего объединенного военного контингента, усилению европейской политики в области безопасности и «невоенному управлению ЕС кризисными ситуациями». ФРГ выступает, как известно, генератором подобного рода идей, реализация которых позволит странам союза, начиная с 2003 г. развернуть в зоне локального конфликта корпус быстрого реагирования численностью 50–60 тыс. человек на срок до одного года. Главный смысл создания в рамках ЕС такого военного потенциала заключается в ограничении зависимости европейцев от США и НАТО, где американцы играют ключевую роль.

Об усилении прагматизма во внешней политике ФРГ можно говорить и анализируя ее нынешние связи **со своими европейскими союзниками** по ЕС и НАТО. Особенно показательны в этом плане отношения Германии и Франции. Отметим, что ФРГ 1960–1970-х гг. не претендовала на роль европейского лидера в инициировании проектов международной политики, оставаясь как бы в тени. Например, канцлер Г. Шмидт подчеркивал, что «Германии необходимо остерегаться слишком уж откровенного выхода на передний план, особенно что касается европейской политики»⁶.

Положение в корне изменилось в 1990-х гг., особенно после победы Г. Шредера, которого уже не устраивала роль «второго» лица во франко-германских отношениях. Первые признаки их определенных охлаждений появились в период 1995–1998 гг. Он характеризовался переходом от доверительных контактов Г. Коля и Ф. Миттерана к более деловым связям между Г. Колем и Ж. Шираком, а затем к чисто прагматическим отношениям Г. Шредера и Ж. Ширака. Особые разногласия у нынешних руководителей обеих стран вызывает проблема расширения Европейского союза, различный подход к решению которой был продемонстрирован обеими сторонами в дискуссиях по «Повестке дня 2000»: если ФРГ приветствовала и настаивала на ускорении процесса включения восточноевропейских стран в ЕС как одном из путей стабилизации обстановки и расширения рынков, то Франция, в целом поддерживая этот процесс, призывала проявлять сдержанность и осторожность. Например, в своей статье в газете «Файнэншл таймс» министр иностранных дел Франции Юбер Ведин отмечал, что «Европейский союз – это своего рода клуб, в который все хотят вступить..., но этот процесс означает нечто большее, чем просто численное изменение его состава. Это реальный вызов. На карту поставлена сама судьба союза»⁷. Такую же мысль высказал и президент Ж. Ширак, выступая перед депутатами бундестага ФРГ: «На карту поставлено само существование союза в полном смысле этого слова, непосредственно затрагивая наши страны и народы, их историю и национальную самобытность. Речь идет о самой организации наших обществ. Эти проблемы надо решать, но с особой тщательностью»⁸.

Рассматривая расширение Европейского союза в плане германо-французских отношений, необходимо отметить, что обеспокоенность Франции вызывает не только и не столько перспектива увеличения своей доли ассигнований на этот процесс, сколько возможности смещения геополитического центра тяжести ЕС на северо-восток и на восток, т. е. при удалении его от Франции и сохранении при этом центрального положения ФРГ. А такая тенденция намечается, о чем свидетельствует появление теории «нового центризма», суть которой изложили Т. Блэр и Г. Шредер в совместной концепции под названием «Путь вперед для социал-демократов Европы» (заметим, что в настоящее время 11 из 15 членов ЕС управляются социал-демократическими правительствами). Помимо того, что концепция Блэра – Шредера продемонстрировала значительное усиление взаимопонимания между обеими странами по вопросам европейской и мировой политики, она пока-

зала их определенное дистанцирование от интересов Франции, которая категорически отклонила эту концепцию. Как заявил французский премьер-министр Жоспен, «французские левые не должны позволять германским и британским социал-демократам поучать себя, им следует идти собственным путем»⁹. Настороженное отношение Франции к активизации германо-британских контактов имеет двоякое объяснение: с одной стороны, Парижу не нравится, что Великобритания, до сих пор не вступившая в валютный союз ЕС, претендует на равное с Францией и ФРГ политическое влияние на европейском континенте, с другой – Франция опасается, что нынешние тесные связи Германии и Великобритании могут привести к созданию какого-либо вида новых коалиций без ее активного участия.

Данное положение свидетельствует о все более расчетливой и подчиненной в первую очередь интересам самой Германии внешней политике ФРГ на западноевропейском направлении. Вместе с тем нельзя говорить о том, что в своей восточной политике ФРГ полностью игнорирует мнение Франции. Встречи в рамках «Веймарского треугольника» (ФРГ, Франция, Польша) показывают, что как Бонн, так и Париж заинтересованы в приобщении **восточноевропейских стран** к европейским ценностям во всех смыслах этого слова, правда, понимая очередность, пути и сроки такого приобщения по-своему. В отличие от Франции, рассматривающей восточноевропейские страны с точки зрения внешнеполитических интересов как единый блок, ФРГ в своей восточной политике отдает предпочтение и приоритеты прежде всего своим соседям, в частности Польше. Особо ярко это было продемонстрировано в ходе торжеств, посвященных тысячелетнему юбилею официальных германо-польских отношений (в мае 1000 г. в г. Гнезно, на западе Польши, произошла встреча немецкого кайзера Отто III и польского короля Болеслава I). Канцлер Г. Шредер, выступая на юбилейных торжествах, отметил, что «после омраченного трагическими периодами длительного прошлого в настоящее время отношения между двумя странами весьма дружеские и не имеют проблем»¹⁰. В последние шесть лет правительство ФРГ выделило Польше на осуществление проектов модернизации в различных хозяйственных сферах 118 млн марок. Начиная с 1991 г. показатели экспорта и импорта в двустороннем товарообмене ежегодно возрастают. Около 180 германских фирм уже инвестировали в Польшу более 1 млн марок, действуют около 7 тыс. германо-польских предприятий. В целом Германия является одним из основных торговых партнеров Польши, а Польша – для ФРГ среди стран Восточной Европы. Ежегодный товарообмен между ними составляет более 40 млрд марок¹¹.

В определенной степени тенденция выстраивания более прагматических отношений характерна и для современного **восточного вектора** внешней политики ФРГ, особенно его российского направления. Как известно, в эпоху Г. Коля и Б. Ельцина они отличались подчеркнутой дружелюбностью и взаимопониманием, во многом объясняющимися хорошими личными отношениями между этими двумя лидерами. Концептуально эти внешнеполитические связи строились на позициях «русоцентризма», когда России отдавался несомненный приоритет и направлялась львиная доля экономической помощи и кредитов, а сама Россия рассматривалась как основной гарант стабильности и демократических реформ на всем постсоветском пространстве. Кроме того, учитывалось и наличие на территории СНГ, и особенно России, более чем двухмиллионного немецкого населения, которое в условиях углубления экономического кризиса и нарастания политической нестабильности стремилось переселиться на историческую родину (в 1993–1996 гг. из бывшего СССР в ФРГ эмигрировали 802 тыс. немцев)¹².

Все эти факторы, несомненно, продолжают учитываться и нынешним кабинетом Г. Шредера, однако говорить о восторженно-дружеских германо-российских отношениях уже не приходится: прагматизм – вот что лежит в

основе современных внешних связей между этими странами. Такая трансформация внешнеполитического курса Германии характерна не только по отношению к России, но и ко всем государствам СНГ, которые, в отличие от «эпохи Коля», сейчас уже рассматриваются не как части бывшего СССР, а как суверенные субъекты международных отношений. Причем по мере выхода этих стран из кризиса и интеграции в мировую экономику прогнозируется рост их экономического сотрудничества с ФРГ. Но маловероятно, что за расширением экономических связей последует увеличение политического влияния Германии в СНГ, так как правящие круги этой страны не желают оказаться вовлеченными в разрешение целого комплекса политических, экономических и межнациональных проблем постсоветского пространства¹³.

Выше мы говорили об основных внешних факторах, определяющих геополитический курс ФРГ на современном этапе. Существуют и внутренние аспекты. Один из них, оказывающий решающее влияние на выработку внешней политики ФРГ, – это позиция по этому вопросу ведущих, в том числе и оппозиционных политических партий Германии. В этой связи отметим, что социал-демократическому правительству Г. Шредера досталась в наследство самая опытная за послевоенные годы оппозиция ХДС/ХСС, имеющая за плечами 16-летний опыт правления страной. По словам К. Ламера, депутата бундестага и представителя фракции ХДС/ХСС по вопросам внешней политики в этом органе, «несмотря на то, что мы (ХДС/ХСС – А. Ш.) вот уже более двух лет находимся в положении оппозиции, кабинет Г. Шредера, хочет он того или нет, вынужден считаться с мнением партийных фракций, особенно что касается принятия решений по актуальным и важнейшим для судеб ФРГ и Европы внешнеполитическим проблемам»¹⁴. Показательна в этом смысле динамика развития отношения правительства ФРГ к планам США по развертыванию НПРО в зависимости от позиций партий этой страны. Вот, например, как проходили дискуссии по этому вопросу в бундестаге ФРГ. Как известно, первоначальная реакция правительства ФРГ на заявление Дж. Буша по НПРО была нейтральная. Например, министр иностранных дел ФРГ Й. Фишер («зеленые»), выступая в бундестаге на первых слушаниях по этой проблеме, назвал планы США по созданию национальной системы противоракетной обороны «делом самих американцев». Такую же выжидательную позицию на этом этапе заняли многие представители Свободно-демократической партии и ХДС/ХСС. Вместе с тем в бундестаге прозвучали и другие, более определенные мнения. Представитель комитета по обороне бундестага социал-демократ Х. Вичорек, а также эксперт по обороне парламентской фракции партий «Союз-90/«зеленые»» А. Беер считают, что подключение европейских государств к созданию системы НПРО не оправдано ни с политической, ни с экономической позиций. Появление таких, в определенной степени антиамериканских, настроений в партийных рядах ФРГ стало результатом общего негативного настроения большинства немцев по отношению к планам включения Европы и Германии в американскую систему противоракетной обороны. Как показывают социологические опросы, проведенные политологическими институтами «Инфотест» и «Димап», 59 % немцев высказались за то, чтобы Берлин отказался участвовать и поддерживать создание НПРО, 8 % граждан ФРГ заявили о нейтральной позиции и лишь 33 % опрошенных убеждены, что такие планы позволят обеспечить безопасность европейцев. Примечательно, что большинство сторонников НПРО в ФРГ являются активистами оппозиционных Христианско-демократического союза и Свободно-демократической партии (43 % из числа немцев, одобряющих план «звездных войн»)¹⁵.

За последнее время на фоне негативного отношения к планам США в ФРГ все более громко раздаются голоса в их поддержку, особенно со стороны оппозиционных партий. Например, премьер-министр федеральной земли Бавария, председатель Христианско-социального союза (ХСС) Э. Штойбер,

выступая на партийной конференции ХСС, заявил, что «правительству ФРГ следует пересмотреть свою нелояльную позицию по отношению к НПРО и серьезно заняться этим вопросом, так как существует угроза того, что немецкие города могут оказаться в пределах досягаемости баллистических ракет, находящихся в распоряжении диктаторских режимов Ближнего Востока»¹⁶. Подобную позицию занимает эксперт по вопросам обороны Христианско-демократического союза П. Бройер: «...европейцы должны, безусловно, поддержать американскую инициативу и надежно защитить себя от возможных ракетных ударов "государств-изгоев"»¹⁷. За участие в НПРО выступил и бывший министр обороны ФРГ христианский демократ Ф. Рюе, полагающий, что «участие европейцев в программе создания противоракетного щита дает европейцам возможность разработать новую концепцию в области безопасности, которая бы базировалась не только на стратегии устрашения и ядерного сдерживания, но и включала бы в себя элементы защиты государств от шантажа со стороны узкого круга стран при помощи оружия массового поражения»¹⁸. Все они, правда, оговаривали условия, при которых следовало бы поддерживать планы по созданию НПРО.

Таким образом, Федеративная Республика Германия вступила в новое столетие как активный и влиятельный участник политики мира, межгосударственных объединений и международных организаций, с мнением которого считаются все ведущие державы мира при выработке своего внешнеполитического курса, а также решений по конкретным и актуальным региональным и мировым проблемам. Вместе с тем ФРГ не обладает полной самостоятельностью во внешней политике и вынуждена подчинять свои узконациональные интересы потребностям коллективной, союзнической выгоды. Анализ внешнеполитической деятельности этой страны показывает, что на современном этапе Федеративная Республика Германия строит свою внешнюю политику прежде всего в целях реализации таких основополагающих концептуальных задач, как активизация и ускорение процесса европейской интеграции и расширение ЕС, повышение роли ФРГ в системе европейской безопасности, в частности, через структуры ОБСЕ, СЕ и особенно Североатлантического альянса, поддержание и усиление дружеских отношений с США, Японией, союзниками ФРГ по Европейскому союзу, другими ведущими мировыми державами, активизация деятельности по дальнейшему продвижению демократических реформ в Восточной Европе и странах СНГ. Все вышеперечисленные факторы свидетельствуют о вхождении ФРГ в число наиболее влиятельных государств в современном мире.

¹ См.: Internationale Politik. 1999. № 11.

² См.: Файнэншл таймс. 1999. 1 июня.

³ См.: Компас. 1999. № 41.

⁴ Там же.

⁵ См.: США – Канада: экономика, политика, культура. 2000. № 8.

⁶ См.: Internationale Politik. 1999. № 11.

⁷ ИТАР–ТАСС. Пульс планеты. Европа. 2000. 15 сент.

⁸ Там же.

⁹ Internationale Politik. Указ. пр.

¹⁰ ИТАР–ТАСС. Пульс планеты. Европа. 2000. 3 мая.

¹¹ ИТАР–ТАСС. Пульс планеты. Европа. 2000. 15 сент.

¹² См.: ЦМИ МГИМО. 1999. № 14.

¹³ Алгунян Д. Политика Германии в отношении стран СНГ // ЦМИ МГИМО. 1999. № 14.

¹⁴ Независимая газета. 2001. 26 апр.

¹⁵ ИТАР–ТАСС. Пульс планеты. Европа. 2001. 12 марта.

¹⁶ ИТАР–ТАСС. Пульс планеты. Европа. 2001. 1 марта.

¹⁷ ИТАР–ТАСС. Пульс планеты. Европа. 2001. 26 февр.

¹⁸ Там же.

С.В. РЕШЕТНИКОВ, Н.А. АНТАНОВИЧ

**ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ АНАЛИЗА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ И УПРАВЛЕНИЯ**

Решетников Сергей Васильевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии, директор Института государственного управления при Президенте Республики Беларусь. Автор более 80 научных трудов, среди них шесть монографий, более десяти работ опубликовано за рубежом. Область научных интересов – современный политический процесс, теория государственной политики и управления, принятие и оценка политических решений.



Антанович Нина Арсеньевна – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии. Автор 23 научных работ, соавтор двух монографий, четырех учебных пособий. Сфера научных интересов – методология и методы политического анализа, теория политических систем.

The transition to democracy requires a new understanding of the role of Public Administration in society. A proper structure of the Public

Administration is both a cause and a result of economic and social development. The article discusses the main theoretical models of the Public Administration: Public Administration as output, and Public Policy-making. The main models of Public Policy-making are elite theory, group theory, system model, institutionalism and neoinstitutionalism. The authors emphasize the idea of developing the Public Administration and Public Policy theory in Belarus.

Сфера исследования государственной политики, равно как и теория административно-государственного управления, прошла сложную эволюцию. В США начало теоретической разработке вопросов государственного управления положил В. Вильсон, разработав модель административной эффективности. В. Вильсон предложил использовать в государственном управлении методы организации и менеджмента в бизнесе, рациональные и действенные. Немецкий социолог М. Вебер был первым ученым, который провел систематизированный анализ бюрократии (т. е. государственной администрации как части исполнительной власти). В 20–50-е гг. XX в. наиболее известными направлениями в изучении государственного управления были «классическая школа» (А. Файоль, Л. Уайт, Л. Урвик) и «школа человеческих отношений» (М. Фоллет, А. Маслоу, У. Мэрфи). Наиболее влиятельными направлениями современного этапа в изучении государственной политики и управления являются поведенческое, системное и ситуационное.

В бывшем СССР исследование государственной политики и управления как отрасли научного знания относилось преимущественно к области юриспруденции (главным образом – к административному праву), а в западной науке – к сфере междисциплинарных исследований, включающих политическую, экономическую, юридическую науки, научный менеджмент и т. д. Процессы политико-экономической трансформации выдвинули на повестку дня белорусской науки проблему развития подобного рода междисциплинарных исследований.

В отечественной литературе утвердились термины «государственная политика», «государственное управление», а в западной – «публичная политика» (Public Policy), «публичное администрирование» (Public Administration). В основе этих разночтений лежит не лингвистическое, а теоретико-методологическое различие. В западной социальной науке публичная сфера понимается как область политико-государственных отношений, причем термин «публичная политика» предполагает сочетание демократического правления и сильного, эффективного государства. Эффективность достигается посредством технологий научного менеджмента, примененного в масштабах

всего общества. Н. Хенри, известный американский специалист в области государственного управления и публичной политики, писал, что «... публичная политика – это решения и программы, которые воплощаются в жизнь профессиональными управленцами. Государственная политика всегда связана с процессом исполнения принятых политических решений или с их имплементацией»¹.

Следует отметить, что сегодня в русскоязычной литературе термин «публичная политика» все чаще употребляется наряду с понятиями «государственная» или «общественная политика». Государственная (публичная) политика – это целенаправленный курс правительства на разрешение различных социальных проблем. Теория публичной политики (ТПП) тесно связана с наукой об административно-государственном управлении. «Административно-государственное управление – это осуществление государственной политики через систему административных учреждений, при котором ответственность за выполнение государственных решений спускается сверху вниз». Государственное администрирование – это «деятельность профессиональных государственных служащих по осуществлению публичной политики»².

Функционирование любой политической системы представляет процесс трансформации интересов и потребностей общественных групп в различные направления государственной политики. Политика начинается с возникновения политических проблем, связанных с жизнью людей, когда их интересы, потребности, убеждения вступают в различные конфликты. Однако правительство не реагирует на них до выхода проблемы на правительственный уровень (повестку дня политики). Повестка дня политики состоит из тех проблем, которые попадают в поле зрения политических лидеров и правительственных должностных лиц. Но при этом важно, что "связующие институты" борются за выдвижение своих вопросов на повестку дня политики, что отчетливо прослеживается в деятельности партий и групп. Различные проблемы получают общественное звучание через широкие общественные форумы, СМИ, избирательные кампании.

Правительство реагирует на политическую повестку, вырабатывая стратегическую линию государства. Все действия власти затрагивают интересы каждого человека. Государственная политика воздействует на потребности, убеждения граждан, что создает новые проблемы, требующие принятия решений на самых высоких уровнях. Имплементацией (реализацией) общественной политики занимается служба административно-государственного управления.

Исследование государственной политики идет по двум направлениям: во-первых, анализ целей и оценок различных ее типов, таких как экономическая, социальная политика и др.; во-вторых, рассмотрение текущей политики как ряда процедур, ведущих к принятию властных решений и их реализации. Американский политолог О. Ренней, один из разработчиков ТПП, писал, что ее выделение в качестве самостоятельной научной отрасли было попыткой «приложить» политическую науку к социальной реальности.

Формальное признание ТПП произошло в 1965 г. в США, когда был создан Комитет по управлению и законодательству при Совете социальных наук, а в 1972 г. была создана Организация анализа публичной политики. Политологи получили «карт-бланш» на изучение, оценку, разработку рекомендаций по содержанию различных направлений государственной политики, что находит отражение в докладах на ежегодных совещаниях вышеназванного комитета. Начиная с 1990 г. изучение государственного управления стало частью учебных программ в ведущих университетах США и Западной Европы.

Теория государственной политики подразделяется на две интеллектуальные сферы: во-первых, как *самостоятельная отрасль* политической

науки, ориентированная на изучение ее содержания и конкретных направлений развития государства; во-вторых, *теоретическая отрасль*, исследующая такие вопросы, как стратегическое планирование государственного управления, социальный выбор, имплементация, организация и оценка эффективности и продуктивности общественных программ. Таким образом, при анализе государственной политики и управления принципиально важно показать, как вырабатываются и воплощаются в жизнь конкретные направления деятельности органов власти и управления, решение каких проблем остается за государством, а каких – за частным сектором. Предмет теории государственной политики как отрасли науки пересекается и с политологией, и с теорией государственного управления, и, по мнению Н. Хенри, включает два направления: процессуальное и результативное. Первое сосредоточено на изучении процесса выработки различных направлений государственной политики (public policy-making) и ее имплементации. Второе связано с анализом ее результатов и последствий, а также с выработкой рекомендаций по улучшению конкретных видов государственной политики³.

Можно выделить следующие основные **модели** в теории государственной политики: **элитизм, теория групп, системная модель, институционализм, неоинституционализм**.

В модели «элита – масса» государственные служащие и управленцы рассматриваются не столько как «слуги народа», сколько как «истеблишмент». Административная элита функционирует в окружении, которое апатично, слабо информировано. Политические решения «спускаются» от элиты к массам. Общество разделено на тех, у кого власть, и тех, у кого ее нет. Доминирующие политики отражают ценности элиты и могут быть выражены формулой «сохранить статус-кво». Элита имеет наивысшие доходы, лучшее образование, высокий социальный статус. Теория элит классически изложена в работе Райта Миллса «Властвующая элита».

Модель теории групп рассматривает политическое сообщество как систему политических сил и групп давления, влияющих на выработку государственной политики, и ее основы заложены в работах Артура Бентли⁴. Однако модель государственной политики с точки зрения теории групп в большей степени отражает деятельность законодательной ветви власти, чем всего административного аппарата. Ряд последних работ по теории групп содержит примеры деятельности министерств и ведомств, которые «захватываются» группой интереса, и трудно провести грань между тем, работает ли ведомство в интересах всех граждан либо только тех, кто принадлежит к заинтересованной группе. Современное правительственное учреждение – многоуровневая организация, аккумулирующая огромные знания и опыт в своей специфической сфере. Ведомства выдвигают свои интересы и приоритеты, обладают широкой сетью связей, традиций, соглашений, персональных контактов как с другими ведомствами, так и с группами интереса. Бюрократия стремится играть самостоятельную политическую роль. Контроль над реализацией принятых решений – источник бюрократической власти. Например, распад СССР принял обвальный характер именно тогда, когда номенклатура пошла на изменение управленческой системы.

Системная модель изучения государственной политики позволяет ответить на следующие вопросы: каковы основные переменные и образцы при выработке направления деятельности государства, какие элементы образуют «черный ящик» в процессе принятия решений, что на входе и выходе системы. Классическую системную модель создал Д. Истон. Данная модель послужила основой для разработки стратегического планирования деятельности государственных учреждений и структур частного бизнеса⁵.

Институционалистская модель, сфокусированная на организационной структуре управления, описывает официальные полномочия и должностные

обязанности различных управленческих ячеек, абстрагируясь от связей между ними. Примером использования данной модели является работа Карла Фридриха «Конституционное правление и демократия»⁶. После бихевиоральной революции институциональная модель была вытеснена исследованиями с использованием теории групп, систем и элит, а затем неoinституционалистской моделью.

Новейшая западная литература по административному и государственному управлению основана на **неоинституционалистской модели**. Наиболее известный представитель – Теодор Лови⁷. Неоинституционализм основан на попытке сгруппировать различные направления государственной политики в зависимости от подсистем принятия решений (policy-making) и возник в экономической науке в противовес неоклассическому и кейнсианскому направлениям. Представители неоинституционализма сосредоточились на поиске взаимосвязей между политикой и экономикой, делая акцент на социальных факторах и институтах, регулирующих рыночные отношения. Они критикуют классическую концепцию рынка как нейтрального механизма установления равновесия и распределения ресурсов. Рынок как социальный институт претерпел серьезные изменения в связи с эволюцией капитализма и его институциональной системы. Неоинституционалисты подняли вопросы о значении факторов нерыночного характера для развития государства и о механизмах социального контроля.

Т. Лови классифицировал государственную политику по четырем сферам реализации власти: дистрибутивная (распределительная), перераспределительная, регулятивная, конституирующая. Их сводная характеристика дана в таблице.

Неоинституционалистская модель

Вероятность использования принуждения	Цепи государственного принуждения	
Маловероятная	Проводится индивидуально (воздействие на индивида) <u>Дистрибутивная политика</u> Поиск сторонников на предстоящих выборах, ведущая роль законодательных органов Пример: субсидии для сельского хозяйства Характеристики политического поведения: децентрализованное, локальное	Проводится системно (воздействие на систему) <u>Конституирующая политика</u> Поиск сторонников на предстоящих выборах, ведущая роль законодательных органов Характеристики политического поведения: централизованное, системное, идеологизированное
Высокая вероятность	<u>Регулятивная политика</u> Затрагивает интересы отдельных групп, ведущая роль бюрократии Пример: запрет рекламы «пирамид» Характеристики политического поведения: децентрализованное, неагрегированное, локальное	<u>Редистрибутивная политика</u> Затрагивает интересы отдельных групп, ведущая роль бюрократии Пример: прогрессивный налог Характеристики политического поведения: централизованное, системное, идеологизированное

Дистрибутивная политика отражает выгоды, получаемые гражданами от деятельности государственных институтов. Однако часто достаточно сложно определить видимые преимущества, связанные с определенным направлением политики, например, выгоды от деятельности служб гидрометеослужбы. Перераспределительная политика сопряжена с высокими издержками на проведение различных социальных программ, идеологизирована и эмоционально «заряжена» борьбой за ресурсы между заинтересованными группами. Как правило, эта борьба сконцентрирована в бюрократическом

аппарате, зависит от того, кто распоряжается и принимает решения по поводу государственной собственности. Регулятивная политика отличается от дистрибутивной тесной связью с затратами, расходами конкретных социальных групп. Ряд органов государственного управления уполномочены наказывать нарушителей закона, применяя санкции. Конституирующая политика направлена на реформирование структурных компонентов политической системы и является отражением процесса институционализации ее новых норм и правил. Примеры конституирующей политики – деятельность законодательных органов по внесению поправок и изменений в конституцию, по изданию подзаконных актов. Неоинституционалистская модель рассматривает такие проблемы, как вероятность применения принуждения и его цели. Принуждение может осуществляться либо индивидуально, либо с целью оказания давления на всю систему. При доминировании регулятивной политики вероятность использования принуждения довольно высока, так как нарушение законов влечет за собой наказание. Санкции в данном случае применяются индивидуально. Перераспределительная политика и политика, направленная на изменение политической системы имеют целью оказать давление на всю систему.

Т. Лоуи также утверждает, что доминирование того или иного вида публичной политики, определяющего цели и вероятность использования принуждения, приводит к определенному типу политического поведения. Например, дистрибутивная политика скорее всего будет сочетать тенденции децентрализации с высоким уровнем политического участия, тогда как перераспределительная политика приводит к низкому уровню участия и высокой централизации власти. Таким образом, неоинституционалисты исследуют процессы реализации государственной политики различными ветвями власти и их влияние на политическое сообщество в целом. Тип политического поведения граждан определяется доминированием того или иного вида публичной политики.

Сущность предметного поля государственной политики и управления определяется зависимостью деятельности государственных институтов от процессов, происходящих в гражданском обществе. Теория государственной политики и управления является междисциплинарной отраслью исследований, разработка которой требует совместных усилий экономистов, политологов, социологов, юристов, математиков и специалистов других наук. Следует также добавить, что рамки данной статьи не позволили описать такие модели государственной политики и управления, как инкрементализм, рационализм и стратегическое планирование. Отдельного внимания заслуживают также проблемы политико-административного маркетинга как перспективной модели современного государственного управления.

¹ Henry N. Administration and Public Affairs. New Jersey, 1999. С. 346.

² Василенко И. А. Административно-государственное управление в странах Запада: США, Великобритания, Франция, Германия. М., 1998. С. 29.

³ Henry N. Указ. пр. С. 347.

⁴ Bentley A. F. The Process of Government. Bloomington, 1949.

⁵ Easton D. The Political System. New York, 1953; Easton D. System Analysis of Political Life. New York, 1965.

⁶ Friedrich C. J. Constitutional government and democracy. Boston, 1941.

⁷ Lowe T. The politics of Public Policy // Public Policies and their Politics / Ed. by R. Ripley. Homewood, 1980.

Г. А. КРУГЛОВА

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ



Круглова Галина Анатольевна – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии. Автор более 40 научных работ, среди которых две монографии, учебное пособие «Политология». Область научных интересов – исследование глобальных проблем современности, их социально-политических аспектов.

The article discusses the dual sociological and natural global problems the world is facing today as well as political and social aspects of these problems. The author discusses the major modern ideological and political conceptions of modern global problems: the conception of "equal responsibility", the conception of "ecological neo-colonialism" etc. The salient feature of internal and foreign policy in the process are also under consideration. The possibilities of politics in solving global issues are shown.

Вторая половина XX в. отмечена целым рядом социальных, природных, политических преобразований. Поистине это эпоха перемен. Однако на фоне конкретных изменений перед человечеством встает угроза глобального кризиса. Общечеловеческие проблемы, с которыми наша цивилизация столкнулась в середине XX в., затрагивают самые глубинные основы ее существования, интересы всех стран и народов. Возникнув на базе глобальных противоречий в системе «человек – общество – природа», эти проблемы обусловлены объективными закономерностями развития цивилизации и представляют по своей сущности сложную взаимосвязанную систему. Современные глобальные проблемы предполагают комплексный подход к своему решению, требуют совместных согласованных действий различных государств, политических партий и общественных движений, от которых будет зависеть будущее нашей планеты. Находясь в органической связи и тесно переплетаясь с социальными, экономическими, политическими противоречиями современного мира, общечеловеческие проблемы неизбежно вызывают столкновение интересов различных классов, социальных групп, политических партий, общественных движений и все очевидней приобретают ярко выраженную политическую окраску. В определенной степени можно говорить о столкновении в глобалистике политических курсов и целей различных государств, партий, классов, движений.

Использование глобальных проблем идеологами различных политических сил в своей общественной деятельности знаменует попытку придать своим идейно-политическим установкам наибольшую значимость с целью привлечения большего числа сторонников. Государственные деятели, обладая богатейшим опытом манипулирования общественным сознанием, используют обострение общепланетарных проблем и занимают активные позиции в глобальном моделировании развития всей нашей цивилизации. Однако отметим, что множество политических партий, общественных организаций и движений, заинтересованных в решении этих проблем, разрабатывают политические доктрины, выдвигают собственные программные решения глобальных проблем. Вместе с тем в их обсуждение включаются не только профессиональные политики, но и церковные деятели, представители различных неправительственных организаций. Церковь, общественность наравне с представителями политических партий пытаются показать свою заинтересованность в решении глобальных проблем и тем самым поднять свой авторитет, при этом многие из них нередко стремятся свести политические противоречия к глобалистской проблематике. Взаимосвязь глобальных проблем современности и политики прослеживается не только во внутривнутриполитической области, но и существенно затрагивает внешнеполитическую деятельность.

Отмечая двойственную социоприродную сущность современных глобальных проблем, отметим, что научное знание позволяет сегодня предло-

жить техническую сторону решения любой самой сложной проблемы. Практическая же реализация данного проекта зависит от реального политического курса, от социально-политических условий, от основополагающих целей данного государства или политической партии. Осознание первенства социально-политических факторов при решении глобальных проблем способствовало становлению глобалистики не только как специальной отрасли научного знания, но и как важного направления государственной политики во многих странах.

Акцентируя внимание на политической борьбе в сфере решения общечеловеческих проблем современности, подчеркнем, что она затрагивает экономическое развитие, прогнозирование, управление государством, правовое обеспечение и целый ряд других направлений политической деятельности. «Глобализация» политики формирует новые исторические реальности, затрагивающие судьбу человечества в целом. Но политика всегда решает конкретные задачи и определяется спецификой внутренних и внешних условий существования государства, уровнем развития и формой политической системы данного общества, а также реальными возможностями для ее проведения и практического осуществления. Именно поэтому она представляет собой определенное соглашение, достигнутое противоборствующими сторонами. Но, даже достигнув соглашения по основным целям и задачам данной политики, различные политические силы далеко не всегда стремятся к их воплощению на практике. Не случайно уже в 1990-е гг. был выдвинут лозунг «Думай глобально, действуй локально!»¹. Поэтому главное значение в оценке сущности политики, проводимой в сфере решения глобальных проблем, имеют не провозглашенные лозунги, а ее практические результаты, в чем и проявляются основные противоречия и сложности.

Важность решения общепланетарных проблем была признана государственным департаментом США еще в 1970-е гг. В одном из его отчетов было подчеркнуто, что «такие проблемы выходят далеко за пределы возможностей решения их только на национальной основе»². И не случайно многие видные политические деятели возлагали большие надежды в плане решения глобальных проблем на «технологическую дипломатию». Но, как и большинство прогрессивных начинаний, по сути своей деятельности «технологическая дипломатия» не смогла освободиться из-под влияния политики США и других развитых капиталистических государств и поставила на повестку дня те задачи, которые волнуют эти страны. Об этом свидетельствуют основные направления «технологической дипломатии»: концепции «технологической войны», «глобальной интеграции и конвергенции» и «международного функционализма».

Особую опасность на сегодняшний день представляет широко используемая западными политиками и идеологами концепция «ядерного мира». Ее сторонники стремятся приписать гонке вооружения роль стабилизирующего фактора в международных отношениях и доказать, что сохранение мира можно обеспечить лишь на основе «равновесия страха» между ними. Однако никакие самые заманчивые социально-политические концепции, оправдывающие наращивание вооружений, не могут быть приемлемы в современных условиях.

Довольно четко связь политики с глобальными проблемами просматривается и на примере решения экологических проблем при осуществлении экологической политики государства. Необходимо обратить внимание на разработку и выполнение природозащитных законов. Первые законодательные акты были приняты в развитых капиталистических странах к середине 1970-х гг., а в США – еще в 1970-е гг. В своем большинстве они имели довольно четкую формулировку и предусматривали строго ограниченные пределы возможного нарушения природного равновесия. Но принимаемые одна за другой поправки и дополнения открывали возможность для более гибкого

применения закона в своих интересах. Так, например, в Швеции 15 % всех первоначальных стандартов были пересмотрены в течение первых четырех лет. В большинстве стран происходило «размягчение» экологической политики. В США уже в 1980-е гг. для обеспечения дальнейшего ослабления экологического законодательства активно использовался метод «затраты-выгоды» для оценки необходимости выполнения законов³.

Все более широкое распространение получает невыполнение монополиями государственных программ и стандартов. Так, в США, по официальным данным, в 1998 г. около 5 тыс. крупных промышленных объектов нарушали действующие стандарты по борьбе с загрязнением атмосферы, так как суммы уплачиваемых штрафов мизерны. За загрязнением воздуха крупнейшие корпорации США штрафовались в среднем всего на 25 долл., а некоторые вообще не заплатили ни цента. В плане невыполнения или «уточнения» природоохранного законодательства наиболее очевидно проявились роль и значение в политике «групп давления» крупного капитала, которые влияли прежде всего на правящие партии путем оказания им финансовой помощи и обеспечивая поддержку избирателей. Кроме того, буржуазное государство стремится все расходы по осуществлению природоохранных мероприятий переложить на плечи рядовых налогоплательщиков.

Характерным в этом плане является введение так называемого «экологического налога», «экологических надбавок» на цены. В американской промышленности на цены перекладывается примерно 75 % издержек по борьбе с загрязнением. Даже западные исследователи признают, что в ряде отраслей монополии повышают цены еще в большей мере, чем это обусловлено ростом природных издержек, а «экология стала модным и удобным предлогом для инфляционного взвинчивания цен корпорациями». Индекс потребительских цен в конце 1970-х гг. с учетом экологических программ был значительно выше базисного, т. е. рассчитанного без учета этого влияния в США, на 1,6 %, в Японии – на 1,2 %. В середине 1980-х гг. эта цифра составила соответственно 4,2 и 3,8 %, а в конце 1990-х гг. она поднялась до 5,4 и 4,6 % соответственно. Правительства капиталистических стран и все монополии хотят заставить трудящихся платить за «чистую воду», «чистый воздух». Отсюда в идеологии широкое распространение получили идеи «равной ответственности» всех граждан. Монополии пытаются доказать, что их прибыли якобы очень малы, чтобы платить за охрану окружающей среды. В то же время любые, даже самые незначительные мероприятия по охране окружающей среды, широко рекламируются буржуазной пропагандой. Для того чтобы заставить платить трудящихся за охрану среды, в качестве основного аргумента приводится утверждение, что якобы рабочий, фабрикант и домработница наносят окружающей среде одинаковый ущерб. Поэтому и расходы должны делить поровну. Другой аргумент в пользу этого требования: загрязнение среды происходит по вине потребителей, которые хотят иметь больше дешевых товаров.

Претворение в жизнь экологической политики государства характеризуется еще одной особенностью: стремлением скрыть истинные масштабы природных бедствий в собственных странах. В одних случаях замалчиваются происшедшие инциденты, в других – скрываются их подлинные масштабы или размеры загрязнения, а иногда практически бывает невозможно найти виновника экологического бедствия. Уйти от ответственности государству помогают средства массовой информации: именно пропагандистский аппарат формирует у широких масс населения ту или иную оценку экологической деятельности правительства. Подобные факты имеют место во всех странах и регионах мира. Масштабы и возможные последствия чернобыльской трагедии еще не до конца выяснены и осознаны. Но и об авариях на атомных электростанциях в Швеции, во Франции, на американской АС «Гримал-айленд», в Англии мировая общественность узнала только после Чернобыля.

Глобальныя праблемы па сваёй сутнасці неізабёжна звязаны і з міжнароднай палітыкай. Сэр'ёзная озабоченнасць, прозвучавшая яшчэ на Хельсінгскім саветанні па паводу абострэння агульпланетарных праблем, прывела к шырокаму разгортванню ўсестаронняга супрацоўніцтва, о чым сведчыць цэлы рад канферэнцый, сімпозіумов. Аднако, актывна ўдзельнічаючы ў падобнага рода мерапрыяттях, не ўсёгда дасударства слёдуць на практыке прынятым рашэнням. Можна сказаць, что провалом закончылісь последние канферэнцыі па змяненню кліматa, проходившие в Бонне (1999) и в Гааге (2000). Несмотря на внушительное представительство (180 государств), делегация США не пошла ни на какие компромиссы и заблокировала итоговые документы. Общеизвестна и подобная печальная судьба «протокола Киото», принятого еще в 1997 г., но не получившего одобрения законодателей ни в одной стране, где речь шла о снижении вредных выбросов в атмосферу всего на 5 % (хотя специалисты считают, что снижение должно произойти не менее чем в 2 раза).

Характерна ў гэтым плане і палітыка «экалагічнага неакалоніялізма». Прэдагавая развіваючымся краінам навука-тэхнічныя разработкі ў якасцве платы за іх іспользаванне, развітыя капіталістычныя краіны прысваіваюць сабе «права» тэаавать дасупа к прыродным багатствам краін трэцяга мара, закрэпляючы іх ў якасцве сваіх сыравяных прыдаткав. Іспользуецца і «экалагічнае» оружье ведення тарговай вайны, т. е. на ўвоз тавараў устанавліваюць завышаныя стандарты, апрадэляючыя іх бэаопаснасць для акаружаючай срады.

В то же время подобные «экологические стандарты не затрагивают продукцию, экспортируемую из развитых капиталистических стран. Несмотря на международный запрет использования пестицида ДДТ, тем не менее до начала 1990-х гг. вполне открыто он вывозился в страны третьего мира. В результате осуществления политики «экологического экспорта» развитые капиталистические страны как бы переносят «болезнь» с одного участка планеты на другой. В этом плане характерным является наблюдаемый ускоренный рост зарубежных инвестиций компании «грязных» отраслей промышленности в тех странах, где природоохранное законодательство слабое или вообще отсутствует, т. е. прежде всего в третьем мире. Тенденция выноса «грязных» производств в развивающиеся страны с каждым годом становится все более заметной. Такие отрасли промышленности развитых капиталистических стран, как сталелитейная, химическая, целлюлозно-бумажная и так далее, практически полностью выведены в развивающиеся страны. Политика «экологического неакалоніялізма» дапоўняецца ў последние годы і попыткамі прэвратіць трэці мара ў маравую свалку ўсех вредных отходов производства. В последнее десятилетие с этими проблемами столкнулась и наша республика. Таким образом, развитые страны не только живут за счет природных ресурсов других государств, но и экспортируют свои экологические проблемы.

Углублению политических противоречий между различными странами служат и загрязнения пограничных территорий. Прежде всего это американо-канадские противоречия по поводу доступа к ресурсам нефти и газа, пресной воды и леса. Еще в середине 1980-х г. сенатор А. Хейг, выступая в Конгрессе США, объявил, что «эпоха войны за ресурсы уже началась». Первый шаг в этом плане был сделан объявлением бассейна Персидского залива зоной жизненных интересов США и созданием цепи опорных пунктов по всему миру для «сил быстрого развертывания» США и НАТО. Об этом уже свидетельствуют и «рыбные войны» между странами Тихоокеанского бассейна Балтийского моря. В этом же ряду стоит и проблема «кислотных дождей», которые приносят наибольший вред соседним странам, а не их виновникам.

Активно используется в буржуазной глобалистике концепция о «богатых и бедных» нациях, о «богатом Севере» и «отсталом Юге». Причем среди причин «слаборазвитости» отмечаются природные условия, климат, ограниченность источников энергии, быстрый рост населения. И ни в одном исследовании не упоминается бывшая колониальная зависимость этих стран и их эксплуатация транснациональным капиталом. Признавая на словах, что от решения проблемы ликвидации разрыва между развитыми странами и развивающимися «зависит выживание человечества», на практике не предлагается ни одной программы, которая бы способствовала этому. Установлению же в международной практике нового экологического порядка в современных условиях очень трудно найти соответствующие примеры. Напротив, до сегодняшнего дня в международных отношениях сохраняются действия обратного порядка. Дискриминация в торговле, огромные проценты на предлагаемые займы, экономические меры, эмбарго, запреты на ввоз или вывоз товаров – все эти методы продолжают и сегодня широко использоваться в мировых экономических отношениях.

Огромное влияние на политику оказывают международные общественные организации и политические партии, которые координируют свою деятельность в масштабах регионов, формируя международные экологические организации. Многие из них играют активную роль и в политике своих государств¹. Организации защитников окружающей среды, антивоенные объединения оказывают на выборах поддержку тем деятелям, которые уделяют в своих программах значительное место решению глобальных проблем, и в связи с этим данные вопросы появились в программах большинства правящих партий (Австрия, Швеция, Франция, Англия и т. д.). В 1990-е гг. наблюдается переход от алармистских выступлений к более решительным действиям, что находит свое выражение в бойкоте определенных правительственных мероприятий, принятии новых и ужесточении старых законов, проведении общегосударственных (и даже международных) Маршей мира, Дней защиты земли и т. д. Экологические партии активно участвуют в выборах и добиваются на них все более внушительных побед. Так, если партия «зеленых» в ФРГ на выборах в ландтаги получила от 4 до 18 % голосов избирателей, а на выборах в бундестаг в 1987 г. – 8,3 % голосов, то в 1990-е гг. она завоевала твердые позиции в правящей коалиции. Подобных успехов добились экологические партии во Франции, Швеции и других странах.

В современных условиях вполне обоснованно можно говорить о тесной взаимосвязи политики и с проблемами социокультурного, гуманитарного ряда, от решения которых на сегодняшний день не зависит выживание человечества. Они, скорее, определяют «качество жизни» общества. Имея ярко выраженную гуманистическую направленность, решение этих проблем теснейшим образом связано с реальной политикой того или иного государства. Гарантии прав человека, прежде всего права на жизнь, с неизбежностью предполагают их политическое решение в первую очередь на государственном и международном уровнях. Широкое международное сотрудничество можно считать той основой, которая позволила бы, решая эти проблемы, значительно улучшить взаимоотношения различных стран в политической области. Таким образом, для успешного преодоления всех глобальных проблем, будь то проблемы войны и мира, экологии и другие, необходимы продуманная, взвешенная политика всех государств по развитию международного сотрудничества и их активная деятельность по практической реализации всех намеченных мероприятий.

¹ См.: Родионова И. А. Глобальные проблемы человечества. М., 1995. С. 74.

² Department of State Bulletin. October 1978. Vol. 78. № 2019. P. 54.

³ Oil and Gas Journal. 1997. № 11. P. 27–33.

⁴ См.: Боев Ю. А., Боева С. Ю. Милитаризм и экология. Киев, 1989; Глобальные проблемы и перспективы цивилизации. М., 1993; Глобальные проблемы социального развития. Кишинев, 1988; Косолапов В. В., Гончаренко А. Н. XXI век в зеркале футурологии. М., 1987; Реймерс Н. Ф. Экология. М., 1994; Экологическое движение в странах Запада. М., 1990.



БЕЛАРУСКАМУ ДЗЯРЖАЎНАМУ
УНІВЕРСІТЭТУ



СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В БГУ ЗА 80 ЛЕТ

Процесс институционализации социологии в Беларуси начался с создания в 1921 г. в БГУ кафедры социологии и первобытной культуры, которую возглавил профессор С.З. Каценбоген, читавший курс лекций по генетической социологии на факультете общественных наук. В 1923 г. опубликован первый курс лекций по социологии, в 1927 г. вышла монография С.М. Василевского «Введение в теорию и технику психологических, педагогических и психотехнических исследований», посвященная систематическому анализу и обработке эмпирической социальной информации. В годы становления социологической науки значительный вклад внесли ученые БГУ В.И. Пичета, В.Н. Ивановский, С.Я. Вольфсон и др. К середине 1930-х гг. в республике сложилось два центра социологических исследований – БГУ и Академия наук БССР. Однако вскоре все исследования в области социологии и преподавание были свернуты, а социологическая наука попала в разряд запрещенных дисциплин. В конце 1950-х гг. в университете стал читаться спецкурс «История социологических учений» (Г.Ф. Александров), который стал основой его книги «История социологии как науки» (1958).

В 1967 г. открывается Проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований БГУ (ПНИЛСИ), ставшая за короткий срок ведущим научным центром страны, которую в разные годы возглавляли И.Н. Лушицкий, С.И. Дерисhev, И.И. Зубов, Ю.Г. Юркевич, Г.П. Давидюк, С.Д. Лаптенюк. С 1969 г. курс прикладной социологии начал читаться на философском отделении истфака БГУ. В 1974 г. при кафедре философии гуманитарных факультетов образован сектор прикладной социологии, проводивший широкомасштабные договорные социологические исследования на промышленных предприятиях (научный руководитель – Г.П. Давидюк, заведующими сектором в разные годы были И.Я. Писаренко, И.Г. Матюшенко, И.П. Чепа, Д.Г. Ротман).

В 70-х гг. XX в. большое внимание уделялось теоретическому анализу методологических проблем социологического знания, уточнению объекта, предмета, методов социологического исследования, изучению социальной структуры общества, ее динамики, социальных перемещений. В учебниках «Введение в прикладную социологию» (1975) и «Прикладная социология» (1979), подготовленных Г.П. Давидюком, формулируются современные представления о функциях социологии, ее основных категориях. Эти книги стали первой попыткой раскрыть историю становления и развития советской социологии в 1960–1970-е гг. и сформулировать практические предложения по учебному процессу на примере Белгосуниверситета.

Заметным событием научной жизни 1980-х гг. стал выход первого советского «Словаря прикладной социологии», подготовленного белорусскими социологами на базе ПНИЛСИ БГУ и

вышедшего в свет в 1984 г. (Г.П. Давидюк, И.Я. Писаренко, А.И. Левко, Р.В. Гребенников, А.Н. Елсуков, Г.Н. Соколова, Д.Г. Ротман, С.А. Шавель, В.А. Дунаев, И.Н. Андреева, К.В. Шульга и др.). В 1991 г. книга переиздана в дополненном виде под названием «Социологический словарь».

Предкризисная ситуация 80-х гг. XX в. востребовала социологическую науку в значительно более широком объеме и прежде всего как универсальный инструмент для системного анализа общественного мнения, выработки новой стратегии общественного развития с учетом надвигающихся глобальных социальных перемен. В 1989 г. в БГУ создается философско-экономический факультет, где открываются отделение социологии и соответственно кафедра социологии. В момент открытия на кафедре работали профессор А.Н. Елсуков (заведующий), доценты В.Л. Абушенко, А.П. Лимаренко, И.Я. Писаренко, докторант Л.Г. Титаренко. С развитием отделения увеличивается штат сотрудников кафедры. В настоящее время на ней работают 14 штатных сотрудников и несколько совместителей: профессора А.Н. Елсуков (заведующий), Е.М. Бабосов, А.Н. Данилов, Л.А. Гуцаленко, О.Т. Манаев, Д.Г. Ротман, Г.Н. Соколова, Л.Г. Титаренко, П.П. Украинец, И.Ф. Ухванова; доценты В.Л. Абушенко, С.Н. Бурова, Д.К. Безнюк, Ж.М. Грищенко, Е.Е. Кучко, Е.А. Кечина, А.П. Лимаренко, З.М. Пинхасик, О.В. Терещенко, Л.В. Филинская; старший преподаватель В.И. Кудрявцева, преподаватели Т.В. Бурак, И.В. Левицкая. В разные годы на кафедре работали профессора Г.П. Давидюк, И.И. Жбанкова, С.Д. Лаптенко, А.И. Левко. В 1989 г. был создан Совет по защите докторских диссертаций по социологическим специальностям при БГУ (председатель А.Н. Елсуков), где защитились известные белорусские социологи Н.Н. Белякович, А.Н. Данилов, К.Н. Кунцевич, С.В. Лапина, О.Т. Манаев, О.С. Осипова, Д.Г. Ротман, Л.Г. Титаренко.

В 1996 г. организован Центр социологических и политических исследований БГУ (директор Д.Г. Ротман), в котором сформирована методология социологических исследований «жестко практической направленности» – оперативные социологические исследования.

В 1997 г. вышел в свет первый номер научно-теоретического журнала БГУ «Социология» (главный редактор А.Н. Данилов). Подготовлено новое издание учебников и учебных пособий: «История социологии» (1993, 1997); «Социология» (1998, 2000); «Оперативные социологические исследования» (1997); А.Н. Елсуков «Краткий курс теоретической социологии» (1999); Е.М. Бабосов «Социология. Часть 1. Общая социологическая теория» (1998); «Прикладная социология» (2000); «Социология управления» (2000); Г.Н. Соколовой в период 1995–2000 гг. разработан комплекс учебной методической литературы по экономической социологии, социологии труда и др.

В 2000 г. учреждено Белорусское общественное объединение «Социологическое общество» (президент А.Н. Данилов), активизировались международные связи социологов БГУ, проведен ряд международных конгрессов, конференций и семинаров по актуальным проблемам современности. В последние годы в университете созданы новые кафедры социологического профиля: социальной коммуникации (О.В. Терещенко), социологии СМИ (В.П. Воробьев). В XX в. БГУ вместе с другими вузами, НИИ и НАН Беларуси стал по праву центром развития белорусской социологической мысли, обеспечил становление социологии как классической науки в Беларуси.

А.Н. Данилов

А.Н. ДАНИЛОВ

**СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА
В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ**

Данилов Александр Николаевич – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, академик Международной академии наук высшей школы, президент Белорусского общественного объединения «Социологическое общество». Основные исследования в области теории, методологии и истории социологии. Автор более 120 научных работ, в том числе 15 монографий.

The object of the research is the conception of the sociological science development in the transforming society and the new global challenge and the possible variants of the answers from the position of the national state.

Изменения социальной реальности не могут не влиять на науку, изучающую общество, какой является социология. В конце XX в. мир пришел в движение: распался Союз ССР, обострились глобальные проблемы современности – экологические, демографические, национальные. Непредсказуемые последствия выдающихся достижений генной инженерии и биотехнологий, информационной революции, системной трансформации в странах Восточной и Центральной Европы кардинально изменили геополитическую картину мира и оказали влияние на политику многих государств с тем, чтобы противостоять новым вызовам истории.

Сегодня многие специалисты задаются вопросами: "Насколько этот новый, возникающий мир органичен? Насколько жизнеспособен во всем своем многообразии? Насколько устойчива власть к кризисам и катастрофам? Несет ли те преимущества, надежда на которые побудила народы поверить новым претендентам?". Закономерно, что появляются все новые области социальной жизни, которые исследуются социологией, существенно обновляются научные методы, успешно разрабатываются новые технологии получения достоверной социологической информации.

Продолжительное время в отечественной социологии преобладало исключительно прикладное начало в развитии, и при переходе к расширенному использованию всей суммы теоретического знания вновь обострились извечные проблемы о предмете и объекте социологической науки, неразличимости в новой социальной ситуации философии и социологии и др. Наука становится междисциплинарной, сглаживаются грани искусственной дифференциации естественных и гуманитарных дисциплин, укрепляются связи образования, науки и производства, доминантой преобразований в экономике становятся инновационные технологии. В последние годы стали активно разрабатываться проблемы социальных изменений, глобализации, интеграции, модернизации, значительно расширились исследования по экономической, политической социологии, гендерным проблемам.

Общий системный кризис постсоветского общества предъявляет совершенно новые требования к социологии, так как существует мнение, что из науки, объясняющей явления, она превращается в созидующую социальную реальность. И новая парадигма состоит не в осознании роли социологии, а в усвоении смысла новой философии и цели человеческого развития, поскольку потребительские подходы выявили свою полную непригодность. Реальность нынешней эпохи состоит в том, что в настоящее время нет ни государства, ни философии, которые могли бы стать примером для развития всего человечества. Не может быть прообразом государственного устройства и США, где, как признал бывший вице-президент Эл. Гор в своей книге "Земля на чаше весов", рыночно-потребительская цивилизация создала тупиковую ситуацию¹.

Острая необходимость разработки новой базисной социологической теории в свое время осознал и А.А. Зиновьев. "Без такой теории, – писал он, – исследования эмпирической социологии, конкретные измерения и вычисления превращаются в мошенничество, в орудия идеологии и пропаганды, а формальные построения оказываются пустыми умственными (знаковыми) конструкциями. Одним словом, точные методы социальных исследований без содержательной теории, адекватной данному обществу, превращаются из орудий понимания этого общества в орудия помутнения умов"². В последнее время появились рассуждения о какой-то особой миссии социологии по сравнению с другими отраслями знания. Отметим, что ее состояние лимитировано развитием всех остальных наук и прежде всего философии. Социолог никогда не выйдет за рамки своей философии, а если возникнет такая потребность, он вынужден будет создать новую философию. Очевидно, что социология в будущем вернется к своим истокам, в свое время обозначенным еще П.А. Сорокиным: "Все виды мировой энергии или мирового бытия... in abstracto могут быть разделены на известные разряды, из которых каждый разряд обладает своими специфическими свойствами. Таких основных видов энергии три: 1) энергия (а соответственно и взаимодействие) неорганическая (физико-химическая); 2) энергия (и взаимодействие) органическая (жизнь); 3) энергия (и взаимодействие) психосоциальная (или психическая) (общество). Сообразно с этим и науки могут быть разделены на три группы: физико-химическая, биологическая, социальная. Поэтому область социологии определяется следующим образом: все процессы взаимодействия, обладающие психической природой, совершенно независимо от того, между кем или чем они совершаются, представляют социальное взаимодействие и тем самым являются объектом социологии"³ (подчеркнуто автором. – А. Д.).

Еще важнее из заимствованных у Г. Тарда или Л.И. Петражицкого определений представляется убеждение П.А. Сорокина в том, что в область социологии переместится огромный массив явлений, ныне считающихся биологическими: "В мире людей и высших животных биологические функции приобретают новый, а именно психический характер, который их и делает объектами специальной науки. Именно это присоединение психики, а не что-нибудь иное заставляет их считать социальными явлениями и дает право для изучения их не только биологу, изучающему чисто жизненные формы данных отношений, но и социологу, изучающему их сознательные, социальные формы"⁴. Следует отличать социологию как эмпирическое изучение общественных фактов, известное уже с древних времен, от социологии как теоретической науки, ставшей возможной, согласно открытому Огюстом Контом закону развития человеческих знаний, лишь в наше время после научного обоснования сначала теоретической химии, а затем и отвлеченной биологии⁵.

Современная социология развилась сравнительно недавно. Когда О. Конт начал читать лекции, которые позднее составили шеститомное сочинение о положительной философии, его слушали в Париже всего лишь несколько десятков человек. В то же время первые российские социологи устанавливали синтезированный подход к проблемам развития человека и общества. Е.В. де Роберти писал: "События действуют на идеи, а идеи на события, учреждения на наши представления, а представления на учреждения, экономика на право и политику, а право и политика на экономику, общественная плотность на способы производства, а способы производства на плотность, знание на технику, а техника на знание, религия и философия на искусство, а искусство на религию и философию, нравы на верования, а верования на нравы и т. д."⁶. Сущностью психического в жизни человеческого общества выступает коллективная мечта. Без мечты, без перспективы оптимальное развитие индивида и общества немыслимо.

Многие аналитики до сих пор убеждены, что человечество "преодолело" и социализм, и капитализм и строит что-то среднее, придумывают условные обозначения вроде "информационного общества", которые, по сути дела, не несут никакого социологического смысла. Приобретает зловещий смысл общество, которое почти целиком программируется и управляется со стороны, что никак не свидетельствует о его "зрелости". Периодически назревающая потребность в изменении основополагающих понятий все же свидетельствует о поступательном развитии человеческого знания. Опыт XX ст. позволяет по-иному взглянуть на употребляемые часто как заклинания слова "порядок", "новый порядок" и т. п. И при диктатуре большинства, и при диктатуре меньшинства, и при "тоталитарных" и "компрадорских" режимах власти обещают дать народу недостающее, причем сознательная ложь все чаще выступает в форме "технологического приема". Нормальное функционирование общественного организма немыслимо без установления неких пределов свободы одних и несвободы других. "Порядок" предполагает: 1) возможность физического существования для каждого общества; 2) гарантии от духовной деградации; 3) стимулы для деловой активности во всех секторах экономики; 4) экологическую безопасность; 5) возможность оптимальной реализации потенциала и оправданных интересов личности; 6) сохранение традиционных ценностей; 7) беспрепятственное развитие национальной культуры; 8) независимость государства; 9) равенство всех граждан в юридическом, культурном и конфессиональном измерении; 10) систему отношений внутри общества, естественным образом поддерживающую общегражданскую солидарность, иначе говоря, патриотизм как одну из капитальных духовных ценностей.

Все рассуждения о государстве и обществе могут оказаться пустыми и совершенно неактуальными, если не учесть самого грозного императива развития всего человечества – его идентификации с возможностями планетной природы. Возможно, самое главное открытие XX в. – утверждение о том, что по мере роста своего "могущества" человек как биологический вид становится все более и более зависимым от состояния биосферы (подчеркнуто автором. – А. Д.).

Известный российский ученый академик Н.Н. Моисеев исходит из того, что на авансцене истории утверждаются не те государства, которые обладают подавляющей военной мощью; не те, которые обладают большими природными ресурсами; даже не те, которые сегодня имеют максимальный прирост ВВП на душу населения. Лидерами мирового развития становятся страны, способные обеспечить высокий уровень образованности своего населения, общей культуры, технологической дисциплины производства и, конечно, науки, которая становится основной созидательной силой общества⁷. Именно поэтому он ставит вопрос об изменении нравственности в новой жизненной парадигме, учитывая, что нынешнее человечество, чтобы вписаться в естественный круговорот веществ, должно уменьшить свои потребности минимум в 10 раз. Либо в 10 раз должно быть уменьшено население планеты, либо за счет новых технологий во столько же раз уменьшено душевое потребление энергии, либо должен быть найден некоторый средний вариант уменьшения того или другого. Новые ограничения, которые неизбежно грядут, окажут мощнейшее воздействие на характер цивилизации, отношения между государствами, народами и отдельными людьми.

Проблема выбора оптимального пути национального развития, может быть, одна из основополагающих тем всей истории. Победителя не судят, но истинный победитель в исторической жизни обозначается лишь через несколько поколений. Что может лежать в основе великого вектора – правда, совесть, осознанные интересы народа или перспективы всего человечества? Беловежские соглашения от 8 декабря 1991 г. формально прекратили

существование СССР, однако мощное влияние данного государственного устройства будет ощущаться еще многие десятилетия спустя. Международным отношениям уже очень недостает выпавшего компонента умиротворения и контроля за элементарной справедливостью.

Странно, что тысячелетние идеи общины, солидарности, коллективизма вызывают ныне неприятие со стороны ряда политиков, которые не хотят принять к сведению по крайней мере то, что идея совместного труда и отдыха, праздника и горя, борьбы и размышления заложена в исторический опыт славянства. **Эти же качества сегодня выдвигаются на первый план для всей западной цивилизации: разве можно без общей ответственности отрегулировать проблемы природной среды и демократии?** "Любая монополия таит в себе опасность", – замечал Л. Эрхард, подчеркивая, что "отрицательные последствия стремлений к монополиям должны были тем сильнее дать себя знать, чем больше они отгораживались от мирового рынка путем протекционистских мероприятий"⁸. Данное замечание имеет самое непосредственное отношение к положению во многих государствах СНГ, так как социальный смысл рыночного хозяйства заключается прежде всего в том, что любой успех экономики, любое достижение рационализации было направлено на благо всего народа и на более полное удовлетворение нужд потребителей.

Рыночное хозяйство не может быть отделено от свободной конкуренции, не может в принципе отказаться от функции свободной цены. Кто исключает функцию свободной цены, тот умерщвляет конкуренцию и содействует оцепенению экономики. Л. Эрхард великолепно понимал экономическую и социальную разницу между "социальным рыночным хозяйством" (строительство которого поставила целью Западная Германия с 1948 г.) и либеральным хозяйством старого образца, где на первом месте – потребитель.

Возможно, принципиальные отличия выявятся и среди различных модификаций рыночных экономик в XXI в.: иные государства будут продолжать старую имперскую линию, интерпретируя ее по-своему, другие же поставят в центр своей политики жизненные интересы суверенной нации. Что же касается сформировавшихся режимов, и прежде всего на постсоветском пространстве, то в них трудно заметить черты научности, преемственности опыта, так как они образовались преимущественно спонтанно, под влиянием полуслучайных обстоятельств. Началась эпоха рутинного существования постсоветского общества, которое на нынешнем этапе для значительной части граждан лишено какого-либо исторического смысла, поднимающегося над ежедневными проблемами выживания.

Нынешнее время – зловещий пик в нашем развитии, требующий очень серьезных корректировок. Крайне опасно, что существенная часть психической и эмоциональной жизни общества не находит естественного воплощения в условиях все более ожесточенной идеологической агрессии. До сих пор, стремясь (может, и неосознанно) свести концы с концами, наши западные коллеги делают акцент на обособленной личности как якобы главному звене всех изменений, что является глубокой ошибкой, показанной еще на заре XX в. Е.В. де Роберти писал в сборнике "Новые идеи социологии", изданном в Санкт-Петербурге в 1913 г.: "Личность есть равнодействующая многих сил, которую обыденная, вульгарная мысль, состоящая в близком родстве с мыслью прагматической, ложно принимает за одну из первоначальных или производящих сил. Видеть в личности, последнем звене длинной эволюционной цепи, истинную причину общественной эволюции – непростительное заблуждение. И внести что-либо новое в сознание личности, возвысить ее, усовершенствовать можно лишь одним путем – развитием всех "периферических", так сказать, группировок, способствующих образованию самой личности как своего центрального ядра. Не трудно, действительно,

сообразить, и всякий легко поймет, что в предполагаемой реформе личности нельзя обойтись хотя бы только без такой общественной силы или группы, как школа (в самом широком смысле слова), не говоря уже о семье, церкви, общине, государстве и т. п. Вне воздействия школы и других, обусловливающих и усиливающих ее влияние общественных группировок отдельная личность, очевидно, весьма скоро опустилась бы до уровня биологического или животного индивида"⁹ (подчеркнуто автором. – А. Д.).

Как бы мы не определяли содержание такой всеобъемлющей науки, как социология, она постоянно возвращает блуждающих к своим первоисточкам. П.А. Сорокин настаивал на определении социологии как психическом взаимодействии¹⁰, и потому первой задачей социолога считал определение признаков "психического", которое сформулировал таким образом: "Под психическим взаимодействием мы понимаем такой процесс, "материей" которого служат ощущения, восприятия, представления и понятия, страдание и наслаждение и волевые акты"¹¹, подчеркивая при этом, что мы обязаны все эти акты считать сознательными. Соответственно таким представлением он дал следующее определение социологии: "Социология есть наука, изучающая наиболее общие свойства психического взаимодействия тех или иных единиц в их структурной организации и в их временной эволюции"¹².

Фридрих Ницше констатировал пришествие в мир "**эпохи нигилизма**"¹³, указывая и на то, что эта эпоха положит начало истинному прозрению. Исследуя совокупное положение современного человечества, приходим к убеждению, что глобализм – это высшая точка эпохи нигилизма и вместе с тем предпосылка к ее завершению. В настоящее время **высшие ценности** не только не теряют своего значения, но и намного увеличивают его, так как возросла опасность с тех пор, когда Ницше предупреждал: "Способность человека быть дрессируемым стала весьма велика в этой демократической Европе"¹⁴.

Я не думаю, что социология в будущем существенно приблизит человека к познанию сути. Скорее всего, исследователям станет более доступна мысль о пределах своей ответственности. Возможно, так, как ее сформулировал Пьер Бурдьё: "Мы без конца попадаем в ловушку смысла, который формируется вне нас, без нас... Объективируя все, что есть социально-немыслимого, т. е. забытую историю, в самых обычных или самых ученых идеях – в омертвевших проблематиках, лозунгах, общих местах, – научная полемика, вооруженная всем тем, что произвела наука в постоянной борьбе с самой собой и с помощью чего она превосходит самое себя, предоставляет тому, кто ее ведет, и тому, кто ее на себе испытывает, возможность узнать, что он говорит и что делает, возможность действительно стать субъектом своих слов и действий и покончить с тем, что еще остается необходимым в социальных вещах и в идее о социальном...

Социология все еще полностью остается тем, что из нее часто делают, – наукой, стремящейся к развенчанию, по выражению Монтеня, "мыслей, родившихся на кухне", подозрительным и злым взглядом, лишаящим мир его очарования и уничтожающим не только ложь, но и иллюзии, ...облаченной в добродетель непреклонной мысли только в той мере, в которой она способна и себя самое подвергать такому же допросу, какому она подвергает любую практику. Можно постигнуть истины интереса, лишь согласившись на постановку вопроса об интересе для истины и лишь проявив готовность рисковать наукой и ученой респектабельностью, превращая науку в орудие, служащее, чтобы ее самое подвергать сомнению. И все это – в надежде обрести свободу по отношению к той негативной и демистифицирующей свободе, какую дает наука"¹⁵.

Выдающийся английский историк Томас Карлейль, написавший историю Великой французской революции, сумел настолько вжиться в динамику истории, что извлекал мудрость почти из всех сюжетов, к которым прикасался,

и так проникновенно охарактеризовал эпохи падения: "Но как нам быть с эпохами упадка, когда пора развития и цветения миновала и место исчезнувших преданности и веры заняла лживая фразеология, когда торжества сменили пышные спектакли, а принцип доверия к власти превратился в тупое равнодушие или же макиавеллизм? Увы! Такие эпохи не представляют для мировой истории интереса, в анналах человечества записи о них будут все короче и короче, пока не будут вычеркнуты совсем как лживые и ненужные. Какое же несчастье родиться в такую эпоху!"¹⁶.

Всякий гениальный человек является пророком и провидцем. Вот как Карлейль живописал свое время, прозирая события минимум на два века вперед: "Что останется, когда ложь будет сметена? Останутся пять требующих удовлетворения чувств, останется также шестое, никогда не получающее удовлетворения чувство (чувство тщеславия), т. е. останется демоническая, дикая сама по себе природа человека, которая в слепой, бесшовой злобе вырвется наружу во всеоружии изобретений и средств нападения, предоставленных цивилизацией"¹⁷. События в последнем десятилетии XX в. обрисовывают все то, с чем человечеству придется столкнуться в XXI в. Это прежде всего произвол сильного, который к тому же волен понимать ситуацию всегда по-своему. Наука все меньше способна влиять на конфигурацию силовых полей в мировом геополитическом пространстве, причем на том этапе, когда только научные методы и подходы могли бы обещать позитивные результаты.

В начале XX в. преобладавший биологический детерминизм в понимании общественных процессов уступил место психологическому подходу. Сегодня мы не будем говорить об утрате определенных завоеваний прежней социологии и усвоении ею "новейших", но весьма условных категорий. Социология имела весьма условную системность, пока Т. Парсонс, опираясь на разработку Л. Берталяни (системщика) и Н. Винера (кибернетика), не предложил свою систему, в которой вроде бы сохраняются все признаки объективности, но которая не покрывается предложенными четырьмя функциями любой открытой **системы**: *адаптации*, *целеполагания*, *интеграции* (координация всех целей) и *латентности* (поддержание образца).

Понимая, что системного подхода не получается, Т. Парсонс ввел для каждой системы действия еще иные четыре подсистемы:

а) биологическая система (организм), служащая соединительным звеном между материальным и идеальным мирами – нормами, ценностями, значениями, составляющими мир действия. Выполняет функцию адаптации; б) система личности. Выполняет функцию целеполагания, формируясь в процессе социализации индивида, направленном на интернализацию ценностей и норм, становится инструментом, посредством которого система действия определяет порядок целей; в) социальная система. Совокупность ролевых статусов, управляемая нормами, определяющими, какие действия предпочтительны. Выполняет функцию интеграции; г) культурная система. Совокупность "исторического опыта" – идей, идеалов, ценностей и т. д. Выполняет функцию "поддержания образца", конкретизируя идеи в нормах социальной системы и интернализируя их в системе личности¹⁸. Сталкиваясь с неточностями, можно продолжать усложнять теоретическое построение, только в этом мало прока: мы стоим ныне перед очередной сменой парадигмы в социологии, которая на продолжительный период внесет новый свет.

На мой взгляд, социология будущего яснее всего прочерчена в одной из работ блестящего знатока нашей человеческой судьбы – Арнольда Тойнби. "Почему же цивилизация не может и дальше тащиться неровным шагом, от одного провала к другому, на ощупь следовать этим мучительным, унижительным, но не до конца самоубийственным путем, которым она шла первые несколько тысячелетий своего существования? Ответ заключается в

недавних технических достижениях современного западного среднего класса. Устройства, созданные для обуздания физических сил неживой природы, не изменили человеческую натуру. Институты Войны и Класа в том виде общества, который мы называем цивилизацией, являются социальным отражением темной стороны человеческой природы – того, что теологи называют первородным грехом. Этих социальных последствий индивидуальной человеческой греховности ничуть не отменяет недавний необычайный прогресс нашего технологического развития, но одновременно он и не оставляет эти последствия без всякого влияния со своей стороны. Не отмененные, а, напротив, крайне возбужденные, как и вся остальная жизнь человечества, своим физическим могуществом Классы способны теперь полностью разложить общество, а Война – уничтожить человеческий род целиком. Пороки, до сих пор бывшие просто постыдными и мучительными, превратились теперь в нестерпимые и смертельные, и, таким образом, наше поколение в этом вестернизированном мире оказалось перед выбором таких альтернатив, которые в прошлом правящие элементы других обществ всегда имели возможность обойти, хотя и с жестокими последствиями для себя, однако без крайнего риска окончательно оборвать историю человечества на этой планете. Итак, мы смотрим в лицо Вызову, с которым никогда не приходилось сталкиваться нашим предшественникам. Мы должны искоренить Войну и Классы как таковые – и искоренить их немедленно – под страхом того, что, если мы дрогнем или потерпим неудачу, они сами одержат победу над человеком, которая на этот раз окажется окончательной и бесповоротной”¹⁹.

Вызов остался тем же, каким он был и десять лет, и тысячу лет назад – **покончить с ужасающей отсталостью человеческого бытия**. Х. Ортега-и-Гасет в "Истории как системе", написанной в 1935 г., до всех наших искушений утверждал: "Человеческая жизнь не есть вещь, она не обладает природой, и, следовательно, надо решиться мыслить о ней посредством радикально иных категорий, отличных от понятий, позволяющих прояснять материальные феномены. Сделать это трудно, потому что на протяжении трех столетий физикализм приучал нас оставлять без внимания именно ту удивительную реальность (как не обладающую ни значением, ни реальностью), каковой является человеческая жизнь. И пока натуралисты блаженно исполняли свой профессиональный долг, у этой удивительной реальности появилось желание принять новую систему координат”²⁰ (подчеркнуто автором. – А. Д.).

Не касаясь замечаний философа, можно сказать, что и в XXI в. человек вновь оказался перед тем же искушением, потому что все, что ему внушалось и внушается в качестве убеждений или верований, выявило свой убогий, пропагандистский характер. Человек не хочет терпеть более обманов, и любая новая "система координат", чтобы утвердиться в новом мире, должна будет учесть это обстоятельство. И как бы мы не состязались сегодня в способности предвидеть завтрашний день, давайте прислушаемся к-такому авторитету, как Адам Смит, закончившему свое знаменитое сочинение многозначительными словами: "Повторяющиеся потрясения войн и революций легко иссушают источники того богатства, которое порождается одной только торговлей. Богатство, возникающее в результате более прочных улучшений в сельском хозяйстве, более устойчиво”²¹. Какой-то смутный прогноз в этом угадывается. Гений может ошибаться в изложении своей мысли, но не в векторе устремленности.

Общим императивом остается одно: придется преодолевать низкий уровень социальной, духовной, бытовой и управленческой культуры во всех странах, чтобы не вызвать новых и роковых обострений и борьбы за передел сфер влияния. К истине, как известно, приходят только двумя путями: науки, понимания – путь редкий, упирающийся часто не в технологические

сложности, а в политическое упрямство и социальную алчность; и путь непонимания, но ощущения потребности повысить уровень морали и организации быта. Других путей нет, и потому какое-то движение вперед будет, потому что топтание на месте – это смерть всего человечества. Столкновение за ресурсы становится даже более реальным, чем теоретическое почтение к потребностям экологической безопасности. В этих условиях все ждут пророка, и он, конечно, должен прийти. Но не всех он осчастливит и не все проблемы решит. Потому что мораль, культура, болезни, новые социальные отношения – это не изречения мудрых, а тяжелая практика жизни миллионов, которую еще надо организовать.

Глобалисты никогда не решат проблем голода и неграмотности. Эти проблемы будут решать только национальные государства. Но им, чтобы устоять, потребуется снова переменить всю геополитическую ситуацию с помощью новой государственности, новых взаимоотношений власти и народа – более определенных, более честных и, может быть, более жестких.

- ¹ Гор Эл. Земля на чаше весов. Экология и человеческий дух. М., 1993.
- ² Тиммерманн Х. Наследники компартий в Восточной Европе // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 6. С. 175.
- ³ Новые идеи в социологии: Сб. ст. / Под ред. М.М. Ковалевского, Е.В. де Роберти. СПб., 1913. № 1. С. 73.
- ⁴ Там же. С. 86–87.
- ⁵ Там же. С. 1.
- ⁶ Там же. С. 35–36.
- ⁷ См.: Моисеев Н.Н. Третьего варианта нам не дано // Социально-политический журнал. 1995. № 2. С. 75.
- ⁸ Эрхард Л. Благополучие для всех. М., 1991. С. 162.
- ⁹ Новые идеи в социологии. Указ. пр. С. 42–44.
- ¹⁰ Там же. С. 76.
- ¹¹ Там же. С. 77.
- ¹² Там же. С. 96.
- ¹³ Ницше Ф. Воля и власть (опыт переоценки всех ценностей). М., 1994. С. 33.
- ¹⁴ Там же. С. 100.
- ¹⁵ Бурдье П. Социология политики. М., 1993. С. 296–297.
- ¹⁶ Карлейль Т. Французская революция, история. М., 1991. С. 14.
- ¹⁷ Там же. С. 16.
- ¹⁸ Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная теоретическая социология. СПб., 1996. С. 166.
- ¹⁹ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: Сб. СПб., 1996. С. 32–33.
- ²⁰ Хосе О.-и-Г. История как система // Вопросы философии. 1996. № 6. С. 86.
- ²¹ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1993. С. 570.

Д.Г. РОТМАН, А.А. ТАРНАВСКИЙ

КАК СДЕЛАТЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗЕРКАЛОМ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ?



Ротман Давид Генрихович – доктор социологических наук, профессор, директор Центра социологических и политических исследований БГУ, вице-президент Белорусского общественного объединения «Социологическое общество». Один из главных разработчиков методологии оперативных социологических исследований. Создал ряд оригинальных методик для осуществления электоральных исследований. Автор более 150 научных работ, в том числе семи монографий.

Тарнавский Андрей Анатольевич – аспирант кафедры социологии. Область научных интересов – социология политики, социальное прогнозирование, методология оперативных социологических исследований. Науч-



ный руководитель – Д.Г. Ротман.

The examples of the most common mistakes in conducting sociological researches are given.

Большинство постсоветских стран претерпевают трансформацию, и Беларусь не является в этом исключением. В условиях глубоких структурных изменений существует социальный заказ на достоверную информацию о специфике протекания трансформационных процессов, характеристиках новых качественных состояний социума, наконец, об общественном мнении по самым актуальным проблемам. Так сложилось, что в этой ситуации именно прикладная социология, выполняя информационную функцию, становится своего рода зеркалом общества, которое ни в коем случае не должно оказаться «кривым». Искаженная информация может вызвать самые непредсказуемые последствия, включая даже «социальный взрыв», особенно если принимать во внимание возрастающую частоту использования эмпирических социологических данных в качестве фактологической базы управленческих решений.

Возникновение большого числа частных социологических агентств и служб было обусловлено резким повышением спроса на соответствующую информацию и, с одной стороны, сыграло позитивную роль, так как общественности все больше и больше стали раскрываться тайны социологической «кухни», а средства массовой информации получили возможность живой подпитки данными, фиксирующими мнение различных социальных слоев и групп населения. С другой стороны, нехватка профессиональных высококвалифицированных социологов не могла не сказаться на качестве работы новых исследовательских образований. С большими трудностями и проблемами адаптировались к новым условиям деятельности и те социологические службы, которые уже имели большую историю и традиции. Бюджетное финансирование постепенно сокращалось, а вписаться таким социологическим институтам во вновь образовавшийся рынок было чрезвычайно сложно, так как напрочь отсутствовали профессиональные привычки и специальные навыки работать быстро и без значительных потерь качества. Тем не менее рынок социологических услуг сформировался, что позволило ряду известных на всем постсоветском пространстве исследовательских служб выделиться из большого числа социологических организаций. Тематическая направленность исследований этих служб во многом совпадает и лежит в русле двух социологических направлений: исследовании политической и экономической ситуации и изучении рынка товаров и услуг. Лишь очень немногие социологические организации занимаются и другими важными для общества проблемами, например, социологией катастроф, девиантным поведением, социальной структурой общества и т. д.

Широкий спрос на политическую проблематику наложил отпечаток на специализацию большинства социологических исследовательских структур, хотя это не тот случай, когда, согласно одному из принципов диалектики, количество с необходимостью переходит в качество. Социологические службы стали все больше и больше проявлять признаки политизированности, перестали быть нейтральными, начали подыгрывать реальным и даже потенциальным инвесторам.

Многие социологи чрезвычайно увлеклись (либо в силу конъюнктурных соображений, либо из-за непонимания или незнания принципов профессиональной этики и корректности) поиском критических цифр в своих исследованиях и их трактовкой не научными, а политическими или, более того, публицистическими методами. По публичным выступлениям коллег по профессии видно, что значительная часть из них забыла о трех важных принципах работы профессионального социолога-исследователя:

- отслеживай ситуацию взглядом стороннего наблюдателя, не вмешиваясь в реальный ход событий;
- объясняй и интерпретируй полученные данные, опираясь на профессиональные знания, а не на разовую конъюнктуру и эмоции. Помни: социо-

лог-профессионал – это тот, кто приводит много цифр и мало объяснений, а не тот, кто много объясняет, базируясь на малом количестве эмпирических данных;

– “не навреди” – этот принцип медицины должен быть близок нам – социологам. К специалисту, занимающемуся организацией, проведением социологических исследований и анализом данных, должны предъявляться не менее жесткие профессиональные требования, чем к врачу, ставящему диагноз пациенту, что в первую очередь касается наличия соответствующего образования и опыта – никто же не доверит, например, филологу, собственное здоровье, но в то же время бытует мнение, что социологом стать несложно – достаточно лишь задать вопросы и порассуждать над полученными ответами. Но непрофессионализм *исследователя*, влекущий за собой многочисленные неумышленные ошибки, гораздо менее опасен, чем сознательное искажение информации ангажированным *профессионалом* (не хотелось бы ни первых, ни вторых называть *социологами*). Мы акцентируем внимание на некоторых проблемных точках социологического исследования (прежде всего использовании опросного метода), в которых оплошности в последнее время все больше становятся закономерностью (сразу отметим, что все эти ошибки являются взаимосвязанными, и попытки их устранения на заключительной стадии исследования в большинстве случаев оказываются безуспешными).

База для дальнейших искажений информации закладывается уже на этапе программирования, причем само составление программы нередко игнорируется некоторыми исследователями, хотя это формальное, по мнению многих, требование дисциплинирует социолога, позволяет корректно составить инструментарий, ограничить умозрительные рассуждения, задает рамки интерпретации данных. Не пытаясь научить составлению программы, напомним лишь прописные истины: некачественный анализ проблемной ситуации ведет к тенденциозности итоговых данных, ошибки при определении объекта исследования влекут за собой проблемы с выборкой (это может свести на нет все усилия исследовательской группы), недостатки в операционализации понятий приводят к неверной формулировке вопросов, ошибкам при построении шкал, а формальное отношение к выдвижению гипотез (или вообще их полное отсутствие) создает соблазн избирательного отношения к результатам исследования, конъюнктурной трактовке данных.

Недопустимо растягивание сроков исследования, особенно если оно посвящено политической проблематике. В современных условиях мнение населения очень быстро меняется, поэтому сроки должны быть жестко ограничены, т. е. исследование должно быть точечным, являться «моментальной фотографией». Если в период подготовки к предвыборной кампании исследование проводится, например, в течение месяца, то первый респондент и последний опрашиваются в рамках совершенно разных политических ситуаций. Например, в апреле – мае 1999 г. мы проводили опрос, целью которого было изучение общественно-политической ситуации в стране. Половина респондентов была опрошена до 1 мая, а вторая – в течение двух последующих недель. С 1 мая было объявлено о повышении минимальной заработной платы, и оценки до этой даты и после нее, конечно же, отличались.

Помимо сроков, для получения более качественной информации в серьезных социологических службах должны учитываться собственные возможности: например, интервьюер не должен проводить более трех-четырёх 40-минутных интервью за вечер и не более чем 25 за неделю. Часто службы, не имеющие опросной сети, дают задание сотрудникам провести опрос в течение двух выходных дней, в результате чего интервьюерами нарушаются абсолютно все правила, к тому же спешка при выполнении задания

часто приводит к фальсификациям. Профессиональная социологическая служба должна располагать собственной опросной сетью с интервьюерами, проживающими в точках опроса.

Что касается инструментария, то, кроме нарушения требований к его структуре (расположение вопросов в зависимости от смысловой нагрузки, сложности, использование переходников, ограничение объема для различных видов опроса и т. п.), наиболее распространенными ошибками являются: 1) наличие вопросов, включающих неоперационализованные понятия или сформулированных в терминах, непонятных респонденту; 2) шкалы, построенные более чем по одному основанию или с нарушением размерности («перекошенные»). При разработке опросных листов или анкет могут допускаться такие ошибки, как постановка блоков вопросов, связанных с уровнем жизни людей, явно провоцирующих респондентов на негативные ответы в следующих далее вопросах, которые содержат просьбу оценить деятельность, например, органов власти. В этом случае после вопроса о том, может ли респондент на свою заработную плату приобрести... (далее следует перечень дорогих товаров), сразу следует просьба определить степень доверия правительству. Очевидно, что ответы респондентов в данном случае совершенно предсказуемы.

Классический пример использования неоперационализованных понятий и его последствий (выражающихся в том, что респондент в силу неправильно сформулированного вопроса или слишком большого количества ответов начинает понимать вопрос иначе, чем ставивший его социолог, вкладывает в предложенную позицию свое собственное мнение, которое потом сложно декодировать) имел место в 1989 г. во время проведения в рамках Всесоюзной программы государственного образования СССР «Общественное мнение» социологического исследования по модной тогда теме «Духовный облик советского студенчества». Один из вопросов был сформулирован следующим образом: «Как вы относитесь к Великой Октябрьской социалистической революции?». Шкала предусматривала следующие позиции: «отношусь положительно», «отношусь отрицательно», «затрудняюсь ответить». Предполагалось, что ответы на этот вопрос дадут возможность судить о том, насколько студенчество разделяет советские и коммунистические ценности. Более 90 % респондентов, представляющих все пятнадцать республик Советского Союза, выбрали позицию «отношусь положительно». Аналитики были крайне удивлены доминированием этого варианта ответа во всех республиках СССР, включая прибалтийские (дело в том, что уже в это время здесь преобладали антикоммунистические настроения). Дальнейший анализ показал, что, отвечая на этот вопрос, студенты стран Балтии подразумевали, что Октябрьская революция дала независимость их странам, предоставила возможность выхода из состава Российской империи. В то же время, например, якутские студенты высказали положительное отношение, поскольку революция дала возможность ввести у них в автономии собственный алфавит, фактически, создать письменность на родном языке. В то время социология в СССР была еще молодой наукой, и социологическое образование практически отсутствовало, поэтому такие ошибки оказались вполне закономерными. Настораживает то, что в настоящее время, когда существует масса возможностей почерпнуть информацию из различного рода источников, в том числе из специальной литературы, Интернета, многочисленных лекций и семинаров, подобные ошибки все еще имеют место. В вопросниках многих социологических служб используется вопрос: «Вы являетесь сторонником плановой экономики или рыночной?». Выбор варианта ответа из двух этих позиций вызывает такое же затруднение, как и в описанном выше примере, так как, например, в понятие «рыночная экономика» представители различных соци-

ально-демографических групп вкладывают диаметрально противоположный смысл. Для одних рыночная экономика – это возможность разбогатеть нечестным путем, для других – свобода выбора и равные стартовые возможности. В любом случае аналитик получает информацию, которая при всей своей внешней правильности не является достоверной.

Искажение информации в результате использования шкал, содержащих позиции, выделенные по разным основаниям, можно очень часто наблюдать в опубликованных в прессе результатах электоральных исследований. Так, например, встречался следующий вопрос, призванный определить степень электоральной активности населения: «Примете ли вы участие в выборах президента?» – с вариантами ответа «да, приму», «возможно, приму, а возможно, не приму, в зависимости от политической ситуации», «нет, не приму». Если опрос проводится за значительный период времени до выборов, и респондент не может точно определить вероятность своего участия в них, он выбирает второй вариант, а при анализе социолог интерпретирует его так, будто бы эти сомнения вызваны именно политической ситуацией, а не необходимостью поехать на дачу, планами на предстоящий отпуск и т. п. То есть респондент фактически «загоняется в угол», и у ангажированного социолога появляется возможность связать такие сомнения с политикой.

Другой пример: при ответах на ряд вопросов, содержащих номинальные шкалы с большим количеством вариантов, как правило, используется карточка. В данную карточку в рейтинговых опросах часто ошибочно включаются фамилии людей, которые хорошо известны, но «выпадают» из общего ряда, поскольку не имеют к нему никакого отношения (например, к фамилиям известных политиков добавляется фамилия журналиста или деятеля искусств). В итоге в силу своей широкой известности эти люди оказываются в высших строках данного рейтинга, что не соответствует действительности и не способствует решению конкретной исследовательской задачи.

Зачастую в неправильно составленных шкалах число возможных позитивных ответов значительно превышает число негативных либо наоборот. Такая ошибка обычно называется «перекося шкалы» и существенно искажает информацию. Бывают также случаи неправильного размещения позиций в шкале, когда первым идет вариант в терминах отрицания, что нередко «сбивает с толка» респондента. Иногда содержание шкалы вообще не соответствует формулировке вопроса. Например, в вопросе «оцените, пожалуйста...» шкала содержит позиции: «удовлетворен полностью», «удовлетворен частично», «не удовлетворен». Отметим, что при построении номинальных шкал следует учесть (особенно в стандартизированных интервью без использования карточки), что респондент обычно запоминает первую и последнюю позиции, именно поэтому варианты ответов в номинальных шкалах должны быть расположены в алфавитном порядке.

Выше приведены некоторые из многочисленных примеров, когда игнорирование правил построения шкал и вопросов приводит к искажению информации, а с другой стороны, дает возможность профессионалу при хорошем знании всех этих нюансов получать заранее запланированную информацию. При построении выборки чаще всего нарушается принцип случайности (т. е. равной вероятности для каждого представителя генеральной совокупности стать респондентом) или замещается принципом доступности. Если он нарушен неумышленно, можно только пенять на недостаток профессиональных навыков. Такие псевдоопросы общественного мнения мы можем часто наблюдать в прямом эфире на телевидении, в газетах, Интернете, причем редко делается оговорка, что опрос не является социологическим и охватывает только аудиторию данного СМИ. Но когда респонденты сознательно выбираются так, что распределение их ответов заранее пре-

допределено принципами построения выборки, речь уже идет о нанесении ангажированным исследователем вреда обществу.

В апреле 1991 г. республику охватила крупнейшая в ее истории забастовка. Остановились почти все предприятия. Три социологические службы Беларуси осуществили опрос населения с целью выяснения отношения к этим событиям. Одна из служб получила результат, показывающий, что только 15 % жителей республики поддерживают забастовку и забастовщиков. Вторая – практически стопроцентную поддержку забастовщиков, третья – поддержку в пределах пятидесяти процентов. Выяснение обстоятельств организации опроса показало, что первая служба, используя свое привилегированное положение, разослала анкеты в районные комитеты Коммунистической партии Беларуси, вторая – просто провела опрос участников митинга в поддержку данной забастовки, который проходил у Дома правительства в Минске, и только третья служба осуществила опрос по месту жительства респондентов «лицом к лицу». Результаты всех трех исследований получили широкую огласку, и в итоге оказалось, что работа двух служб, хоть и неумышленно, была направлена на введение в заблуждение общественного мнения.

Наиболее распространенная ошибка является результатом того, что интервьюеры допускают серьезные нарушения инструкции при сборе информации: часто в случае использования квотных выборок для экономии времени в качестве респондентов могут выбираться знакомые люди, что препятствует реализации принципа равной вероятности попадания в выборку любой единицы генеральной совокупности. При проведении исследования по случайной выборке интервьюеры допускают нарушения, связанные с несоблюдением жестких критериев отбора, особенно в части выбора респондента по ближайшему дню рождения, что обычно ведет к тому, что отвечает самый образованный член семьи, поэтому происходит «перекося» выборки в пользу людей с более высоким образованием. Умышленный отказ исследователя от использования данного критерия при построении выборки предоставляет возможность искажения данных о поддержке различных политических сил, т. е. можно получить данные, свидетельствующие о гораздо более высокой, чем на самом деле, популярности либеральных политиков. Таким образом, помимо составления корректной выборки, необходимо также жестко контролировать ее исполнение интервьюерами, что предполагает не только наличие детальных инструкций, но и постоянный выборочный контроль их работы.

Иногда опрос осуществляется не по месту жительства «лицом к лицу», а по месту работы, что особенно характерно для ряда социологических служб, связанных с властными структурами. Опыт показал, что в таких случаях респонденты менее искренни и более скованны, так как опасаются возможности нарушения принципа анонимности опроса и считают, что прямые начальники могут без труда ознакомиться с ответами каждого работника. В настоящее время в нашей стране для получения надежной и качественной информации об общественном мнении другой альтернативы опросу по месту жительства пока не существует. Проведение такого исследования, конечно, требует значительных затрат, но, к сожалению, развитие у нас средств связи (прежде всего речь идет об уровне телефонизации населения) не достигло пока масштабов, позволяющих осуществить принцип случайности и тем самым удешевить исследование, обеспечить более полный контроль над работой интервьюеров.

На этапе анализа результатов исследования чаще всего встречаются ошибки, связанные с неправильной работой со шкалами, а также ситуации, когда исследователю не удается дистанцироваться от собственного отношения к изучаемой проблеме (то, что еще Макс Вебер назвал свободой от

оценок). В 1989 г. в Москве проходил Всесоюзный студенческий форум, на котором выступал Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев. В перерыве после его доклада социологической службой форума был проведен опрос делегатов. Вопрос был поставлен следующим образом: «Разделяете ли вы положения, высказанные в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС?». Шкала предполагала варианты «разделяю полностью», «частично разделяю, а частично нет» и «не разделяю». Ответы респондентов разделились на три примерно равные части по 30–35 %. По окончании рабочего дня форума полученные результаты были переданы в прессу. На следующий день авторы исследования с удивлением обнаружили, что часть газет дала информацию о том, что более 60 % делегатов либо полностью, либо частично разделяют положения, высказанные Горбачевым, а другие – что более 60 % делегатов либо полностью, либо частично не разделяют положения доклада. Конечно, такая ошибка вполне простительна журналисту либо политику, но, когда ее допускает социолог, о профессионализме такого исследователя не может идти и речи, а подобная работа со шкалами в последнее время все чаще встречается в социологических публикациях, посвященных политической тематике. Кроме того, в современных отечественных социологических работах чрезвычайно редко встречается корректный анализ позиции «затрудняюсь ответить», обычно она либо вообще исключается из анализа, либо в лучшем случае просто упоминается, в то время как анализ этой группы респондентов может дать не менее, а иногда и более важную информацию, чем другие позиции шкалы, не только об общественном мнении, но и о качестве инструментария.

Главным методологическим принципом анализа данных исследования является сравнение. Социолог может давать оценку, только сравнивая, т. е. имея «точку отсчета». Задача социолога состоит в объяснении социальных процессов и явлений, которое может быть корректным только в рамках реализации принципа сравнения. Нельзя забывать, что объяснение может быть уверенным или предположительным. Если нет точек для сравнения в данном исследовании или в предыдущих подобных, для осуществления предположительного объяснения должны быть использованы данные других авторов при условии наличия аналогичных выборок и вопросов. Но в этом случае необходимо использование мягкой терминологии. Например, «существует тенденция» (а не закономерность!), «можно предположить...», «возможно...» и т. д. Сравнение может являться как внешним, так и внутренним. Внешнее – это сравнение с данными других исследований, выполненных в режиме мониторинга (по одной и той же выборке, сходному инструментарию и т. д.). Внутреннее – это сравнение в рамках одного и того же массива. Для получения «точек отсчета» в этом случае используются простые либо сложные группировки. Простая группировка осуществляется по критерию ответов на один вопрос (например, распределение ответов в зависимости от пола, возраста или образования), а сложная предполагает использование целых блоков вопросов для выделения группы (например, рейтинг «сито»). Анализ социологом только одного вопроса или линейного распределения является либо проявлением непрофессионализма, либо спекуляцией. «Выхватывать» из массива данных одну цифру и рассуждать по поводу ее природы, причин, вызвавших ее появление, мягко говоря, неверно. Тем более что в последнее время нередко встречаются случаи, когда комментирующий данные исследования социолог сначала допускает грубейшие ошибки при работе со шкалой (умышленно или нет – тема отдельного разговора), а потом долго и с удовольствием смакует полученный результат. Еще раз акцентируем внимание на том, что при ограниченном количестве данных язык комментариев должен быть *предположительным*. Спекуляции по поводу результатов исследования – дело политиков и жур-

налистов, но никак не социологов. Каждый исследовательский параметр, каждый показатель должен выводиться из комплекса вопросов, охватывающих все стороны изучаемой проблемной ситуации, нормализованных методами сложной группировки или сводной индексации данных социологического замера. Такой подход с необходимостью обеспечивает объективность результатов, исключает возможность доминантного влияния случайных, эмоциональных мнений отдельных респондентов на итоговый материал, который становится базой для логических рассуждений, умозаключений аналитика, обеспечивает качество исследования, позволяет реализовать его ключевую цель – получение оперативной и достоверной информации о жизни общества. Однако хотелось бы также предостеречь исследователей от чрезмерного увлечения математикой при анализе данных. За каждой социологической цифрой стоит мнение, гражданская позиция либо факт из жизни конкретного человека, и социолог обязан постоянно об этом помнить.

Грубые искажения информации, непрофессионализм дискредитируют социологию как науку. Социологическое исследование должно давать «ментальную фотографию» изучаемых процессов, а никак не «живописное полотно» и уж тем более не «автопортрет» исследователя. Основная проблема, на наш взгляд, заключается в том, что отечественное социологическое сообщество слабо организовано и не имеет прямых рычагов воздействия на недобросовестных исследователей, практически отсутствует профессиональная солидарность, к тому же ощущается явная нехватка популярной литературы, позволяющей потребителям информации (как заказчикам, так и простым обывателям) оценить качество продукции. Поэтому в нынешних условиях соблюдение профессиональных и этических требований становится личным делом каждого социолога, однако мы уверены, что эта ситуация изменится в ближайшее время.



БЕЛАРУСКАМУ ДЗЯРЖАЎНАМУ
УНІВЕРСІТЭТУ



ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В БГУ

Экономическая наука в Белорусском государственном университете прошла достаточно долгий путь развития, не лишенный трудностей, ошибок, но давший заметный прирост знаний и целую плеяду ученых, определивших ее состояние и движение. На всех этапах экономическая наука БГУ отличалась универсальностью и фундаментальностью. Ученые экономических кафедр – кафедры экономических наук (ранее политической экономии гуманитарных факультетов) и кафедры экономической теории (ранее политической экономии естественных факультетов) – сосредоточились на разработке ключевых проблем во всех основных областях экономической науки: политической экономии капитализма и социализма, современной экономической теории (или экономикс), экономической истории, истории экономической мысли. Первые значительные исследования были связаны с именами профессора В. Пичеты, преподавателей И. Герцика, А. Арцимовича, А. Будейко, Т. Забелого. Их работы по экономической истории России и Белоруссии, а также по истории западной экономической мысли вошли в «золотой фонд» этих научных дисциплин.

Главной темой всех исследований была проблема соотношения двух типов хозяйственных порядков – рыночного и центрально-управляемого, их достоинств и недостатков, возможностей их сочетания. Поскольку наша наука длительный период развивалась в узких рамках марксистских методологических и теоретических установок, то усилия направлялись прежде всего на разработку таких категорий, как плановость, общественная собственность, характер труда и так далее (которые составляли содержание политической экономии социализма), а также проблем государственного регулирования экономики и преобразования социальных и экономических отношений при реализации модели центрально-управляемой экономики. Необходимость ориентироваться на определенные идейные установки не помешала достичь некоторых серьезных научных результатов. Это прежде всего теория переходного периода и переходных форм производственных отношений, разработанная профессором С.Е. Янченко и его учениками, которая не только адекватно отразила процессы исторического прошлого нашей экономики, но и явилась важным теоретическим инструментом познания экономических закономерностей современных транс-

формационных процессов. Проблемы планомерности как формы развития производственных отношений социализма составили тему коллективной научной работы кафедры политэкономии гуманитарных факультетов. Целый цикл научных исследований был посвящен разработке понятия собственности как базисной политэкономической категории и изучению этапов развития общественной собственности (профессора Н.И. Базылев, Л.Н. Давыденко, В.Л. Ключня и др.). Тесно связанные с проблемами собственности, вопросы обобществления производства, его влияния на всю систему экономических отношений стали предметом исследования ученых кафедры политической экономики естественных факультетов в 1986–1995 гг. Теоретические вопросы развития аграрного сектора также занимали видное место в исследованиях политэкономов БГУ. В работах профессоров В.А. Кулаженко, В.Л. Ключни, Л.Н. Давыденко, доцента А.Е. Буравского и других решены важные теоретические, а также практические рекомендации выработки экономической политики проблемы содержания и форм агропромышленного кооперирования, эффективности и путей интенсификации этой важнейшей для Беларуси отрасли производства. Доцент В.С. Емелин предложил принципиально новые методы оценки экономического плодородия земли.

Видное место в исследованиях университетских ученых занимали вопросы мировой экономики (доценты Л.И. Дакуко, В.В. Мигас, А.А. Нечай исследовали содержание и последствия интернационализации хозяйственной жизни, растущего государственного вмешательства в рыночную экономику в 1980-е гг.) и истории западной и отечественной экономической мысли (доценты В.М. Мархонько, В.А. Третьяков, В.И. Максин, А.Н. Ковзик занимались критическим анализом неолиберальных, неоклассических и институциональных концепций; доцент В.И. Максин также изучал экономические идеи в России XIX в., а доценты Т.И. Адамович и И.А. Лаврухина – историю экономической мысли и историю экономического образования в Белоруссии).

Вступление общества в трансформационное состояние потребовало от экономической науки глубокой перестройки. В последнее десятилетие основные усилия экономистов БГУ были направлены на расширение сферы, предмета и инструментария анализа экономики, на освоение опыта мировой экономической науки. Важное значение в этой связи имели историко-методологические работы доцента П.С. Лемещенко. Сегодня исследования осуществляются с использованием выработанного мировой экономической наукой методологического аппарата и на основе всего накопленного ею массива знаний. Как никогда, усилилась практическая функция научных исследований, конечной целью которых является содействие поиску эффективной модели развития национальной экономики и выработке конкретной экономической программы ее реформирования.

Поэтому разрабатывавшиеся в 1991–1999 гг. коллективные научные темы "Государственное регулирование экономических отношений" (1991–1995 гг.), "Экономические проблемы государственного регулирования в условиях рыночной экономики" и "Исследование макроэкономического регулирова-

ния в Республике Беларусь” (1995–1999 гг.) не только в некотором роде продолжали научные традиции, но и отвечали самым насущным потребностям времени. Проблемы направлений, форм и методов государственного воздействия на переходную экономику Республики Беларусь получили разностороннее освещение в работах профессоров Л.Н. Давыденко, В.Л. Ключи, Г.И. Олехнович, И.В. Новиковой, доцентов А.И. Бересневой, М.В. Сакович, Т.Ф. Цеханович, А.В. Коваленко, Е.Э. Васильевой. Удалось переосмыслить прежние оценки рынка как неуправляемой, неконтролируемой стихии, проанализировать теоретический и практический опыт решения задачи соединения преимуществ рыночной системы с силой и влиянием “социально озабоченного” государства и показать, каким образом можно использовать его для стабилизации и оздоровления белорусской экономики. Все большее значение приобретает институциональный подход в анализе переходной экономики. Доказано, что перевод экономики на рыночные принципы хозяйствования невозможен без создания комплекса соответствующих институтов, а любые предлагаемые методы такого перевода (приватизация, либерализация и т. д.) – без глубокого изучения специфики реформируемых экономик. Этапным событием можно признать выход в свет “Словаря категорий экономической науки” на белорусском языке – фундаментальной работы, которой был восполнен колоссальный пробел в национальной экономической науке, зафиксирован перечень научных понятий и дано их объяснение на белорусском языке.

В новый век ученые-экономисты БГУ вступают, ставя перед собой новые задачи – трансформирующаяся экономическая система Беларуси теперь анализируется в непосредственной связи с мировыми экономическими процессами. Такие научные темы, как “Трансформация экономической системы в условиях глобализации и регионализации мировой экономики”, “Экономика Беларуси и мирохозяйственные процессы”, как ожидается, принесут не только серьезные теоретические результаты, но и будут способствовать экономическому прогрессу Республики Беларусь, а историко-экономическая тема “БГУ как источник экономической мысли Беларуси” положит начало научной дисциплине – истории отечественной экономической мысли, поможет еще раз осознать прошлые ошибки в развитии нашей науки и увидеть перспективы ее дальнейшего развития.

Кандидат экономических наук И.А. Лаврухина

В.Л. КЛЮНЯ

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ



Клюня Владимир Леонидович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории. Автор более 70 работ, в том числе десяти учебных пособий и пяти монографий. Исследует проблемы методологии экономической науки, трансформации экономической системы в условиях глобализации и переходной экономики.

The article defines the factors of agribusiness stable function: optimization of its structure; integrated realization of scientific and technical achievements, improving manpower, preservation of favorable environment.

Проблема устойчивости агропромышленного комплекса (АПК) Республики Беларусь является в настоящее время одной из наиболее острых и актуальных в связи с тем, что уровень устойчивости воспроизводства в агропромышленной сфере на каждом этапе социально-экономического развития страны, и особенно на переходном, служит важным показателем эффективного и рационального использования экономического, научно-технического и природного потенциала, выступает в качестве достаточно конкретной меры раскрытия потенциальных возможностей национальной экономики в целом, определяет возможности установления и вовлечения имеющихся резервов в воспроизводственный процесс. Наряду с этим повышение устойчивости воспроизводства в АПК обуславливает сбалансированность всех его элементов, ускорение темпов развития и совершенствование его пропорций, а также повышение социально-экономической эффективности производства и наиболее рациональное общественное разделение труда. Устойчивое функционирование АПК способствует налаживанию надежного производственно-экономического взаимодействия между сферами воспроизводственного цикла, создает условия для их стабильной работы.

Однако современное состояние АПК страны вызывает обоснованную озабоченность. Созданный за определенный период производственно-технический потенциал сельского хозяйства и используемые материальные ресурсы промышленного производства не удалось в полной мере увязать с применяемыми в отрасли природными ресурсами, с биологическим потенциалом производства, вследствие чего не был обеспечен необходимый уровень устойчивости сельскохозяйственного производства, повлекший за собой абсолютное сокращение некоторых видов продовольствия, снижение закупок продуктов растениеводства и животноводства. Это обусловило возникновение диспропорций в народном хозяйстве республики, существенно замедлились темпы роста объема производства конечной продукции АПК, появились трудности в финансировании расширенного воспроизводства и, как следствие, снизилась эффективность общественного производства.

В этих условиях либо необходимо свернуть основные экономические процессы, протекающие в АПК, либо направить их по пути, на котором действовали бы не только рыночные механизмы. Одним из таких путей является устойчивое развитие, т. е. устойчивость производственно-экономических взаимосвязей между структурообразующими элементами АПК. Составной частью проблемы обеспечения устойчивости АПК является также взаимодействие, взаимоприспособление в процессе производства биологических и технических систем. И наконец, еще один важный аспект непосредственно связан с надежным, стабильным функционированием самих биологических

систем. Основным условием решения этих сложных и качественно новых проблем является использование во всех сферах АПК достижений научно-технического прогресса, превращение сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального. В данном случае техническое совершенствование средств труда, улучшение их качества, а также рост их эффективности проявляются во второй сфере АПК опосредованно – через использование земли. Поэтому важнейшим направлением индустриализации и интенсификации сельского хозяйства является повышение плодородия почвы и улучшение ее использования. Постоянное повышение плодородия почвы – не отдельный и самостоятельный элемент научно-технического прогресса, а интегрированный результат почти всех его направлений. Сохранение и умножение производительной силы земли, таким образом, является важнейшим направлением обеспечения получения высоких урожаев сельскохозяйственных культур, высокой продуктивности скота, а в целом обеспечения устойчивости функционирования всего АПК и реализации его главной цели.

Поскольку в аграрной сфере в качестве главных средств производства используются земля и живые организмы, а технологические процессы переплетаются с биологическими, постольку основной задачей первой сферы АПК является обеспечение выпуска технических средств, способствующих эффективному взаимодействию с землей и с живыми организмами. Такое взаимодействие может обеспечивать необходимое увеличение выхода сельскохозяйственной продукции, снижение затрат труда и средств на единицу продукции лишь при условии, если вся первая сфера АПК будет способствовать повышению плодородия почвы и продуктивности скота. В этом плане особая роль в деле повышения плодородия почвы принадлежит той части средств труда, которая принимает экономическую форму основных производственных фондов. Отметим, что максимальный эффект достигается при одновременном и согласованном развитии всех направлений научно-технического прогресса в первой и во второй сферах АПК.

Устойчивое развитие сельскохозяйственного производства возможно лишь только на основе более тесной взаимосвязи индустриального направления интенсификации с биологическими средствами труда и природными ресурсами. Более полный учет природных и биологических факторов наряду с этим открывает новые перспективы рационального использования индустриальных средств интенсификации сельскохозяйственного производства. Взаимосвязь и взаимообусловленность – объективная основа, определяющая устойчивое функционирование АПК как целостной, воспроизводственной системы. Об этом свидетельствует опыт индустриализации сельского хозяйства развитых капиталистических стран. Важной отличительной чертой этого процесса является возрастающее воздействие на природно-биологический потенциал сельскохозяйственного производства, проявляющееся в усилении внимания к селекционным работам в растениеводстве и животноводстве, использовании в этих областях новейших достижений науки и техники. Проблема достижения устойчивости аграрного производства приобретает особую остроту в связи с резким удорожанием энергетических ресурсов, необходимостью изыскания новых источников энергии, экономным расходованием топливно-энергетических ресурсов. Однако научно-технический прогресс в АПК не только интенсифицирует производственный процесс, но и усиливает неустойчивость естественных средств производства, природных ресурсов. Раньше сельскохозяйственное производство полностью приспосабливалось к природной основе. Природные системы, функционирующие на основе саморегулирования, хотя и были низкопродуктивны, однако стабильны и устойчивы. Повышение продуктивности растений при интенсификации достигалось за счет регулируемых человеком факторов и, следовательно, вторжения в природное равновесие. В свою очередь, для

смягчения неблагоприятных факторов приходится использовать интенсивные факторы индустриального характера. Поэтому в современных условиях в развитии и устойчивом функционировании АПК, и прежде всего его второй сферы, настоятельно необходимо все больше возвращаться к его природной, экологической основе.

Одну из важнейших сфер взаимодействия природы и общества в рамках АПК составляют сельскохозяйственные экосистемы, созданные трудом человека посредством преобразования или образования новых природных экосистем с целью максимального использования отдельных их звеньев для удовлетворения общественных потребностей. Так же, как и естественные экосистемы, они направлены на обеспечение жизни и развития организмов и так далее, а через них – человека и общества, вследствие чего устойчивость АПК как системы определяется стабильностью развития его центрального звена, в качестве которого выступает сельскохозяйственное производство.

Оптимизация структуры АПК, выделение в нем приоритетных направлений как одних из составляющих его динамики определяет необходимость широкого использования принципа научности принимаемых решений в АПК, развития форм связи науки с производством. Необходимость систематического практического применения достижений науки, техники и передового опыта как неотъемлемых элементов повышения эффективности агропромышленного производства обусловила превращение информации в один из важнейших инструментов обеспечения устойчивого развития АПК. Научно-техническая информация способствует ускорению внедрения различных новшеств, рациональной организации производства и труда в соответствии с тенденциями научно-технического и социально-экономического прогресса. Ускорение роста эффективности производства АПК с целью его устойчивого функционирования требует опережающих темпов развития научно-технической информации и новых форм научного обслуживания производства.

Процесс непрерывного развития техники, технологии, науки, биологических средств тесно связан с совершенствованием рабочей силы. Под влиянием научно-технического прогресса меняются место и роль человека в процессе общественного производства, содержание его трудовых функций. Поскольку работнику агропромышленного производства приходится иметь дело с растениями и животными, постольку использование машинной техники обуславливает обогащение функционального содержания труда не только за счет рабочих операций, связанных с обслуживанием и эксплуатацией машин, но также и за счет трудовых приемов и знаний, необходимых при внедрении в производство передовых агротехнических приемов возделывания сельскохозяйственных культур и более прогрессивных методов содержания и выращивания скота. Обязательным условием производительного использования искусственных средств является наличие наряду с техническими знаниями и навыками довольно высокого уровня агротехнических и зоотехнических знаний. Влияние индустриализации выражается и в изменении условий труда, т. е. комплекса взаимосвязанных факторов социально-экономического, технического, естественно-биологического, психофизического, санитарно-гигиенического и эстетического характера, отражающего основные стороны трудового процесса. Совокупность этих факторов способствует созданию производственных условий для более полного развития физических и умственных способностей человека, влияет на его здоровье и работоспособность, отношение к труду и на эффективность деятельности. Таким образом, повышение профессионально-квалификационного, культурно-технического уровня работников агропромышленного производства, изменение содержания и условий их труда выступают в качестве важнейших

факторов повышения эффективности АПК, его стабильного и устойчивого развития.

Однако главным в рассматриваемой нами проблеме является сбалансированное решение задачи развития АПК, проблем сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала. Концепция устойчивого развития основывается на том, что единственный путь обеспечения долгосрочного экономического прогресса – это его увязка с охраной окружающей среды. Для достижения устойчивого развития защита окружающей среды должна составлять неотъемлемую часть процесса развития и не может рассматриваться в отрыве от него, что предполагает эффективное распределение ресурсов как между поколениями, так и во времени, т. е. необходимо, чтобы природные ресурсы распределялись как на основе их реальной стоимости в каждый данный отрезок времени и чтобы не была утрачена ценность природных и созданных человеком богатств. И наконец, устойчивое развитие предполагает такое состояние, когда экономическая деятельность современного поколения не должна создавать недопустимую нагрузку на те экологические системы, от которых зависит жизнь нынешнего и будущих поколений¹.

Переход к рыночной экономике означает, что применительно к земле вхождение в рынок связано с разработкой методологии и механизма определения цены земли и платы за нее, основывающихся на теории ренты. Имеющиеся методологические и методические разработки в области экономической оценки природных ресурсов и платы за них требуют определенной корректировки в условиях рынка. Речь идет об анализе сущности ренты в органическом единстве двух ее аспектов: на микро- и макроуровнях. Такой методологический подход составляет основу логики исследования "Капитала", где рента на микроуровне рассматривается в 6-м разделе III тома, а на макроуровне – в главе 21-й II тома и главе 49-й III тома. Образование ренты на макроуровне обусловлено рынком земли и других природных ресурсов, и она выступает как часть прибавочной стоимости, созданной в I и II подразделениях общественного производства. В классических макроэкономических моделях процесс воспроизводства включает воспроизводство средств производства, предметов потребления, трудовых и природных ресурсов, экономических отношений, в том числе и рентных. Природные ресурсы как стоимостные составляющие определяют не только стоимость продукции I и II подразделений, но и всего общественного продукта. Поэтому следует согласиться с теми исследователями, которые предлагают в качестве базы исчисления нормативов платы за землю принимать ее народнохозяйственную ценность и определять по следующей формуле:

$$R_j = \frac{V \cdot m}{S \cdot E} \cdot K_j,$$

где R_j – народнохозяйственная ценность земли для j -го региона, р./га; m – созданный в общественном производстве страны прибавочный продукт, р./год; S – общеземельный фонд Республики Беларусь, подлежащий налогообложению, га; V – коэффициент, характеризующий вклад земли как фактора производства в величину прибавочного продукта ($1 \leq V \leq 0$); E – норматив учета фактора времени, 1/год; K_j – коэффициент регионального качества земель. Рассчитанная по данной формуле народнохозяйственная ценность земли является аналогом цены земли при равенстве спроса и предложения на нее на рынке земли и дает возможность связать плату за землю с различными формами собственности, категориями земель². Это должно составлять основу создания и введения в действие нового экономического механизма расширенного воспроизводства плодородия почв, который может стать неотъемлемой частью всей экономической, правовой и экологической

системы управления и использования земельных ресурсов, обеспечения заинтересованности землепользователей в улучшении угодий. Поэтому платежи за земли должны поступать в местные органы управления, на территории которых расположены земельные участки, и использоваться для формирования Фонда сохранения и улучшения земель.

Необходимо, чтобы механизм расширенного воспроизводства охватывал и распространялся не только на плодородие почв, но и на другие естественные средства производства и в целом на окружающую среду. Следует в корне пересмотреть устоявшиеся привычные категории показателей оценки работы в агропромышленном производстве, отражать в них не только экономические результаты, но и экологические последствия, учитывать их при оценке результатов хозяйственной деятельности, при моральном и материальном стимулировании, что необходимо не только непосредственно во второй сфере АПК, но и в других воспроизводственных звеньях. Требования эколого-экономического принципа должны учитываться, начиная с научно-проектных разработок и производства ресурсов для АПК. Экологизация производственных процессов АПК должна охватывать внедрение экологически чистых малоотходных и безотходных технологий развития комбинированных производств, полное и комплексное использование природных ресурсов, сырья и материалов, основанных на современных достижениях научно-технического прогресса и исключающих или существенно снижающих вредное воздействие на окружающую среду. Внедрение таких технологий в отраслях АПК не только увеличивает объемы полезно используемых природных ресурсов, но и оказывает влияние на восстановление экологического равновесия и повышение интенсивности экономического использования природных ресурсов. Эколого-экономический принцип функционирования АПК представляет целостный характер, и его действие направлено на достижение народнохозяйственного эффекта. Поэтому экономические проблемы агропромышленного производства надо решать во взаимосвязи с задачами сохранения экологического равновесия, исходить из необходимости достижения конечной цели развития АПК. При этом конечной целью эколого-экономического развития АПК страны наряду с наиболее полным удовлетворением общественных потребностей в экологически чистых продуктах питания должно быть и поддержание окружающей среды природной сферы в благоприятном состоянии. Таким образом, решение проблемы обеспечения устойчивого функционирования АПК тесно связано с дальнейшей оптимизацией его структуры, определением приоритетных направлений развития, разработкой и освоением адаптивных систем его ведения, ускорением комплексной реализации достижений научно-технического прогресса, эколого-экономическим принципом развития АПК. Для достижения стабильной, устойчивой динамики АПК важное значение имеет также проведение таких социально-экономических преобразований, которые составляли бы основу всей экономической деятельности АПК и придавали развитию агропромышленного производства более поступательный характер.

¹ Перрингс Ч. Экономический рост и устойчивое развитие // Мир науки. 1991. № 1. Т. 35. С. 5.

² Рабинович Б. Земельная собственность и плата за землю при переходе к рынку // Вопросы экономики. 1991. № 3. С. 100–103.

П.С. ЛЕМЕЩЕНКО

**ИНФОРМАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА И ЭЛЕКТРОННАЯ ТОРГОВЛЯ:
ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА**

Петр Сергеевич Лемещенко – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономических наук. Автор монографии «Теоретическая экономика», научный редактор и соавтор книги «Очерки политической экономики», соавтор «Словника категорий экономической теории». Опубликовал более 50 научных работ по методологии и истории экономической науки, теории институциональной экономики, политико-экономическим проблемам роста и динамики, прикладным аспектам переходной экономики.

This paper considers the peculiarities and some laws of the origin and functioning of the information economy. It also analyzes the contradictory influence of trade and other new economic forms, conditioned by the world global changes, on the process of social and economic development.

Активное использование в экономике информационных технологий расширяет диапазон деятельности фирм, домохозяйств и других институтов и, несомненно, требует всестороннего и системного осмысления нового уникального явления во всей его полноте. Однако, как показывает анализ, во-первых, практика значительно опережает теоретическое освоение этой достаточно подвижной и противоречивой проблематики. Во-вторых, при ее обсуждении очевидным становится преобладание технико-технологической составляющей как в подходах, так и в самом содержании оценки. В-третьих, прослеживается узкоспециализированная направленность в исследованиях по широкому использованию информационных и компьютерных технологий в различных экономических, социальных, политических и иных процессах. Узкоспециализированные и, таким образом, однобокие, фрагментарные исследования не позволяют воссоздать целостной картины реального экономического мира, существенно изменившегося как по содержанию, так и по своим формам под воздействием информационного сектора с его соответствующими отраслями и подотраслями.

Любое новое экономическое явление проходит известные три этапа: *возникновения и становления, развития и совершенствования, упадка и разложения*. Использование электронных средств коммуникаций здесь не является исключением, так как к концу текущего столетия можно зафиксировать этап развития информационного сектора экономики, в котором электронная форма торговли занимает лишь небольшое место в информационном секторе экономики: науки и научного обслуживания, банковской и финансовой отраслей, различных информационных технологий и программного продукта, коммуникационной системы, справочного и библиотечного обслуживания. В индустриально развитых странах сектор информационной экономики обеспечивает уже около 70 % ВВП. Как в свое время промышленность, так и ныне информационный сектор является основой для постепенной трансформации традиционных форм хозяйствования в экономическую систему постиндустриального, а в перспективе – и информационного типа, что иногда называют «новой экономикой».

Развитие информационного сектора является объективно детерминированным явлением, поскольку происходит резкое возвышение информационных потребностей людей, домохозяйств, фирм, корпораций и общества с его институтами. Формируется единая информационно-коммуникационная система, в которую разными темпами и формами включается все большее количество государств. К сожалению, как пишет Дж.Дж. Стиглер, для экономической теории информация по-прежнему ютится в трущобах, невзирая на то, что она является ценным ресурсом, поскольку знание – сила¹. Смысл этого и других аналогичных высказываний в том, что, во-первых, обращает-

ся внимание на проблемы самой теории и на необходимость ее развития через расширение объекта, а следовательно, и предмета науки о хозяйственных процессах. А во-вторых, выдвигаются актуальные новые исследовательские задачи в связи с возникающими проблемами, которые обусловливаются, например, информационно-коммуникационной системой.

Всякие новые организационные рыночные формы и структуры должны были бы являться следствием стремления экономической системы к минимизации различного рода издержек. Торговля с использованием электронных средств коммуникации по идее должна была бы обеспечить снижение тех транзакционных издержек, которые сопутствуют любому обмену товарных форм в рыночной системе. Этим также должно было бы разрешиться известное противоречие рыночного хозяйства, использующего преимущества разделения труда, специализации и денежной формы общественного богатства. Речь в данном случае идет о снижении больших материальных, денежных затрат и времени покупателя и продавца на поиск друг друга и заключении обоюдовыгодного классического вида контракта, при котором высока степень доверия партнеров в совершаемой сделке и ее неопределенности, начиная от равновесной цены и заканчивая вероятностью срыва этой сделки по вине одного из контрагентов, имеющих выгоду от такого оппортунистического поведения.

Использование компьютерных технологий, действительно, обеспечило динамику экономического и общественного развития, которое выразилось хотя и в небольших, но устойчиво положительных темпах роста за весь послевоенный период, а также в изменении многих институциональных оснований «старой» европейской цивилизации. Однако нельзя сказать, что существенный экономический рост произошел с помощью компьютерной техники. В некотором роде этот рост связан с самим развитием компьютерной техники, технологий и соответствующих услуг. Тем более нельзя говорить о реальном социально-экономическом прогрессе, поскольку по преимуществу количественный рост обусловил происхождение глобальных проблем, решение которых сегодня требует не только пересмотра оснований принципов хозяйствования, но и значительных затрат на исправление сложившейся ситуации в мире и в отдельных его регионах².

Актуализация и углубление теории транзакционных издержек, наверняка, поможет более-менее точно рассчитать эффективность новых институтов рыночной инфраструктуры, включающей в том числе и электронную торговлю. Анализ же предварительной информации позволяет утверждать, что на текущий момент общественные транзакционные издержки превышают полезный эффект (социальный и индивидуальный) от использования торговли с помощью компьютерных технологий. Причем этот вид издержек от проводимых обменных операций и выгод довольно неодинаково распределяется между участниками хозяйственных сделок и становится тормозом для новых инициатив предпринимателей, какую бы форму собственности они ни представляли. Возникшие новые рыночные организационные институты стали серьезным препятствием для малого и среднего бизнеса в индустриально развитых странах как с точки зрения непомерных затрат на открытие и ведение бизнеса, так и с точки зрения деловой его адаптации к уже существующей где-то безразличной, а где-то агрессивной по отношению к «новичкам» функционирующей экономической среды. Проблемы малого и среднего предпринимательства получили достаточно широкий резонанс в литературе за последнюю четверть века³.

Суть проблемы состоит в том, что обмен товарами, естественно, вытекающий из разделения труда и обособления (спецификации) прав собственности, на стадии развития промышленного капитала (рынка свободной конкуренции) еще не имел своей организационно-функциональной формы, обособление которой потребовало определенной уступки торговому капиталу

части добавленной стоимости на уровне оптовой торговли посредством соответствующих скидок. При этом информационным и денежным посредником между реальным производителем и потребителем, определяющим и формирующим конъюнктуру рынка, стал торговый капитал. Его история и теория деловых циклов подтверждают мощное влияние организационных форм, мотивации поведения, механизма расчетов с поставщиками и прочего на колебания экономической конъюнктуры, а следовательно, и воздействие на рост и экономические кризисы. Уже на этой стадии профессионального посредничества (биржи, брокерские и дилерские конторы, торговые дома, палаты и пр.) создалась ситуация, когда, во-первых, начали расти по разным каналам транзакционные издержки производителей за сбыт своей продукции, что подтверждается структурой цены продукции, в которой отражена растущая динамика затрат на реализацию товаров и услуг. Во-вторых, на этом «стыке» начал возникать информационный шум, искажающий реальное положение на рынке. Возникла монополия на информацию, за которую уже надо было платить (за участие в аукционе, за рекламу, торговое место). К тому же информация стала спекулятивным товаром, приносящим монопольную прибыль, включающую и взятки за доступ к информационным источникам. Однако главное даже не в крайней сомнительности с моральной и правовой точки зрения оказываемой услуги. Главная проблема заключается в неверном формировании представления о реальной экономической ситуации, которая является отправной точкой для новых производственных программ фирм, отраслей и всей экономической политики. В итоге ученые «помогают» прогнозированию экономической динамики, например, «теоретическим» обоснованием будущей конъюнктуры как по отдельным товарам, их группам, так и в целом. Данные материалы становятся основой фьючерсных контрактов, которые приобрели большой размах за последние три десятилетия. Дж. Сорос писал в своей книге «Алхимия финансов» о том, что институт науки своим авторитетом «обоснованного прогноза» может задавать неверные параметры поведения хозяйствующим субъектам, простым обывателям и государству. Но рано или поздно очередной кризис приводит в соответствие практику с ее структурой производства и потребления, а науку с ее выводами. История здесь богата на факты, подтверждающие это, равно как и то, что пока ни один, к сожалению, научный прогноз относительно будущей конъюнктуры не подтвердился. Например, к концу октября 2000 г. индекс Доу – Джонса снизился на 400 пунктов, а индекс электронной биржи фирмы АБМ отреагировал падением при этом на 100 пунктов. Последнее обстоятельство заставляет задуматься о причине такого распространенного парадокса. Частичное объяснение последнему уже высказано в предыдущих строках, когда отмечалось влияние широко распространяемых научных идей, в которых трудно бывает отличить истинное заблуждение от сознательно вводимого, на принятие решений экономическими и политическими контрагентами. Другие же факторы научного предвидения конъюнктуры лежат уже в плоскости практического воспроизводственного механизма функционирования экономики.

Внедрение в торговую сферу (как в оптовую, так и в розничную торговлю, банковскую систему) компьютерной техники и соответствующих технологий внесло свои коррективы в реальный механизм транзакционных товарных и денежных операций. Но противоречие знака (стоимости) и вещи (потребительной стоимости) значительно углубилось. Первая сторона приобрела самостоятельное существование и движение, фетишизируя весь процесс торговли и истинное предназначение последней – соединить покупателя с продавцом, реализовав их цели и интересы. В данном случае для усиления реализации своих чисто коммерческих интересов торговый капитал слился с финансовым капиталом благодаря активной политике финансового рынка с его инструментами и механизмами. Общий результат такого объединения

достаточно известен – сложилась виртуальная сфера экономики с ее глобальным риском общей нестабильности, проблема которой активно занимает умы экономистов, думающих о перспективном развитии мировой системы в целом и национальных и региональных экономик в частности. Двухпроцентная доля, попадающая на торговлю из всей совокупности годовых трансакционных операций в мире, действительно подтверждает остроту нестабильности мировой экономики и ее стратегических перспектив.

Вторая сторона торговли – потребительная стоимость или вещь – попала под контроль различных институтов и организаций, комитетов и комиссий, ассоциаций и обществ. Они своими правилами стандартизации, унификации, кодирования, квотирования и прочими буквально разложили натурально-вещественную сторону товара на части, чем приобрели реальное влияние на торгово-экономические операции и их конечный исход. И в этом играют, как известно, активную роль самостоятельные консалтинговые фирмы, для которых эти услуги приносят ощутимый доход. Но следующий парадокс конца XX в. состоит в том, что эти фирмы действуют как монстры, не поддаваясь реальному контролю ни со стороны производителя, ни покупателя. Их заключения, вытекающие из коммерческих предпочтений и интересов, часто бывают смертельными для предприятий-производителей. Обжалование решения в суде требует огромных финансовых затрат, времени. Привлечение зависимых и независимых экспертов является опять-таки источником роста трансакционных издержек. Но в целом использование электронных средств передачи информации еще более обособило производителя от продавца, продавца от покупателя, где товар или услуга приобретают свою законченную форму бытия. Покупатель, оказавшись в море информации, становится беззащитным в своем решении «свободного выбора». Те предпочтения, о которых так долго и настойчиво говорили неоклассики, также оказались недифференцированными и неструктурированными. Таким образом, неопределенности и факторов риска с использованием компьютерных технологий в торговых операциях появляется больше, чем было ранее в период классического капитализма и свободной конкуренции. Увеличились при этом также материальные, финансовые и затраты времени продавца и покупателя на приобретение необходимых товаров и услуг.

Следовательно, стандартные модели анализа реальности, предлагаемые мейнстримом экономической теории для определенных ситуаций – просто хорошая гимнастика ума. Если бы экономическая теория не была такой узкоспециализированной, то можно было бы заметить и принять выводы ведущих управленцев в связи с распространением компьютерных технологий об изменении метода анализа жизненного цикла продукции с S-образного на U-образный⁴. Иначе говоря, внедрение в торговлю электронной техники создает все условия для очередного, но уже управляемого кризиса, и в этом кризисе заранее можно предсказать выигравших и проигравших, но при условии профессионального изучения теории конъюнктуры, нуждающейся в пересмотре.

Еще одна проблема для торговли заключается в монополизации как производства самой техники, так и программного продукта, функционировании глобальных сетей и обслуживании всего арсенала техники. Например, в 1990 г. члены «клуба семи» обладали 80,4 % мировой компьютерной техники и обеспечивали 90,5 % высокотехнологичного производства. Только на США и Канаду приходилось 42,8 % всех производимых в мире затрат на исследовательские разработки⁵. Использование электронных средств накопления и передачи информации в этих условиях сразу снимает тайну со всех коммерческих сделок, что всегда было хрестоматийным явлением и условием совершаемой сделки. Ни один крупный контракт (особенно государственный) сегодня почти не обходится без участия государственного чиновника. Защита же от проникновения в таинство торговых сделок – часто дело

очень дорогостоящее и малоэффективное по вполне объяснимым причинам. Малым и средним фирмам оно вообще неподвластно из-за своей дороговизны и естественных кадровых проблем.

Страны с так называемыми транзитивными экономиками по многим параметрам отличаются от стран индустриально развитых. Их «стабильное неразвитие», опосредованное в том числе и крайне слабой интегрированностью в общую информационную сеть, в некоторой мере становится условием «неразвитой стабильности». Директорский корпус и узкие специалисты-маркетологи верно утверждают, что слабая информированность (прямая и обратная), например, для белорусских предприятий является камнем преткновения при продвижении товаров на европейские рынки. Часто также непонимание мирового рынка приводит или к закупкам плохого сырья и комплектующих, или по явно завышенным ценам. В то же время слабая интегрированность в информационно-экономическое пространство, как бы это еретически ни звучало, является условием защиты от внешних «шоков» глобальной экономики.

Необходимо всесторонне анализировать и понимать, что внедрение любых новых экономических форм сопровождается не только выгодами (социальными, частными, индивидуальными), но и разного рода издержками. Среди последних, например, считаемые и не считаемые совокупные трансакционные могут дестабилизировать экономическую динамику, развитие и рост. По крайней мере новые импортируемые в РБ институты до сих пор не обеспечили выход экономики и общества на траекторию устойчивого развития. Среди же многих факторов и условий поступательного воспроизводственного процесса (производство, распределение, обмен и потребление) трудно переоценить значение торговли. Трудно получить также выгоду, не имея опыта и кого-то «догоняя». Мы же «догоняем», подражая и копируя экономические формы, которые уже где-то дали отрицательные последствия, способствующие нарушению хрупкого институционального равновесия. Научное управление экономикой предполагает выяснение как отрицательных, так и позитивных последствий вводимых в экономическую систему новых экономических форм и институтов.

¹ Стиглер Дж. Дж. Экономическая теория информации // Вехи экономической мысли: В 3 т. / Под ред. М. Гальперина. СПб., 1999. Т. 2. С. 507.

² См.: Туроу Л. Будущее капитализма. М., 2000; Новая постиндустриальная волна на Западе / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999.

³ Смолбоун Д., Вельтер Ф., Слонимский А. Барьеры на пути развития малого предпринимательства в Беларуси // БЭЖ. 2000. № 1. С. 71–80.

⁴ Поппель Г., Голдстейн Б. Информационные технологии: миллионные прибыли. М., 1990. С. 231–238.

⁵ Философия хозяйства. 1999. № 2. С. 171.



БЕЛАРУСКАМУ ДЗЯРЖАЎНАМУ
УНІВЕРСІТЭТУ



ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА В БГУ ЗА 80 ЛЕТ

Воссоздание белорусской юридической науки началось вместе с возрождением белорусской государственности в 1918–1921 гг., которая имеет многовековую историю развития. У истоков современной белорусской правовой науки стояли известные ученые: М.В. Довнар-Запольский, В.И. Пичета, В.Д. Дружниц, Г.Я. Поречин, М.О. Гредингер и другие ученые, которые работали в Белорусском государственном университете в 20-е гг. XX в. В начале 1930-х гг. многие белорусские ученые были репрессированы, и научная деятельность правоведов прекратилась. Развитие белорусской советской юридической науки возобновилось во второй половине 1950-х гг. после XX съезда КПСС, который осудил культ личности Сталина и расширил права союзных республик. В 1957 г. Верховный Совет СССР принял закон о разрешении союзным республикам издавать свои кодексы: уголовный, гражданский, процессуальные, что сразу же оживило правотворчество и научную деятельность правоведов.

Научные разработки по теории и истории государства и права, которые осуществляются на факультете, способствуют воспитанию у молодежи уважения к своему Отечеству. Ученые белорусской школы теории и истории государства и права разработали ряд важных направлений в науке и одновременно участвовали в подготовке проектов новых законов и в переиздании нормативных актов древности: Статута 1588 г., договоров и грамот. Активное участие в этой работе приняли А.М. Абрамович, Б.Е. Бабицкий, Ю.П. Бровка, В.А. Дорогин, Т.И. Довнар, С.Г. Дробязко, В.Н. Сатолин, А.Г. Тиковенко, И.А. Юхо.

В 1969–1971 гг. было издано первое в республике пособие по уголовному праву БССР, затем в 1978 г. – учебник по уголовному праву БССР, который подготовил коллектив авторов – основателей белорусской школы уголовного права в Белгосуниверситете: И.И. Горелик, И.С. Тишкевич, П.А. Дубовец, Е.В. Кичигина, М.Н. Меркушев, В.С. Швецов, В.А. Шкурко. Начатую работу успешно продолжают А.В. Барков, Н.А. Бабий, И.О. Грунтов, В.М. Хомич, В.В. Тимошенко, Ю.Л. Шевцов и другие ученые юридического факультета.

В 1970–1980-е гг. в университете оформилась школа гражданского и гражданско-процессуального права, изданы

учебники по этим дисциплинам. Созданию и развитию белорусской школы гражданского и гражданско-процессуального права способствовали Т.А. Белова, К.А. Борзова, Ф.И. Гавзе, В.Н. Годунов, И.Н. Колядко, С.В. Курылев, О.С. Курылева, В.В. Левый, Г.Т. Мелешко, А.Н. Романович, В.А. Романенко, В.Г. Тихиня, В.Ф. Чигир, Н.Г. Юркевич, Г.В. Яковлева. В то же время на юридическом факультете создана школа уголовно-процессуального права и криминалистики, развитию которой способствовали такие ученые, как В.Н. Бибило, С.П. Бекешко, Н.Н. Гапанович, А.А. Данилевич, А.В. Дулов, Л.Л. Зайцева, А.И. Костров, А.В. Лапин, И.А. Матусевич, И.И. Мартинович, Е.А. Матвиенко, Е.К. Острога, В.Н. Шпилёв, Г.А. Шумак.

Следует отметить достижения белорусской университетской школы государственного, конституционного и административного права, в становление и развитие которой весомый вклад вносят Г.А. Василевич, С.Р. Вихарев, А.А. Головки, А.Н. Крамник, А.Т. Лейзеров, Л.А. Приходько, Е.Н. Тагунов. Ученые этого направления участвовали в подготовке проекта Конституции Республики Беларусь и издании учебников, научных пособий и монографий. Значительных успехов научная школа достигла после принятия Декларации о государственном суверенитете Белорусской ССР в 1990 г.

Развитие юридической науки в Белорусском государственном университете отражено в следующих монографиях: И.А. Юхо, С.Ф. Сокол «История юридической науки Беларуси» (Мн., 2000), Л.П. Максимова «Юридический факультет Белорусского государственного университета. История и современность» (Мн., 1998), которые являются своеобразными короткими летописями юриспруденции Беларуси.

Доктор юридических наук И.А. Юхо

В.М. ХОМИЧ

**НА ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИБЕРАЛЬНОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ
(К ИСТОКАМ ПРАВОВОЙ КОНЦЕПЦИИ)**

Хомич Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ. Ученый и специалист в области уголовного и уголовно-исполнительного права, соавтор разработок ряда международных проектов в области реформирования уголовной политики. Автор более 120 научных работ по проблемам уголовного и уголовно-исполнительного права. Приверженец либерально-гуманистического направления в уголовной политике. Разработанная В.М. Хомичем концепция института уголовной ответственности нашла адекватное отражение в принятом в 1999 г. Уголовном кодексе Республики Беларусь.

The article states the prognostic analysis of the influence on the criminal politics of the criminal responsibility system and the forms of its realization which have been worked out in the Republic of Belarus and consolidated in Criminal Code 1999. In the author's opinion, the strengthening of the resocializing influence on the criminal must be fulfilled not at the expense of broadening punitive characteristics of punishment and its forms, but by means of creative alternative to punishment measures of influence in accordance with the probation system within the framework of the institute of criminal responsibility. In this connection serious concern of effectiveness of using some forms of punishment is spoken out.

К числу фундаментальных проблем науки уголовного права, которые были решены в процессе реформы уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Республики Беларусь, относится разработка на доктринальном и нормативном уровнях системы уголовной ответственности и форм ее реализации. Давно назрела необходимость выработки принципиально новых подходов к содержанию уголовной ответственности, более широкого внедрения в нее режимно-ограничительных и режимно-профилактических мер воздействия. Осознание такой необходимости все отчетливее проявлялось на уровне государственных структур, ответственных за формирование уголовной политики. Однако предусмотренные дореформенным уголовным законодательством альтернативные системы мер уголовно-правового воздействия (условное осуждение, отсрочка исполнения наказания и др.) в силу несовершенства их правовой регламентации и отсутствия контролируемого профилактического воздействия на осужденного не стали эффективным противовесом лишению свободы. Позитивное решение указанной задачи стало возможным только на основе разработки адекватной теоретической модели ответственности, определения всех факторов, составляющих ее содержание и механизм реализации. Впервые на постсоветском пространстве такая концепция уголовной ответственности, позволяющая охватить весь спектр возможных мер уголовно-правового воздействия, была разработана на кафедре уголовного права Белорусского государственного университета.

Суть указанной концепции заключается в том, что государственное осуждение преступника по приговору суда рассматривается не в качестве самостоятельного (равного с другими) или единственного акта проявления уголовной ответственности, а как основосодержащий ее элемент, определяющий пределы, правовую подверженность и режим осуществления данной ответственности.

Состояние осужденности преступника в Уголовном кодексе 1999 г. (в дальнейшем – УК) выражает длящийся процесс его порицания, правовое обозначение того, что данное лицо нуждается во «внимании» (профилактическом и испытательном воздействии) со стороны уголовно-исполнительных органов государства относительно возможного рецидива преступления. Именно этим и была обусловлена необходимость утверждения режима осу-

ждения в качестве основосодержащего элемента уголовной ответственности и, как следствие этого, определения его правового статуса.

Осуждение по приговору суда лица, совершившего преступление, является специфической основоопределяющей мерой уголовной ответственности, которая устанавливается посредством приговора, выражает режим ответственности, ее пределы (с момента вынесения акта осуждения до прекращения состояния судимости), предопределяет возможность применения на основе осуждения иных целенаправленных мер воздействия в соответствии с уголовно-правовой санкцией. Государственное осуждение лица, совершившего преступление, как преступника само по себе является существенным фактором уголовно-правового воздействия. Из признания состояния осуждения (осужденности) в качестве основы уголовной ответственности, определяющей не только режим принудительного осуществления мер ее воздействия, но и режим контролируемого профилирования, следует, что уголовная ответственность может проявляться исключительно в осуждении преступника (ст. 79 УК).

Актуализация воздействующего характера самого осуждения и порожаемого им режима была достигнута, во-первых, путем законодательного определения системы ограничений, обусловленных исключительно состоянием осужденности лица и обеспечивающих его подконтрольность органу, осуществляющему наблюдение за ним в течение срока судимости (ст. 80 УК), и, во-вторых, установлением прямой зависимости продолжительности судимости лица от опасности (тяжести) совершенного им преступления.

Разработчики концепции исходили из того, что правоограничения статуса лица, подвергнутого уголовной ответственности, должны быть связаны не только с применением наказания или иных специально определенных судом мер испытательного и профилактического воздействия, но и с состоянием осужденности лица, которое оборачивается для него режимом принудительной подверженности наблюдению в целях профилактического воздействия. Благодаря этому была обеспечена действенность таких форм реализации уголовной ответственности, как осуждение без применения наказания (ст. 79 УК), осуждение по системе probation (ст. 77 и 78 УК), осуждение с применением принудительных мер воспитательного характера (ст. 117 УК).

Меры ограничения правового статуса осужденного, обусловленные исключительно состоянием его судимости, призваны обеспечить режим его подконтрольности в целях осуществления профилактического наблюдения. Режим профилактического наблюдения является неотъемлемым свойством осуждения, хотя проявляется далеко не во всех случаях. В соответствии со ст. 86 УК он осуществляется за осужденными за тяжкие или особо тяжкие преступления после отбытия наказания, обеспечивает режим контролируемого испытания при отсрочке его исполнения (ст. 77 УК) и условном его не применении (ст. 78 УК), наконец, систему профилактического воздействия при осуждении без назначения наказания (ст. 79 УК).

В таком понимании состояние осуждения продуцирует реальный процесс профилирования и испытания лица, подвергнутого уголовной ответственности, особенно когда она выражается только в осуждении (без назначения наказания), а равно, когда состояние судимости продолжается еще некоторое время после отбытия наказания. В известных случаях состояние осужденности после отбытия наказания в виде лишения свободы может усиливаться мерами превентивного надзора – ограничениями более существенными, чем те, которые сопровождают профилактическое наблюдение (ст. 81 УК).

Со стороны общества осуждение выражает степень порицаемости личностной системы ценностей преступника. Оценка лица как преступника, основанная на характере и степени опасности содеянного, выражает уголов-

но-правовое отношение к данному лицу с точки зрения того, насколько оно опасно, а это позволяет прогнозировать, как долго может сохраняться состояние осуждения с учетом применения в отношении данного лица ресоциализирующих мер уголовной ответственности¹. На основе указанных обстоятельств и устанавливается продолжительность судимости в УК 1999 г. Состояние осуждения предполагает возможность назначения и реализации иных специально назначаемых судом мер карательного и некарательного воздействия. В единстве с осуждением указанные меры составляют в целом феномен уголовной ответственности и соответственно ее проявление в каждом конкретном случае.

Проблема объема ответственности, системы конкретизированных мер воздействия, посредством которых государство стремится оказать влияние на преступника в целях предупреждения незаконных проявлений в будущем со стороны осужденного, включает вопрос о специальных мерах уголовной ответственности, назначаемых и реализуемых на основе осуждения. К ним могут быть отнесены меры: сугубо карательные (наказание) разной степени суровости, условно карательные с элементами специального профилактического и испытательного контроля, сугубо воспитательные (принудительные меры воспитательного характера, применяемые в отношении несовершеннолетних преступников). Степень суровости указанных мер определяется, конечно же, тяжестью совершенного преступления. Однако, если при установлении пределов продолжительности осуждения на первый план выдвигается тяжесть (опасность) совершенного преступления, то при определении собственно ограничительных мер воздействия ответственности, их объема (наказание, его вид и размер, условное наказание, продолжительность испытательного срока, характер принудительной меры воспитания) учитываются и обстоятельства, характеризующие личность преступника².

Осуждение преступника к наказанию и его реальное применение являются классической моделью уголовной ответственности, известной человечеству с момента зарождения уголовного права. Независимо от того, какое наказание назначено осужденному, его применение всегда ассоциируется с реальностью и неотвратимостью ответственности за совершенное преступление. К сожалению, фактор государственного осуждения преступника при этом незаслуженно затенялся, в лучшем случае, рассматривался как элемент наказания или последствие его применения. Между тем состояние осужденности преступника имеет самостоятельное значение, обеспечивая режим исполнения и отбывания назначенного наказания. Оно сохраняется известное время после его отбытия в целях осуществления необходимого профилактического и ресоциализирующего воздействия. Продолжительность состояния осужденности в представленной нами концепции зависит не только от классификационной тяжести совершенного преступления и вины, но и от срока назначенного наказания, если, разумеется, оно носит срочный характер.

Опыт борьбы с преступностью показывает, что усиление морального, воспитательного воздействия на преступника происходит не за счет расширения конструктивных признаков уголовной кары и увеличения ее видов, а посредством создания в рамках уголовной ответственности альтернативных наказанию (уголовной каре) мер воздействия, применение которых в большей степени требует актуализации факта осуждения лица, моделирования (на основе порицаемости преступника) режима подконтрольности осужденного мерам профилактического испытания. Уже сегодня фактически в таком режиме эффективно применяются такие меры уголовно-правового воздействия, как условное неприменение наказания и отсрочка исполнения наказания, осуществляется наблюдение за осужденными без назначения наказания и осужденными, отбывшими наказание. Пределы допустимой уголовной кары фактически ограничиваются действующей в обществе системой

видов наказания, установление которых – достаточно сложная социальная проблема. Решение ее зависит от ряда объективных и субъективных факторов общественного развития.

Давая анализ системы наказаний с учетом изменяющихся социальных факторов, влияющих на их применение, было признано, что изменения в системе видов наказания необходимы. Обусловлены они не столько эволюционными социальными процессами, сколько кардинальными изменениями в политической и экономической системах, которые начались после падения авторитарного режима правления. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что исполнение уголовных санкций осуществляется и будет осуществляться впредь только на территории Республики Беларусь, что требует учета наших возможностей в реальном их применении. Наше общество сегодня болезненно переживает переходный период, который сопровождается ростом общеуголовной и прежде всего экономической преступности, что влечет определенные трудности на пути создания прогностически-адекватной нашим социальным условиям системы наказаний.

Рассматривая зависимость между преступлением и тяжестью наказания в контексте либерализации уголовной политики, Гегель обратил внимание на то, что "если положение самого общества еще шатко, тогда закону приходится посредством наказания устанавливать пример, ибо наказание само есть пример, направленный против примера данного преступления", что "сила общества, его уверенность в своей силе и прочности... приводит к большей мягкости наказания"³. Безусловно, такая зависимость объективно существует. Однако в ходе реформы уголовного законодательства система наказаний не может определяться только шаткостью общества в переходный период, она потому и система, что рассчитана на дифференциацию уголовной политики в области наказания в зависимости от оценки социально обусловленной тяжести совершенного преступления. Стабильность системы наказаний заключается в адекватности дифференцированной системы уголовной кары не только структуре преступности, но и возможностью общества успешно применять альтернативные уголовной мере меры уголовной ответственности в целях предупреждения преступлений.

После долгих дискуссий рабочая группа, готовившая проект Уголовного кодекса Республики Беларусь, остановилась на следующей системе видов наказания: общественные работы, штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительные работы, арест, ограничение свободы, лишение свободы (в порядке от менее тяжкого наказания к более тяжкому). В качестве исключительных основных видов наказания УК 1999 г. предусматривает пожизненное заключение или смертную казнь, которые могут применяться на альтернативной основе только в отношении лиц, совершивших преступления, связанные с умышленным лишением жизни человека при отягчающих обстоятельствах. Указанный подход сегодня является наиболее оптимальным, соответствует общественным ожиданиям и потребностям. Ограничение применения смертной казни только случаями совершения преступлений, связанных с убийством человека при отягчающих обстоятельствах (автор является противником смертной казни), а также возможность применять в этих случаях пожизненное заключение вместо смертной казни создают благоприятную основу для постепенного формирования в общественном сознании предпосылок для полной отмены смертной казни.

УК 1999 г., сохраняя специальное наказание в виде направления военнослужащих срочной службы в дисциплинарную воинскую часть за совершение преступления, вводит новое наказание в виде ограничения по военной службе в отношении военнослужащих офицерского состава и сверхсрочной службы, совершивших нетяжкие преступления. В общем-то идея проста: и наказание отбывается, и служба идет, и армия внешне сохраняется. К тому

же в течение двух-трех лет не надо заботиться о продвижении по службе и повышении зарплаты осужденному военнослужащему; государственная казна будет ежемесячно получать от пяти до двадцати процентов его заработка. Между тем очевидно, что армия – не место исполнения наказания. Люди, которым доверено оружие и защита отечества (речь идет об офицерском корпусе), не могут и не должны занимать офицерские должности, будучи осужденными за совершение преступления. Введение такого наказания аномально для любой системы комплектования армии, а для Беларуси тем более.

К числу основных наказаний в системе уголовных санкций, заслуживающих внимания, относятся лишение свободы и штраф. Значимость таких видов наказания, как лишение свободы, в условиях стабилизированной преступности, несмотря на известные его негативные свойства, определяется возможностью изолировать от общества наиболее опасных преступников, что необходимо в целях как частного, так и общего предупреждения преступлений (особенно для предупреждения новых преступлений со стороны лиц, неоднократно судимых и не желающих становиться на путь исправления). Лишение свободы относится к числу наказаний, которым суждено быть извечными спутниками преступности, но формы их будут и должны совершенствоваться как в направлении гуманизации условий и порядка отбывания данного наказания, так и усиления ресоциализирующих начал посредством введения так называемых полукрытых и открытых форм их исполнения.

Наряду с лишением свободы УК Беларуси 1999 г. предусматривает новый вид наказания – ограничение свободы, которое может назначаться на срок от шести месяцев до пяти лет и заключается в направлении осужденного на установленный судом срок в исправительное учреждение открытого типа, где он находится под надзором и в обязательном порядке привлекается к труду. В принципе суть этого наказания известна, ибо по своим правоограничениям и организационно-правовому режиму исполнения закрепляет ранее существовавшее условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением к труду в качестве самостоятельного вида наказания. Адекватная оценка указанной карательной меры воздействия в системе наказаний как самостоятельной связана с качественной характеристикой ее сущности и объема кары в сравнении с лишением свободы. Как известно, сущность наказания в виде лишения свободы заключается в факте изоляции от общества путем принудительного содержания осужденного в специальном учреждении (месте) и в контролируемой образе (порядка) жизни в течение его пребывания в данном учреждении или месте⁴. При ограничении свободы осужденный на срок данного наказания приписывается по месту нахождения исправительного учреждения открытого типа и находится под надзором. По существу, в этом случае имеет место открытое исполнение лишения свободы. Режим отбывания ограничения свободы и те правоограничения, которым подвергается осужденный в процессе применения данного наказания, по оценке зарубежных специалистов, адекватны сущности лишения свободы, исполнение которого осуществляется в открытой форме⁵. Однако, если сравнивать отбывание лишения свободы в колонии-поселении с отбыванием наказания в виде ограничения свободы в исправительном учреждении открытого типа, то очевидно, что разница между ними не более чем формальная. Можно ослабить карательные элементы ограничения свободы в целях качественного его обособления от лишения свободы, однако практика исполнения условного осуждения с обязательным привлечением осужденного к труду показала, что резервы такого совершенствования исчерпаны.

Отбывание наказания в колонии-поселении позволяет в необходимых случаях усилить режимные условия содержания осужденного путем перевода его в колонию с более строгой изоляцией в соответствии с уголовно-

исполнительным законодательством (конечно же, в судебном порядке) без предъявления в установленном порядке обвинения в уклонении от отбывания наказания, что исключается при осуждении к ограничению свободы. Поэтому дифференциация лишения свободы как традиционно устоявшегося наказания, воспринимаемого и преступником, и общественным мнением в качестве достаточно репрессивной, но вместе с тем и оправданной кары, является более предпочтительной перспективой. В этой связи для качественного обособления наказания, адекватного ограничению свободы, по нашему мнению, нет правового и фактического пространства.

Дифференциация лишения свободы на строгую, полуоткрытую, открытую изоляцию осужденного от общества в процессе исполнения данного наказания с ориентацией на создание оптимальных режимных ограничений для каждого вида (типа) отбывания лишения свободы упрощает проблему организации исполнения наказания, с которой уже столкнулась наша республика. Данная проблема могла бы быть решена посредством создания трех видов режима отбывания лишения свободы: *открытого*, *полузакрытого* и *закрытого*. К первому относятся колонии-поселения для лиц, совершивших преступления по неосторожности, и колонии-поселения переходного, адаптационного к свободе характера для переведенных из колоний полузакрытого и закрытого типа. Ко второму – колонии общего режима (территория колонии изолируется и находится под охраной, за ее пределами осужденные передвигаются при сопровождении, но без конвоя, трудоиспользуются вместе с вольнонаемными за пределами колонии и т. д.). В этих колониях должны отбывать наказание осужденные, которые ныне содержатся в колониях-поселениях для лиц, совершивших умышленные преступления, и в колониях общего режима. Фактически в данных колониях должны сочетаться одновременно два режима содержания: полузакрытый и закрытый. Нарушители требований режима полузакрытого исполнения лишения свободы должны переводиться по постановлению администрации на режим закрытого исполнения лишения свободы. Наконец, к третьему виду режима отбывания лишения свободы следует отнести колонии строгого и особого режимов. Тюремное заключение должно применяться только в виде исключения к осужденным за совершение преступлений при особо опасном рецидиве, а равно за совершение тяжких и особо тяжких насильственных преступлений.

В УК Беларуси 1999 г. сохранено наказание в виде исправительных работ с отбыванием их по месту работы осужденного. Оценка перспектив данного наказания проблематична. В условиях системы хозяйствования, основанной на государственной собственности, руководитель предприятия, организации или учреждения обязан был выполнять требования государства в части организации исполнения наказания в виде исправительных работ. Само же наказание основывалось на идее всеобщей трудовой повинности и "перевоспитания трудом". Очевидно, что исправительные работы как наказание совершенно неприемлемы в условиях хозяйственной деятельности, основанной преимущественно на частной собственности, когда принцип принудительного навязывания субъекту хозяйствования осужденного для "трудового перевоспитания" исключается. Поэтому исправительные работы с элементами материальной кары должны трансформироваться в разновидность штрафа (штраф в виде части годового заработка или дохода осужденного), а элементы так называемой трудовой ресоциализации – в наказание в виде обязательных работ.

Использование штрафа как меры уголовного наказания зависит от оптимального объема карательного воздействия, который определяется размером подлежащей взысканию суммы. Очевидно, однако, что репрессивность штрафа зависит и от материального положения осужденного. Учет этих двух моментов при определении системы штрафа как уголовного наказания и составляет суть проблемы его дифференциации в зависимости от тяжести со-

вершенного преступления и имущественного положения виновного. Представляется, что УК Беларуси не решает данную проблему. Штраф – одно из самых распространенных наказаний в системе мер карательного воздействия в большинстве стран мира⁶. В Германии в последние годы штраф применяется в 81–84 % случаев от общего количества осужденных с применением уголовно-правовой санкции. Во все времена в числе основных проблем применения штрафа была и остается проблема обеспечения его взыскания, а также правовых последствий для осужденного в связи с его уклонением от исполнения данного наказания. Оценивая различные системы применения штрафа⁷ и возможности их использования в национальном уголовном законодательстве, все-таки следует отдать предпочтение традиционной для наших условий системе определения штрафной санкции. Однако, что касается правового обеспечения исполнения штрафа, то мы являемся сторонниками замены штрафа в случае уклонения осужденного от его уплаты лишением свободы на основе закрепления принципа альтернативности данных наказаний в пределах санкции, предусматривающей ответственность за совершенное преступление. Принцип альтернативности должен фиксироваться в самом приговоре суда, которым осужденному назначается наказание в виде штрафа.

Несмотря на острую критику в печати, в УК 1999 г. сохранено дополнительное наказание в виде конфискации имущества, хотя его применение существенно ограничено. Отношение к конфискации имущества как уголовному наказанию далеко неоднозначно, так как данное наказание не созвучно требованиям личной и персональной ответственности виновного в преступлении, поскольку предполагает изъятие у осужденного имущества, приобретенного законным путем, т. е. направлено и против членов его семьи. Помимо всего, конфискация осложняет социальную ресоциализацию осужденного, имущество которого было конфисковано. Вместе с тем огромные негативные издержки процесса приватизации в странах бывшей социалистической системы, активное вторжение в пока слабо защищенную экономику организованной преступности, наличие больших возможностей для коррумпирования власти, участвовавшие случаи злоупотребления властью в корыстных целях склоняют к необходимости сохранения конфискации имущества в качестве дополнительного наказания за совершение тяжких и особо тяжких преступлений из корыстных побуждений.

Система уголовных наказаний в сочетании с альтернативными мерами уголовно-правового воздействия, которые вводит УК Беларуси 1999 г., позволяет проводить более взвешенную и дифференцированную уголовную политику в сфере борьбы с преступностью. Однако проведение такой карательной политики в Республике Беларусь будет зависеть от готовности и в какой-то мере от смелости судебной системы эффективно проводить ее в жизнь. В контексте указанных требований Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь 1999 г. (далее – УИК), вступивший в действие с 1 января 2001 г., являет значительный шаг в изменении правовой идеологии и практики функционирования уголовно-исполнительной системы на принципах верховенства права и безопасности общественной системы.

Система правоограничений, сопутствующих исполнению того или иного вида наказания, построена в УИК таким образом, чтобы оно выполняло не только карательную функцию, но и стимулировало на будущее законопослушное поведение осужденного. В этой связи существенно расширен объем правового материала в области регулирования порядка и условий отбывания наказания на уровне закона и тем самым ограничена область ведомственного правотворчества в сфере исполнения уголовных санкций, что способствует обеспечению режима законности в деятельности уголовно-исполнительной системы республики.

Гарантией прав осужденных независимо от вида отбываемого ими наказания является их общий правовой статус, который устанавливается гл. 2 (ст. 8–19) УИК «Правовое положение осужденных». Назовем лишь некоторые новые положения, касающиеся правового статуса осужденных. Так, осужденные к лишению свободы имеют право на пенсионное обеспечение во время отбывания данного наказания, на получение трудового отпуска, время работы в течение срока лишения свободы засчитывается в трудовой стаж. На общих основаниях предоставляется трудовой отпуск и осужденным, отбывающим такие наказания, как исправительные работы и ограничение свободы, а время работы в течение отбывания указанных наказаний также включается в трудовой стаж без каких-либо условий и оговорок. Таким образом, УИК 1999 г. устраняет препятствия на пути социальной адаптации осужденных после отбытия указанных наказаний, гарантируя им установленный государством стандарт на пенсионное обеспечение по возрасту или инвалидности. Нельзя не отметить, что указанные ограничения, предусмотренные прежним законодательством, не вытекали из сущности и содержания соответствующих видов наказания и носили неправовой характер.

Существенным достижением УИК 1999 г. является создание правовых стандартов формирования приемлемой для республики системы специализированных государственных органов и учреждений, которые и должны осуществлять (обеспечивать) исполнение назначенного судом наказания или иной меры уголовной ответственности в соответствии с требованиями уголовно-исполнительного законодательства. Реформа уголовно-исполнительной системы только начинается, поскольку необходимо постепенно создавать новую, а в определенной степени реорганизовывать существующую систему уголовно-исполнительных органов и учреждений, укомплектовывать их профессионально подготовительными специалистами, способными не только осуществлять контрольные и режимные мероприятия, но и по-новому вести ресоциализационную работу с осужденными. Данному вопросу и посвящена ст. 14 УПК («Органы и учреждения, исполняющие наказание и иные меры уголовной ответственности»).

Проблема, однако, осложняется тем, что за предшествующие реформе годы в Республике Беларусь, да и в целом на постсоветском пространстве, фактически не сформирована многоуровневая система органов и учреждений, деятельность которых функционально и профессионально была бы связана с исполнением уголовных санкций. Приоритет в прежние годы, к сожалению, и сейчас отчасти отдается исправительной (пенитенциарной) системе учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы. Однобокость такой политики сегодня весьма ощутимо сказывается на психологии людей, от которых зависит будущее реформы уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, ее социальная отдача уже в ближайшие пять-десять лет. Промедление в изменении инфраструктуры уголовно-исполнительных органов и учреждений, которые должны обеспечить исполнение всего арсенала мер уголовной ответственности, в конечном итоге может отрицательно повлиять на уголовную политику государства, фактически сделать невозможным реализацию тех прогрессивных тенденций, которые заложены в Уголовном и Уголовно-исполнительном кодексах Республики Беларусь.

В Республике Беларусь сегодня сложилась оптимальная система исправительных учреждений, предназначенных для исполнения лишения свободы. Вместе с тем эта система построена по принципу организации лагерного быта осужденных, изолированных от общества. Расчет в прежние годы на построение исправительных учреждений (колоний) для большего количества тюремного населения в условиях их неполной занятости существенно затрудняет работу администрации, особенно проведение ресоциализационных программ с учетом классификационных групп, отбывающих наказание.

В нынешних условиях задача заключается в том, чтобы существенно сократить численность осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях, посредством оптимальной карательной политики, используя весь арсенал уголовных санкций, предусмотренных Уголовным кодексом. Данные меры позволят сократить численность тюремного населения до разумной вместимости действующих в республике исправительных учреждений и постепенно перейти к их содержанию на пенитенциарных условиях – содержание осужденных по 4–6 человек в запираемых или незапираемых помещениях (камерах) в зависимости от уровня криминальной запущенности. В дальнейшем можно и нужно переходить к формированию в исправительных учреждениях отделений с учетом особенностей исправительного (в том числе психологического) обеспечения ресоциализационных мероприятий в отношении определенных групп осужденных – страдающие зависимостью от алкоголя, с психологическими отклонениями, с корыстной или насильственной ориентацией (проявляющие агрессивность и т. д.). Важно в ближайшие 10–15 лет превратить исправительные учреждения не только в места изоляции от общества наиболее опасных преступников в целях карательного воздействия, но и в центры ресоциализации этой категории осужденных, имея в виду, что они должны вернуться в свободное общество после отбытия наказания. Необходимо, чтобы Комитет исполнения наказаний при МВД Республики Беларусь уже сегодня сформировал в рамках своего ведомства отдел реформирования исправительных учреждений на принципах их пенитенциарной деятельности, который должен вести эту работу постоянно.

В обозначенной проблеме есть и другая сторона. Указанное может состояться, если одновременно Комитет исполнения наказаний при МВД Республики Беларусь приступит к формированию системы исполнительных органов, которые призваны обеспечить эффективное исполнение альтернативных лишению свободы наказаний и мер уголовной ответственности. Достаточно очевидная задача, которая должна решаться немедленно, – это необходимость создания арестных домов, предназначенных для исполнения наказания в виде ареста, а равно функционального становления исправительных учреждений открытого типа для содержания осужденных к наказанию в виде ограничения свободы. В соответствии с УИК Республики Беларусь на уголовно-исполнительные инспекции возлагается: исполнение таких наказаний, как общественные работы и исправительные работы; осуществление контроля за соблюдением ограничений осужденными к наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Однако существенным моментом в изменении функций инспекций является то, что на них возлагается контроль за осужденными с отсрочкой исполнения назначенного наказания (ст. 77 УК) и с условием неприменения назначенного наказания (ст. 78 УК), а также профилактическое наблюдение за осужденными без назначения наказания (ст. 79 УК). На уголовно-исполнительные инспекции возлагается также контроль за условно-досрочно освобожденными от отбывания таких наказаний, как лишение свободы, арест и ограничение свободы. По нашим оценкам, в ведении уголовно-исполнительных инспекций будет постоянно находиться более 80 % всех осужденных в республике как отбывающих соответствующие наказания, так и тех, к кому применены альтернативные меры уголовной ответственности (ст. 76–78 УК), в связи с чем численность существующих ныне инспекций должна быть увеличена уже сейчас, как минимум, в три раза.

Важной задачей реформирования уголовно-исполнительной системы республики является создание уголовно-исполнительных органов контроля за несовершеннолетними, осужденными к мерам уголовной ответственности, не связанным с применением наказания. Речь идет об осуждении несовершеннолетних с отсрочкой исполнения наказания (ст. 77 УК), с условным неприменением назначенного наказания (ст. 78 УК), наконец, с примени-

ем принудительных мер воспитательного характера (ст. 117 УК). В соответствии с ч. 9 ст. 14 УИК исполнение указанных мер уголовной ответственности в отношении несовершеннолетних осужденных возлагается на Инспекции по делам несовершеннолетних по месту жительства осужденных. Такие инспекции сегодня существуют, однако в соответствии с УИК 1999 г. они включаются в систему уголовно-исполнительных органов и наделяются новыми функциями. В нынешнем виде Инспекции по делам несовершеннолетних не готовы выполнить возлагаемую на них функцию уголовно-исполнительного органа, так как они малочисленны.

Уголовно-исполнительный кодекс существенно повышает организационный уровень применения принудительных мер воспитательного характера в отношении осужденных несовершеннолетних, которые должны осуществляться в режиме профилактического наблюдения за осужденными со стороны Инспекции по делам несовершеннолетних. Есть и другие очень важные моменты, которые имеют непосредственное отношение к формированию принципиально новой уголовной политики. В общем виде они сводятся к необходимости формирования новой «философии» отношения общества и государства к преступнику. Задача заключается в том, чтобы, изолируя от общества наиболее опасных преступников, более решительно применять уголовные санкции, альтернативные лишению свободы.

¹ См.: Хомич В. М. Формы реализации уголовной ответственности. Мн., 1999. С. 17–38.

² См.: Там же. С. 34–36.

³ Гегель Г. В. Ф. Сочинения. М.; Л., 1934. Т. 7. С. 240.

⁴ См.: Сандуров Ф. Р. Лишение свободы и социально-психологические предпосылки его эффективности. Казань, 1980. С. 6–26.

⁵ См.: Lammich S. Die gesetzliche Ausgestaltung des Vollzugs der Freiheitsstrafen in der UdSSR // Zeitschrift für Strafvollzug und Straffälligenhilfe. 1987. № 6. S. 331–343.

⁶ См.: Jescheck H.-H. Lehrbuch des Strafrechts: Allgemeiner Teil. 4 Auflage / Duncker-Humblot. Berlin, 1996. S. 623–634; Jescheck H.-H., Grebing G. Die Geldstrafe im deutschen und ausländischen Recht. B-Baden, 1978.

⁷ См.: Schöch H. Rechtsstaatliche und Kriminologische Grundlagen der strafrechtlichen Sanktionen in der Bundesrepublik Deutschland // Von totalitärem zu rechtsstaatlichem Strafrecht: Kriminalpolitische Reformtendenzen im Strafrecht osteuropäischer Länder. Freiburg, 1993. S. 361–383.

В.Н. ГОДУНОВ

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КОНТРАКТЫ И ДОГОВОРЫ ПОСТАВКИ ТОВАРОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ НУЖД: ОСОБЕННОСТИ И СОДЕРЖАНИЕ



Годунов Валерий Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданского права. Автор более 80 научных работ, в том числе двух монографий. Основная область научных исследований – правовое регулирование отношений по реализации (приобретению) товаров, в том числе для государственных нужд.

The article is devoted to the state contracts and delivery contracts of the goods for the state needs as to legal forms of acquiring the goods for the state needs. The features of the given contract relations distinguishing them from the delivery contracts are mentioned. Essential conditions of the state contracts and delivery contracts of the goods for the state needs are analyzed. Thus the concept of essential contract provisions of the whole is investigated. Proposals of improving legal regulation of deliveries of the goods for the state needs are introduced.

Для решения социально-экономических и иных задач государство испытывает потребность в товарах, работах и услугах в целях создания государственных материальных резервов, поддержания обороноспособности и государственной безопасности, обеспечения целевых программ и межгосу-

дарственных соглашений, поддержки функционирования отраслей социальной сферы, удовлетворения потребностей государственного управления и т. д. В качестве правовых форм отношений по приобретению товаров для госнужд в Гражданском кодексе Республики Беларусь¹ (ст. 495) названы государственные контракты на поставку товаров для государственных нужд и договоры поставки товаров для государственных нужд.

В ГК 1998 г. в отдельный параграф главы о купле-продаже наряду с собственно поставкой товаров выделена и поставка товаров для государственных нужд. Но это отнюдь не означает, что поставка товаров для государственных нужд становится видом купли-продажи². По своей сути она не что иное, как разновидность поставки, о чем свидетельствует также применение к отношениям по поставке товаров для государственных нужд правил о договоре поставки (п. 2 ст. 495 ГК). И хотя государственный контракт в определенной мере отличается от договора поставки товаров для государственных нужд, заключаемого поставщиком с конкретным покупателем (главным образом по субъектному составу, основаниям и порядку заключения), в целом их правовая природа одинакова.

Рассмотрим **особенности договорных отношений по поставке товаров для государственных нужд**, позволяющие отличать их от **договоров поставки**.

Во-первых, особенность договоров, регулирующих поставки товаров для государственных нужд, состоит в особых, нормативно закрепленных, целях использования товаров. И по государственному контракту, и по договору поставки товаров для государственных нужд одна сторона реализует товары, а другая их приобретает для обеспечения государственных нужд. Обычные договоры поставки направлены на достижение собственных, главным образом предпринимательских, целей. Конечно, и при поставке для государственных нужд поставщик (исполнитель) преследует также свои интересы, но не они являются определяющими.

Во-вторых, отношения по поставке товаров для государственных нужд характеризуются особенностями своего субъектного состава и структуры договорных связей. В государственном контракте стороной является само государство, представленное уполномоченными органами и организациями, именуемыми государственными заказчиками. Последние могут либо непосредственно осуществлять права и обязанности по поставке товаров для государственных нужд как покупатели, либо при заключении государственного контракта предусмотреть в нем заключение еще и договора поставки товаров для государственных нужд. Во втором случае поставщик (исполнитель) заключает наряду с государственным контрактом договор поставки товаров для государственных нужд с покупателем, определяемым государственным заказчиком.

В-третьих, для государственных контрактов и договоров поставки товаров для государственных нужд установлены определенные основания их заключения. Первые заключаются на основе заказа государственного заказчика, принятого поставщиком (исполнителем), вторые – на основе извещения о прикреплении покупателя к поставщику (исполнителю), выданного государственным заказчиком в соответствии с государственным контрактом. В отношении обычных договоров поставки действует принцип свободы договора, кроме случаев, когда товары не могут реализоваться по собственному усмотрению.

В-четвертых, особенности государственных контрактов и договоров поставки товаров для государственных нужд проявляются в порядке их заключения, который строится на сочетании свободного волеизъявления сторон договорных отношений по поставке товаров для государственных нужд и элементов обязательности, когда государственный заказчик и поставщик (исполнитель) не могут уклониться от заключения государственного контрак-

та и договора поставки товаров для государственных нужд. Необходимо отметить и наличие конкурсных начал при установлении договорных отношений по поставке товаров для госнужд.

В-пятых, договорным отношениям по поставке товаров для государственных нужд присущи также особенности, связанные с исполнением обязательств, изменением и прекращением договорных отношений, что выражается, например, в возложении на государственного заказчика обязанности поручителя при оплате покупателем товаров по договору поставки товаров для государственных нужд, в возмещении поставщику (исполнителю) убытков в связи с выполнением государственного контракта, заключение которого обязательно, в праве государственного заказчика и поставщика (исполнителя) в определенных случаях изменить или расторгнуть договор и т. д.

В-шестых, государственные контракты и договоры поставки товаров для государственных нужд отличаются еще и особенностями обеспечения выполнения обязательств по реализации товаров для государственных нужд. Согласно действующему законодательству при поставке товаров для государственных нужд могут применяться меры стимулирования поставщиков, тогда как при обычной поставке такие меры не предусмотрены. Есть особенности и в части ответственности за нарушение обязательств при реализации товаров для государственных нужд.

Применительно к содержанию гражданско-правового договора, в том числе государственных контрактов и договоров поставки товаров для государственных нужд, первостепенное значение имеет вопрос о существенных условиях, ибо договор считается заключенным, если между сторонами в требуемой в подлежащих случаях форме достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора (п. 1 ст. 402 ГК).

Действующее законодательство не называет существенных условий государственных контрактов и договоров поставки товаров для государственных нужд. В Законе о поставках товаров для государственных нужд³ государственный контракт определяется как основной документ, регламентирующий правовые, экономические и организационные отношения государственного заказчика и поставщика товаров для государственных нужд. Согласно ст. 496 ГК по государственному контракту на поставку товаров для государственных нужд поставщик (исполнитель) обязуется передать товары государственному заказчику либо по его указанию – иному лицу, а государственный заказчик обязуется обеспечить оплату поставленных товаров. Типовой государственный контракт на поставку товаров для государственных нужд, утвержденный приказом Министерства экономики Республики Беларусь от 17 марта 1995 г.⁴, содержит целый ряд условий государственного контракта, прав и обязанностей его сторон, которые сгруппированы в следующие разделы: предмет контракта; права и обязанности сторон; количество (ассортимент), сроки и порядок поставки товаров; качество и комплектность товара; цены и порядок расчетов; имущественная ответственность; рассмотрение споров; особые условия государственного контракта; действие контракта; юридические реквизиты сторон. И хотя положения Типового государственного контракта как нормативного акта обязательны для государственного заказчика и поставщика (исполнителя), это не означает их тождественности существенным условиям договора. В связи с этим по вопросу о существенных условиях гражданско-правовых договоров обратимся к анализу законодательства и литературы.

Проблема существенных условий договора стала объектом пристального внимания многих ученых⁵. Но чтобы анализ высказанных в литературе мнений носил не только теоретический, но и практический характер, рассмотрим лишь те из них, которые учитывают новое гражданское законодательство. В ГК Республики Беларусь 1998 г. существенными признаются условия о предмете договора, условия, которые названы в законодательстве как су-

существенные для договоров данного вида, а также условия, относительно которых должно быть достигнуто соглашение по заявлению одной из сторон (п. 1 ст. 402). Как видим, выделяются три **категории** существенных условий: о предмете; названные в законодательстве как существенные для договоров данного вида; которые должны быть согласованы по заявлению одной из сторон. В отличие от ГК Республики Беларусь несколько иная формулировка второй категории существенных условий дана в ГК Российской Федерации (ст. 432), где эти условия определены как названные в законе (или иных правовых актах) как существенные или необходимые для договоров данного вида. Данное правило означает, что для каких-то договоров в законодательстве может быть предусмотрен перечень условий, подлежащих включению в договор, но прямо существенными они не называются.

В вопросе о существенных условиях выделим две стороны: внешнюю и внутреннюю. Внешняя сторона касается пределов расположения существенных условий, т. е. должны ли они быть исключительно в самом договоре или могут находиться также в законодательстве за рамками договора. Так, О.С. Иоффе указывал на то, что «существенные условия характеризуются ...такой особенностью, как обязательность их согласования сторонами и непосредственное выражение в самом договоре, который в противном случае не считается заключенным»⁶. Иную точку зрения высказал В.В. Витрянский, по мнению которого исследование существенных условий договора предполагает анализ договора – правоотношения, содержание которого отнюдь не исчерпывается пунктами, имеющимися в тексте договора. При этом из круга существенных условий он выделяет условия договора, определенные диспозитивными нормами (определимые существенные условия договора). Такие условия, как поясняет указанный автор, всегда являются существенными, поскольку относятся к категории условий, названных законом если не существенными, то уж во всяком случае необходимыми для данного вида договора. Что касается императивных норм, то они никак не могут определять условия договора, а устанавливают правила, которые должны соблюдаться участниками имущественного оборота, и находятся за рамками понятия «договор»⁷. М.И. Брагинский пришел к выводу, что, «поскольку диспозитивная норма не отличается от нормы императивной до той поры, пока стороны не включают в договор иное, в указанной ситуации диспозитивная норма, подобно норме императивной, также должна считаться находящейся за пределами договора»⁸.

Вопрос о возможности нахождения условий договора за рамками его самого напрямую связан с распространенным делением договорных условий на существенные, обычные и случайные⁹. В отличие от существенных обычными именуют условия, устанавливаемые в нормативном порядке и применяемые сторонами без специальной договоренности. Условия, которые не предусмотрены законодательством и отсутствие которых не имеет значения для признания договора заключенным, считаются случайными. Вместе с тем обосновывается положение о том, что выделение условий «обычных» и «случайных» проводится только в литературе и носит исключительно доктринальный характер¹⁰.

Не вызывает сомнения, что отношения сторон по заключенному договору регулируются или могут регулироваться (кроме условий самого договора) также нормами действующего законодательства, которые относятся либо только к данному типу (виду) договора, либо к положениям, единым для всего гражданского оборота (о гражданско-правовом договоре, об исполнении обязательств и ответственности за их нарушение и т. д.). Их наличие объективно необходимо. Сложившиеся гражданско-правовые договоры закрепляются в законодательстве и регулируются им в большей или меньшей степени. Естественно, что положения, общие для всех типов (видов) договоров, выносятся за «скобки». Но договорные условия, права и обязанности сторон

договора формулируются в законодательстве, на наш взгляд, лишь применительно к определенному договору. Они могут содержаться как в императивных, так и в диспозитивных нормах. Заключая конкретный договор, стороны тем самым соглашаются с условиями, предусмотренными в законодательстве об этом договоре. При этом отношения сторон начинают подчиняться и законодательству в целом, так как действующий в стране правовой порядок обязателен для всех.

Однако вряд ли договорные условия, находящиеся за рамками заключенного договора, даже определяемые только диспозитивными нормами, можно считать существенными условиями договора. Назначение существенных условий как раз и состоит в определении самого факта заключения договора. Договором же признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей (п. 1 ст. 390 ГК Республики Беларусь, п. 1 ст. 420 ГК Российской Федерации). А факт заключения договора связывается с достижением между сторонами в требуемой в подлежащих случаях форме соглашения по всем существенным условиям договора (п. 1 ст. 402 ГК Республики Беларусь, п. 1 ст. 432 ГК Российской Федерации). Совокупность условий, на которых достигнуто соглашение, фиксируется сторонами в тексте договора, оформляемого в зависимости от способа заключения.

Условия договора, предусмотренные законодательством об этом типе (виде) договора, следует относить к обычным условиям. На них не распространяется необходимость обязательного согласования сторонами и непосредственного выражения в самом договоре. Однако в случаях, когда условие договора предусмотрено диспозитивной нормой, стороны могут своим соглашением установить условие, отличающееся от предусмотренного в ней и не противоречащее законодательству (п. 3 ст. 391 ГК). И тогда оно становится существенным условием договора как условие, относительно которого должно быть достигнуто соглашение по заявлению одной из сторон. По этому же основанию приобретают характер существенных случайные условия, если по поводу их последовало предложение одной из сторон о включении в договор. Но поскольку, в отличие от обычных, случайные условия в законодательстве за рамками договора не предусмотрены, их выделение носит действительно лишь доктринальный характер. Все условия заключенного договора независимо от их значимости являются существенными.

Поскольку государственный контракт и договор поставки товаров для государственных нужд являются разновидностями договора поставки, то существенные условия договора поставки будут одновременно и их существенными условиями. В соответствии с п. 4 Положения о поставках товаров в Республике Беларусь от 8 июля 1996 г.¹¹ в договоре, как правило, должны быть отражены: предмет договора (наименование товара, его количество, ассортимент, качество и комплектность), порядок расчетов и цена товара; порядок поставки товара; транспорт; требования к таре и упаковке, страхованию; имущественная ответственность сторон; срок действия договора; порядок изменения и расторжения договора; иные, не противоречащие законодательству Республики Беларусь условия, которые стороны признают необходимым предусмотреть в договоре. Приведенный перечень охватывает наиболее значимые и употребимые условия договора поставки, так как далее оговаривается, что договор поставки считается заключенным и тогда, когда между сторонами согласованы лишь наименование товара, его количество и цена либо установлен порядок их определения. Последнее правило означает, что выделенные условия договора поставки можно признавать существенными. Юридическое значение существенных условий как раз в том и состоит, что с их наличием закон связывает само заключение договора. При отсутствии хотя бы одного из существенных условий договор считается незаключенным. В то же время следует иметь в виду, что условия до-

говора поставки, включая существенные, определяются сейчас прежде всего на основании норм ГК.

Анализ действующего законодательства позволяет выделить в качестве существенных условий договора поставки, включая поставки товаров для государственных нужд, наименование и количество товаров, цель их приобретения и сроки поставки. Исходя из п. 3 ст. 425 ГК условия о поставляемом товаре считаются согласованными, если договор дает возможность определить наименование и количество товара. В Указе Президента Республики Беларусь от 7 марта 2000 г. № 117 «О некоторых мерах по упорядочению посреднической деятельности при продаже товаров»¹² предусматривается необходимость указания цели приобретения товаров в качестве существенного условия договора поставки – для собственного производства и (или) потребления, вывоза из Республики Беларусь, оптовой и (или) розничной торговли, переработки на давальческих условиях, поставки для государственных нужд или по установленным Советом Министров Республики Беларусь квотам. Соответствующее дополнение внесено и в Положение о поставках товаров в Республике Беларусь¹³. Из ст. 476 ГК, в которой дается понятие договора поставки, вытекает обязанность согласования поставщиком и покупателем срока или сроков поставки. Следовательно, условие о сроке поставки имеет существенный характер.

Разумеется, помимо существенных условий, в государственных контрактах и договорах поставки товаров для государственных нужд может предусматриваться и ряд других условий, в том числе выражающих особенности поставок для госнужд – о порядке поставки товаров, порядке расчетов, льготах, предоставляемых поставщику (исполнителю), ответственности и т. д.

Как нам представляется, в ГК должно быть положение о содержании государственного контракта на поставку товаров для государственных нужд. В качестве образца можно взять ст. 721 ГК, согласно которой государственный контракт на выполнение подрядных работ для государственных нужд должен содержать условия об объеме и стоимости подлежащей выполнению работы, сроках ее начала и окончания, размере и условиях финансирования и оплаты работы, способах обеспечения обязательств сторон. В случае же, когда государственный контракт заключается по результатам конкурса на размещение заказа на подрядные работы для государственных нужд, условия государственного контракта определяются в соответствии с объявленными условиями конкурса и представленным на конкурс предложением подрядчика, признанного победителем конкурса. Норма о содержании государственного контракта на поставку товаров для государственных нужд могла бы дополнить ст. 496 ГК.

Надо также признать, что Типовой государственный контракт на поставку товаров для государственных нужд в нынешнем своем виде носит достаточно общий характер. Учитывая важность и сложность договорных отношений по поставке товаров для государственных нужд, он должен быть гораздо более развернутым.

¹ Ведомости Национального собрания Республики Беларусь. 1999. № 7–9. Ст. 101; Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2000. № 69. 2/190; 2001. № 46. 2/750 (в дальнейшем – ГК).

² См.: Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Отв. ред. проф. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999. Т. II. Полутом 1. С. 295.

³ Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1993. № 33. Ст. 432.

⁴ Бюллетень нормативно-правовой информации. 1995. № 7.

⁵ См.: Халфина Р.О. Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве. М., 1952. С. 202; Гавзе Ф.И. Социалистический гражданско-правовой договор. М., 1972. С. 116; Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. М., 1997. С. 238–273; Чигир В.Ф. Гражданско-правовой договор // Промышленно-торговое право. 2000. № 3–4. С. 14–22.

⁶ Иоффе О.С. Обязательственное право. М., 1975. С. 31.

⁷ См.: Витрянский В. Существенные условия договора // Хозяйство и право. 1998. № 7. С. 3–12.

⁸ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Указ. пр. С. 242–243.

⁹ См.: Новицкий И.В., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. М., 1954. С. 148; Гражданское право: Учебник: В 3 ч. / Под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. М., 1996. Ч. 1. С. 432; Брагинский М.И., Витрянский В.В. Указ. пр. С. 238; Гражданское право: Учебник: В 2 ч. / Под общ. ред. проф. В.Ф. Чигира. Мн., 2000. Ч. 1. С. 820.

¹⁰ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Указ. пр. С. 238.

¹¹ Собрание указов Президента и постановлений Кабинета Министров Республики Беларусь. 1996. № 19. Ст. 481; Собрание декретов, указов Президента и постановлений Правительства Республики Беларусь. 1998. № 23. Ст. 620; Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2000. № 55. 5/3320.

¹² Собрание декретов, указов Президента и постановлений Правительства Республики Беларусь. 2000. № 7. Ст. 171.

Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2000. № 55. 5/3320.

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

<i>Казакоў Ю.Л., Каханоўскі А.Г., Лойка П.А.</i> Айчынная гісторыя ў Беларускай дзяржаўнай універсітэце.....	3
<i>Кошалеў У.С., Салькоў А.П., Фядосік В.А., Яноўскі А.А.</i> Усеагульная гісторыя ў Беларускай дзяржаўнай універсітэце.....	11

ФІЛАСОФІЯ

<i>Зеленков А.И.</i> Развитие философской мысли в Беларуси	23
<i>Зеленков А.И.</i> Феномен релятивизма и традиции классического философствования	24
<i>Кисель Н.К.</i> Коммуникативные интенции постнеклассической науки и антропный космологический принцип.....	29

ПСІХАЛОГІЯ

<i>Фурманов И.А.</i> Кафедра психологии – 25 лет	34
<i>Слепович Е.С.</i> Психология ребенка с аномальным развитием как практика психологии Выготского: подходы к построению и трансляции	36
<i>Фурманов И.А.</i> Аффективно-динамическая теория адаптации	42

ПАЛІТАЛОГІЯ

<i>Решетников С.В., Шарапов А.В.</i> Политическая наука и теория международных отношений в БГУ	48
<i>Шарапов А.В.</i> Некоторые аспекты внешней политики ФРГ на современном этапе	50
<i>Решетников С.В., Антанович Н.А.</i> Предметное поле анализа государственной политики и управления.....	58
<i>Круглова Г.А.</i> Глобальные проблемы в современной политике	63

САЦЫЯЛОГІЯ

<i>Данилов А.Н.</i> Социологические исследования в БГУ за 80 лет.....	68
<i>Данилов А.Н.</i> Социологическая наука в трансформирующемся обществе	70
<i>Ротман Д.Г., Тарнавский А.А.</i> Как сделать социологические исследования зеркалом общественного мнения?.....	77

ЭКАНОМІКА

<i>Лаврухина И.А.</i> История экономических исследований в БГУ	85
<i>Клюня В.Л.</i> Приоритетные направления устойчивого развития агропромышленного комплекса Республики Беларусь	88
<i>Лемещенко П.С.</i> Информационная экономика и электронная торговля: политико-экономическая оценка	93

ПРАВА

<i>Юхо И.А.</i> Юридическая наука в БГУ за 80 лет	98
<i>Хомич В.М.</i> На пути формирования либеральной уголовной политики (к истокам правовой концепции).....	100
<i>Годунов В.Н.</i> Государственные контракты и договоры поставки товаров для государственных нужд: особенности и содержание	110

CONTENTS

HISTORY

<i>Kazakou J.L., Kahanouski A.G., Lojka P.A.</i> Native Belarusian History in the Belarusian State University	3
<i>Koschelev V.S., Salkov A.P., Fiadosik V.A., Janovski O.A.</i> General History at the Belarusian State University	11

PHILOSOPHY

<i>Zelenkov A.I.</i> The Development of Philosophical Idea in Belarus	23
<i>Zelenkov A.I.</i> Relativism and Traditions of Classical Thinking in Philosophy	24
<i>Kisel N.K.</i> Communicative Intentions of Post-non-Classical Science and the Anthropol Cosmological Principle	29

PSYCHOLOGY

<i>Fourmanow I.A.</i> The Affective Dynamic Theory of Adaption	34
<i>Slepovich E.S.</i> The Psychology of Handicapped Children as the Practice of Vygotsky's Psychology: the Approaches to Constructions and Translation	36
<i>Fourmanow I.A.</i> The Affective-Dynamic Theory of Adaptation	42

POLITOLOGY

<i>Reshetnikov S.V., Sharapo A.V.</i> Political Science and the Theory of International Relations at the Belarusian State University	48
<i>Sharapo A.V.</i> Some Aspects of the Modern FRG Foreign Policy	50
<i>Reshetnikov S.V., Antanovich N.A.</i> Subject Field of Public Policy and Administration Analysis	58
<i>Kruglova G.A.</i> Global Problems in Modern Politics	63

SOCIOLOGY

<i>Danilov A.N.</i> Sociological Inverstations at the Belarusian State University During 80 Years	68
<i>Danilov A.N.</i> Sociology in the Transforming Society	70
<i>Rotman D.G., Tarnavski A.A.</i> How to Make the Sociological Researches the Real Mirror of Public Opinion?	77

ECONOMICS

<i>Lavruchina I.A.</i> The History of Economic Inverstigations at the Belarusian State University	85
<i>Klynya V.L.</i> The Main Directions of Agribusiness Stable Development of the Republic of Belarus	88
<i>Lemeschenko P.S.</i> Information Economy and Trade: A Political and Economic Estimation	93

LAW

<i>Yuho I.A.</i> Jurdical Science in the BSU Dyring 80 Years	98
<i>Khomich V.M.</i> On the Way of Forming Liberal Criminal Politics (to the Sources of the Legal Conception)	100
<i>Godunov V.N.</i> State Contracts and Treaties on Goods Supplies for State Needs: Peculiarities and Provisions	110